ME
GO
353

Земля
и
Воля

Спб. 1868 г.

ME
60
353

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ.

П. Л.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
Вас. Остр., 8 линія, No. 45.

—

1868.

ME
60
353

анонимъ

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ.

П. Лилиенфельдъ

Объединенная библиотека И. К. П. 145078

I. Русская деревня въ 1868 г.
II. Земскія и судебно-мировыя учрежденія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
Васил. Остр., 8 л., No. 45.

1868.

Sp/8

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предыд. выдач.....

I.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

въ 1868 г.

Великое дѣло освобожденія крестьянъ совершено. Актъ дарованія гражданскихъ правъ 22 милліонамъ людей вписанъ въ исторію русскаго народа, въ исторію всемірной цивилизаціи, и имя Того, кто совершилъ этотъ подвигъ великодушія и правды, вознесено будетъ превыше самыхъ громкихъ именъ завоевателей.

Но какъ послѣ всякой, даже и блестящей, побѣды, остается горесть по убитымъ и изувѣченнымъ, — остаются раны, требующія исцѣленія, и развалины, которыя должны быть возстановлены, точно также, и послѣ такого глубокаго соціальнаго переворота, быстро совершеннаго, не могло не остаться множества смертельно пораженныхъ интересовъ, и этотъ переворотъ, до корня затронувшій вѣками слагавшійся порядокъ вещей, не могъ не потрясти всего экономическаго и общественнаго строя государства. Не друзья, а, напротивъ, только

сознательные или безсознательные враги совершонныхъ преобразованій могутъ усиливаться скрывать отъ глазъ правительства и общества это глубокое и дѣйствительное потрясеніе. Исцѣляются только раны открытыя, сознанныя.

Въ полномъ сознаніи великаго и, для послѣдующаго развитія русскаго народа, благодѣтельнаго значенія совершонныхъ, въ настоящее царствованіе, преобразованій, мы тѣмъ не менѣе — въ виду многихъ, очевидно несбывшихся надеждъ и ожиданій—рѣшаемся указать на тѣ излишнія жертвы, на то разстройство, которыя сопровождали осуществленіе великихъ нравственныхъ началъ, лежащихъ въ основаніи Положенія 19 февраля.

I.

Въ послѣднее время, по всей нечерноземной полосѣ Россіи, стали раздаваться громкія жалобы на постоянные неурожаи, какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ. Со всѣхъ сторонъ слышатся сѣтованія на дурные, для сельскаго хозяина, годы, на плохія времена. Въ истекшемъ 1867 г., неурожай оказался еще хуже въ сравненіи съ плохими урожаями двухъ послѣднихъ лѣтъ, и, въ соединеніи съ недостаточнымъ подвозомъ хлѣба изъ низовыхъ губерній, грозитъ принять размѣры народнаго бѣдствія, для сѣверной полосы Россіи. Въ отдаленныхъ уѣздахъ Петербургской губерніи, цѣна хлѣба уже превышаетъ 14 р. за четверть ржи и куль муки, и, по оффиціальнымъ свѣденіямъ, во многихъ мѣстностяхъ запасы хлѣба едва ли могутъ обезпечить продовольствіе населенія.

Постоянные неурожаи эти обыкновенно приписываются неблагопріятнымъ атмосферическимъ условіямъ. Что подобныя условія дѣйствительно существовали,—не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но спрашивается: составляютъ ли они единственную причину этого явленія, и нѣтъ ли еще другихъ причинъ, одновременно съ ними дѣйствующихъ и усиливающихъ бѣдственныя послѣдствія неблагопріятныхъ климатическихъ условій.

Для внимательнаго наблюдателя причины эти существуютъ. Онѣ заключаются во всеобщемъ упадкѣ въ нечерноземной полосѣ Россіи, какъ помѣщичьяго, такъ и крестьянскаго хозяйства. Поля истощаются и хуже обработываются, а на истощенномъ и дурно обработанномъ полѣ неблагопріятно отзываются даже самыя ничтожныя атмосферическія уклоненія, подобно тому, какъ на слабый организмъ дѣйствуютъ пагубно такія внѣшнія условія, которыя для здороваго и сильнаго человѣка проходятъ совершенно незамѣченными.

Въ черноземной полосѣ хлѣбопашество основано на началахъ самыхъ простыхъ, можно ска-

зать, первобытныхъ. Благодаря неистощимому въ своей производительности черноземy, поля никогда не унаваживаются, и слѣдовательно нѣтъ необходимости въ содержаніи скота, собственно для производства удобренія. Самая полевая работа тѣмъ самымъ чрезвычайно упрощается, такъ какъ вывозка и запахиваніе навоза составляетъ почти половину всѣхъ издержекъ, необходимыхъ для производства озимаго хлѣба. Стоитъ только поднять верхній слой благодатнаго чернозема и бросить туда сѣмена, и трудъ хлѣбопашца, при нѣсколько благопріятныхъ условіяхъ, съ избыткомъ вознаграждается.

Болѣе сложнымъ, болѣе искусственнымъ и потому сопряженнымъ съ большею затратою матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, представляется намъ хозяйство въ нечерноземной полосѣ. Содержаніе скота въ болѣе продолжительную и болѣе суровую зиму, прокормленіе его на дому съ цѣлью производства удобренія, требующаго, съ своей стороны, значительной затраты соломы для постилки, необходимость унаваживанія пашни и обусловливаемая ею болѣе тщательная и дорогая обработка полей; очистка

сихъ послѣднихъ отъ камней и осушка пашни посредствомъ разумно проведенныхъ канавъ и стоковъ; необходимость имѣть въ запасѣ озимыя сѣмена отъ прошлогодняго урожая на случай несвоевременнаго созрѣванія озими для осенняго обсемѣненія полей; предварительная свозка сноповъ въ сараи, затѣмъ сушка хлѣба въ овинахъ, добываніе для того топлива и молотьба въ ригахъ,—какое количество лишнихъ строеній потребно для всего этого, не говоря уже о большемъ количествѣ издержекъ, труда, знанія, предусмотрительности и бережливости.

Между хлѣбопашествомъ въ нечерноземной и черноземной полосѣ такая же разница, какъ между воздушнымъ, налегкѣ возведеннымъ жилищемъ индійца, не страшащагося суровой зимы съ ея холодами и потому живущаго безъ оконъ, безъ дверей и безъ топлива, — и плотно срубленною, снабженною хорошею печью русскою избою, въ которой каждая неисправность, каждая щель можетъ имѣть послѣдствіемъ проникновеніе невыносимаго холода извнѣ или опасность пожара внутри. Которое изъ этихъ двухъ сооруженій представляетъ большій умственный

и матеріальный капиталъ? Безъ сомнѣнія жилище сѣвера.

Въ массѣ публики и даже въ нѣкоторыхъ правительственныхъ сферахъ эта противуположность въ экономическомъ отношеніи сѣвера и юга Россіи едва ли ясно сознается. Не рѣдко въ опроверженіе того, что сельское хозяйство дурно идетъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, приводятся примѣры и данныя изъ черноземной полосы, и доказательствамъ обѣднѣнія крестьянъ и раззоренія помѣщиковъ въ Новгородской или Псковской губерніяхъ противупоставляютъ свѣденія и данныя, относящіяся до Симбирской или Харьковской губерніи. Но именно, вслѣдствіе глубокаго различія въ климатическихъ и экономическихъ условіяхъ, въ коихъ поставлено сельское хозяйство на югѣ и сѣверѣ Россіи, самое положеніе 19-го февраля 1861 г. имѣло въ отношеніи этихъ двухъ полюсовъ обширной русской земли не одинаковыя послѣдствія. Въ черноземной полосѣ положеніемъ о крестьянахъ только слегка потрясенъ экономическій бытъ крестьянъ и помѣщиковъ, и слѣды этого потрясенія могутъ изгладиться въ непродолжитель-

номъ времени. Въ нѣкоторыхъ, болѣе густонаселенныхъ черноземныхъ мѣстностяхъ, уже теперь замѣтенъ сильный поворотъ къ лучшему и уже чувствуется то отрадное расположеніе, которое всегда слѣдуетъ послѣ перенесенія тяжкаго и опаснаго кризиса. Въ этихъ мѣстностяхъ запашка какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, вслѣдствіе улучшенныхъ путей сообщенія, усиленныхъ требованій за границу и возвышенія цѣнъ на хлѣба, значительно увеличилась. Тамъ гдѣ въ послѣднее время цѣна ржи на самомъ мѣстѣ производства съ 80 к. с. за четверть поднялась до 3 руб. сер., а цѣна пшеницы съ 3 р. до 6 р. и выше, тамъ это возвышеніе послужило такимъ поощреніемъ сельскому хозяйству, что ослабило, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже совершенно устранило всѣ неблагопріятныя условія переходнаго времени. Въ этихъ мѣстностяхъ чувствуется необыкновенное экономическое оживленіе и даже капитальная цѣнность земель значительно возвысилась.

Въ сѣверной нечерноземной полосѣ потрясеніе было гораздо глубже и въ общей сложности пока еще не видно никакихъ признаковъ

перехода къ лучшему. Напротивъ того для предохраненія крестьянъ и помѣщиковъ отъ окончательнаго раззоренія и для предотвращенія совершеннаго разстройства помѣщичьихъ хозяйствъ необходимы со стороны правительства самыя энергическія мѣры.

Изъ достовѣрныхъ свѣденій, собранныхъ въ двухъ черноземныхъ губерніяхъ, по имѣніямъ одного изъ значительныхъ нашихъ землевладѣльцевъ, оказывается, что количество скота,— этого лучшаго мѣрила сельскаго благосостоянія, уменьшилось втеченіе послѣднихъ шести лѣтъ въ слѣдующей пропорціи:

	Число душевыхъ надѣловъ.	Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.
Самарской губ. Ставропольскаго уѣзда:				
въ 1861 году	1,555	2,236	1,346	4,896
» 1867 »	—	1,695	1,187	3,870
Убыль . . .	—	541	159	1,026
	—	24%	11 3/4%	21%
Симбирской губерніи Сызранскаго уѣзда:				
въ 1861 году . . .	3,034	4,146	3,095	14,847
» 1867 »	—	2,744	2,191	6,976
Убыль . . .	—	1,402	904	7,871
	—	33 3/4%	29 1/4%	53%
Тамъ же:				
въ 1861 году . . .	3,161	4,492	3,404	10,722
» 1867 »	—	3,228	2,171	4,953
Убыль . . .	—	1,264	1,233	5,769
	—	28%	36%	53 3/4%

Но если таковъ упадокъ скотоводства въ благодатной черноземной полосѣ и въ имѣніяхъ владѣльца, крестьяне коего не только всегда славились своимъ благосостояніемъ, но и постоянно пополняли ряды нашего зажиточнаго купечества, то въ какомъ положеніи должно быть въ настоящее время скотоводство, а слѣдовательно и сельское хозяйство крестьянъ въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ и въ такихъ имѣніяхъ, въ которыхъ владѣльцы, при крѣпостномъ правѣ, заботились лишь о наибольшемъ извлеченіи для себя доходовъ?

Въ Петергофскомъ уѣздѣ, при описи имущества крестьянъ для взысканія недоимокъ въ одной извѣстной въ прежнее время своимъ благосостояніемъ деревнѣ, оказалось на 200 душъ только 50 коровъ и 36 лошадей, а въ другой деревнѣ на 45 душъ — 5 коровъ, 3 лошади и четыре козы! А между тѣмъ въ этомъ уѣздѣ не появлялось въ послѣднее время никакихъ повальныхъ на скотъ болѣзней.

Подобно тому, какъ недостаточное удобреніе и дурная обработка неблагопріятно отзываются на пашнѣ, недостаточный кормъ и дур-

ной уходъ дѣйствуютъ на домашній скотъ. Тамъ дѣйствіе это выражается неурожаями, здѣсь — воспріимчивостію къ разнымъ болѣзнямъ, падежемъ. Не безъ причины и не безъ вины самаго населенія, такъ часто стала теперь появляться и такъ опустошительно дѣйствовать непрошенная гостья—сибирская язва. Для нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерній разныя эпидемическія болѣзни на скотъ составляютъ уже не мимоходное, а постоянное зло, какъ неизбѣжное послѣдствіе дурнаго содержанія скота. А кто занимается сельскимъ хозяйствомъ, тотъ вполнѣ сознаетъ значеніе скотскаго падежа. Это не одинъ чрезвычайный неурожай, это цѣлый рядъ неурожаевъ въ будущемъ, вслѣдствіе истощенія полей отъ недостатка удобренія.

Еще въ болѣе печальномъ положеніи, чѣмъ крестьянскія, находятся помѣщичьи хозяйства въ сѣверной нечерноземной полосѣ. Крестьянинъ, прилагая къ хлѣбопашеству свой собственный трудъ, даже съ убыткомъ продолжаетъ обработывать свое поле потому, что какъ бы ни былъ непроизводителенъ его трудъ, ему ничего болѣе не остается дѣлать. Напротивъ того по-

мѣщикъ, въ случаѣ недостаточнаго вознагражденія его трудовъ и затратъ и малой надежды на болѣе благопріятныя условія въ будущемъ, имѣетъ прямую выгоду тотчасъ же закрыть свое хозяйство и заняться чѣмъ нибудь другимъ, иначе убытки его лишь будутъ возрастать съ каждымъ годомъ. Такъ въ настоящее время дѣйствительно и поступаетъ большинство владѣльцевъ, и если многіе еще не рѣшаются на столь крайнюю мѣру, то лишь потому, что руководствуются какими нибудь побочными соображеніями или надѣятся на болѣе благопріятныя условія въ будущемъ.

По собраннымъ Петергофскою уѣздною управою положительнымъ свѣдѣніямъ, въ 1865 году, изъ находящихся въ Петергофскомъ уѣздѣ 63 помѣщичьихъ имѣній, въ 11-ти была прекращена совершенно запашка и проданъ весь скотъ, а въ 27 значительно сокращены и то и другое. А между тѣмъ Петергофскій уѣздъ находится въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ относительно качества почвы, сбыта произведеній, путей сообщенія и тому под., чѣмъ болѣе отдаленные уѣзды С.-Петербургской гу-

берніи, не говоря уже о Новгородской, Псковской и другихъ сѣверныхъ губерніяхъ. Тамъ помѣщичьи хозяйства, а вмѣстѣ съ ними и затраченный въ нихъ значительный капиталъ, возобновленіе коего въ нашемъ сѣверномъ климатѣ сопряжено съ большими затрудненіями и требуетъ продолжительнаго времени, окончательно гибнутъ.

Согласно даннымъ, заимствованнымъ изъ оффиціальнаго источника, въ Вятской губерніи:

	Посѣяно:	Собрано:
Въ 1857 —	3,183,427 четв.	11,446,134 четв.
» 1858 —	3,122,125 »	11,512,486 »
» 1859 —	3,331,842 »	8,807,736 »
» 1860 —	3,194,137 »	9,619,213 »
» 1861 —	4,231,688 »	8,043,561 »
» 1862 —	3,656,146 »	10,676,481 »
» 1863 —	4,627,585 »	10,656,501 »
» 1864 —	4,400,124 »	7,201,649 »
» 1865 —	3,530,535 »	7,488,122 »
» 1866 —	3,418,982 »	9,870,425 »
Итого	36,756,431 четв.	95,328,308 четв.

Само собою разумѣется, что капитальная цѣнность имѣній упала соотвѣтственно доходности ихъ. Вотъ нѣсколько оффиціальныхъ дан-

ныхъ о проданныхъ въ С.-Петербургскомъ губернскомъ правленіи имѣніяхъ:

Обозначеніе имѣній.	Количество десятинъ.	Во сколько оцѣнено.	За сколько продано.	Заплачено за одну десятину.	
С.-Петербургской губерніи:		Руб.	Руб.	Р.	К.
Гдовскаго уѣзда статскаго совѣтника К.	263	1,380	483	1	83½
Пермской губерніи:					
Дѣйствит. ст. совѣтника В. .	50,000 (лѣса и заводы)	151,523	78,000	1	56
Смоленской губерніи:					
Порѣч. уѣзда, гжатскаго мѣщанина Ч.	2,937	5,150	3,595	1	22½
Новгородской губерніи:					
Тихвинскаго уѣзда, генералъ-маіора Б.	707	1,700	250	—	35½
Тверской губерніи:					
Бѣжецкаго уѣзда, помѣщика М.	455	2,275	120	—	26⅓
Новгородской губерніи:					
Череповскаго уѣзда, дворян. П.	3,937	5,905	201	—	5

Пять копѣекъ за десятину! Цифра, кажется, довольно краснорѣчивая.

Разсматривая неутѣшительное положеніе, въ которое поставлена теперь деревня, въ особенности въ нечерноземной полосѣ, когда помѣщики удаляются изъ своихъ имѣній, закрывая, или по крайней мѣрѣ значительно сокращая хозяйство, а крестьяне бѣдствуютъ отъ недостатка заработковъ, отъ неурожаевъ и падежей, а болѣе всего отъ собственной безпечности и непредусмотрительности, каждый изъ насъ по-

желаетъ, конечно, дать себѣ болѣе ясный и полный отчетъ о причинахъ, приведшихъ къ этому положенію. Причины эти весьма сложны, неодинаковы для разныхъ мѣстностей, и различны по отношенію къ крестьянскому и помѣщичьему хозяйству.

II.

Положеніе 19-го февраля 1861 года вывело временно-обязанныхъ крестьянъ, изъ коихъ многіе въ настоящее время превратились уже въ крестьянъ-собственниковъ, изъ-подъ неограниченной власти помѣщика къ полной общественной и хозяйственной самостоятельности, по крайней мѣрѣ по отношенію къ внутреннему своему самоуправленію и къ веденію своего хозяйства. Уплата оброка помѣщику, уплата выкупныхъ платежей въ уѣздныя казначейства, вотъ та единственная связь, которою въ настоящее время замѣнена бывшая неограниченная опека. То же самое совершено по отношенію къ удѣльнымъ крестьянамъ положеніемъ 26 іюня 1863 года и по отношенію къ государственнымъ —указомъ 18 января 1866 года.

Спрашивается: какимъ образомъ такой быстрый переходъ изъ-подъ неограниченной власти и весьма тѣсной опеки на широкое поприще личной и общественной свободы, долженъ былъ отозваться на такомъ еще неразвитомъ существѣ, каковъ нашъ добрый, но еще неокрѣпшій въ борьбѣ за личную свободу и самостоятельность, крестьянинъ?

Лицамъ, никогда не владѣвшимъ недвижимою собственностію, этого рода собственность представляется лишь въ видѣ богатаго источника доходовъ, будто бы достающихся землевладѣльцу помимо всякихъ съ его стороны усилій. Для полученія процентовъ по капиталу, не находящемуся въ оборотѣ, для промѣна купоновъ на деньги, по процентнымъ бумагамъ, конечно, не требуется никакихъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, даже почти никакого труда.

Совершенно иное представляетъ намъ недвижимая, въ особенности поземельная собственность. Не даромъ римляне, этотъ по преимуществу практическій народъ, называли поземельную собственность — dominium — господствомъ,—

господствомъ человѣка надъ вещью, разума надъ матеріею. И дѣйствительно, для того, чтобы обладать поземельною собственностію, въ полномъ смыслѣ этого слова, необходима цѣлая совокупность физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ качествъ, которыя не даются вмѣстѣ съ собственностію, но которыя должны быть пріобрѣтены самимъ собственникомъ. Иначе онъ не будетъ господствовать надъ этою собственностію, но будетъ подавленъ ею; не онъ будетъ владѣть собственностію, а она будетъ владѣть имъ. Сколько нужно дѣятельности, предусмотрительности, бережливости, практической опытности, сколько умственнаго, нравственнаго и физическаго труда, во всѣхъ разнообразныхъ его видахъ, для того, чтобы вынутое изъ засѣки зерно, чрезъ всѣ пріемы и превращенія сельскохозяйственнаго производства, возвратить обратно въ амбаръ въ большемъ, противу прежняго, количествѣ. Сколько нужно избѣгнуть случайностей, могущихъ неблагопріятно вліять на развитіе зерна, сколько необходимо предотвратить вражескихъ силъ, направленныхъ къ его уничтоженію.

Крупные собственники достаточно богаты для того, чтобы вмѣсто себя нанимать спеціалистовъ, обладающихъ всѣми качествами, необходимыми для управленія поземельною собственностію. Безъ управителей крупные собственники должны бы были сами заниматься хозяйствомъ, подъ опасеніемъ лишиться собственности или по крайней мѣрѣ доходовъ съ нея. Но развѣ такой наемъ возможенъ для мелкихъ собственниковъ, въ родѣ нашихъ крестьянъ, для цѣлаго населенія, состоящаго изъ многихъ милліоновъ? Нѣтъ, здѣсь каждый собственникъ долженъ самъ соединять въ себѣ всѣ качества, необходимыя для управленія поземельною собственностію, иначе собственность будетъ уменьшаться въ цѣнѣ и въ доходности, иначе она сдѣлается для собственника не источникомъ благосостоянія, а невыносимымъ бременемъ. Если собственникъ не въ состояніи управлять своимъ владѣніемъ и если при томъ онъ сдѣлался таковымъ не по собственному желанію и стремленію, а помимо собственной воли, то господство человѣка надъ вещію уже замѣняется господствомъ вещи надъ человѣкомъ,—особый

видъ крѣпостнаго права, еще болѣе тягостный, чѣмъ то, которое заключалось въ господствѣ человѣка надъ человѣкомъ.

Нашъ крестьянинъ владѣетъ теперь усадебною осѣдлостію, т. е. домомъ со всѣми хозяйственными постройками. Но спрашивается: располагаетъ ли онъ достаточными средствами для содержанія строеній въ исправности и для отопленія ихъ въ зимнее время? Прежде помѣщикъ снабжалъ своихъ крестьянъ дровами и строевымъ лѣсомъ безвозмездно или за работу; теперь крестьянинъ, не получивъ въ надѣлъ лѣса, долженъ покупать дрова и лѣсъ за деньги. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ цѣнность дровъ высока, какъ напримѣръ въ ближайшихъ къ столицѣ уѣздахъ Петербургской губерніи, крестьянину, для отопленія своего жилья и для сушки хлѣба въ овинѣ, необходимо такое количество только одного топлива, что цѣнность его почти равняется всему платимому помѣщику оброку. А денегъ у крестьянина не хватаетъ на уплату даже текущихъ податей и повинностей. Въ этомъ положеніи крестьянину остается только на выборъ: или

замерзнуть въ своей собственной полуразрушенной усадьбѣ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, или обратиться къ другому средству, болѣе легкому и сподручному, хотя и менѣе законному, чѣмъ покупка лѣса,— къ самовольной порубкѣ. Вотъ тайна усиленія лѣсныхъ порубокъ въ послѣднее время! При уваженіи права собственности помѣщика, крестьянинъ находится въ безвыходномъ положеніи; единственный для него выходъ—нарушеніе чужаго права. Развѣ можно было надѣяться, что одни нравственныя побужденія и теорическія воззрѣнія на святость права собственности остановятъ крестьянина нашего на этомъ безнравственномъ пути, и при томъ, при совершенной несостоятельности закона, карающаго этого рода преступленія?

Крестьянинъ нашъ владѣетъ землею — онъ землевладѣлецъ; но спрашивается: располагаетъ ли онъ достаточнымъ капиталомъ, знаніемъ, предусмотрительностію, дѣятельностію, для поддержанія своего поля въ томъ видѣ, чтобы оно вознаграждало его труды? Если онъ не обладаетъ этими качествами, если весь трудъ его подвергается уничтоженію при самыхъ незна-

чительныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, экомическихъ или атмосферическихъ, если вслѣдствіе того лежащія на землѣ повинности, оброки и подати, такъ высоки, что превышаютъ ея доходъ, — въ свою очередь зависящій отъ умѣнія владѣльца обращаться съ собственностію, — то спрашивается, не находится ли крестьянинъ въ положеніи лица, которому досталось наслѣдство, обремененное долгами, превышающими цѣнность самаго наслѣдства, и не выгоднѣе ли въ такомъ случаѣ отказаться отъ наслѣдства? Множество упраздненныхъ тяголъ, постоянные отказы отъ земли, уменьшеніе сельскаго народонаселенія, столь быстрое, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже возвращается помѣщику часть крестьянскаго надѣла за сокращеніемъ съ 1861 года числа душъ на $^1/_5$;—все это служитъ лучшимъ отвѣтомъ на эти вопросы. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, когда въ деревнѣ упраздняется тягло, на сельскомъ сходѣ всегда возникаютъ жаркіе споры, не вслѣдствіе множества желающихъ получить все или часть упраздненнаго тягла, а потому, что всѣ отъ него отказываются. Землю всѣ хотятъ навалить

другъ на друга. Что же эта за собственность, отъ которой наиболѣе заинтересованные въ обладаніи ею наперерывъ отказываются и которую насильно другъ на друга наваливаютъ!

У насъ вообще распространено мнѣніе, что надѣленіе крестьянъ землею спасаетъ русское общество отъ пролетаріата. Но спрашивается: неужели крестьянинъ-собственникъ, или временно-обязанный, хотя и владѣющіе усадьбою и землею, но которыхъ земля не можетъ прокормить, неужели положеніе ихъ лучше безземельныхъ батраковъ, согрѣтыхъ хотя и въ непринадлежащемъ имъ домѣ, и сытыхъ хотя и за чужимъ столомъ? Развѣ наши крестьяне не будутъ, при малѣйшемъ неурожаѣ, постоянно взывать къ помощи правительства, тогда какъ остальное безземельное населеніе будетъ заботиться о себѣ само? Если есть какой нибудь видъ пролетаріата, который для правительства и для общества можетъ современемъ сдѣлаться невыносимымъ бременемъ, то это именно раззорившіеся мелкіе собственники, потому что въ случаѣ нужды правительство и общество должны поддерживать и спасать не

только ихъ существованіе, но и ихъ жалкую собственность. На опытѣ доказано, что постоянно оказываемыя со стороны правительства цѣлому нуждающемуся населенію вспомоществованія порождаютъ въ народѣ безпечность, уничтожаютъ въ немъ заботу о будущемъ, поддерживаютъ въ немъ надежду всегда въ случаѣ нужды жить на чужой счетъ. Но если такая излишняя заботливость по отношенію къ дѣйствительному пролетаріату не соотвѣтствуетъ цѣли, а иногда и опасна, то поддержаніе собственника, помимо усилій самого собственника, есть невыполнимая химера. Собственность, въ особенности поземельная, не обезпечиваетъ существованія населенія, когда къ ней не прилагается необходимая энергія труда и когда она не оплодотворяется соотвѣтственнымъ капиталомъ. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что по отношенію къ распредѣленію поземельной собственности происходитъ въ Англіи и во Франціи. Въ Англіи мелкій собственникъ продаетъ свой участокъ земли и, сдѣлавшись фермеромъ, при помощи капитала, вырученнаго изъ продажи и обращен-

наго на улучшеніе арендуемой имъ земли, благоденствуетъ. Во Франціи землевладѣлецъ покупаетъ землю и, сдѣлавшись собственникомъ бѣднѣетъ. Между тѣмъ, мелкіе землевладѣльцы во Франціи находятся, по почвѣ, климату и въ другихъ отношеніяхъ, въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ наши крестьяне общинники, въ особенности въ сѣверной полосѣ Россіи. Оттого-то позволительно усумниться, въ силахъ-ли будетъ нашъ крестьянинъ, въ суровомъ сѣверномъ нашемъ климатѣ, вынести на плечахъ своихъ поземельную собственность. Собственность поземельная всегда и вездѣ была удѣломъ меньшинства; сдѣлать всѣхъ собственниками земли, въ полномъ смыслѣ этого понятія, такъ же трудно, какъ сдѣлать всѣхъ богатыми, счастливыми, умными и здоровыми.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ вывести то заключеніе, что въ положеніяхъ о крестьянахъ соединены въ одно и смѣшаны два понятія, далеко не тождественныя, а, при нѣкоторыхъ условіяхъ, даже представляющія противорѣчіе; это — освобожденіе крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею и — улучшеніе ихъ быта.

Если бы возможна была надежда, что, вмѣстѣ съ освобожденіемъ, крестьяне внезапно пріобрѣтутъ всѣ тѣ качества, которыя дѣлаютъ свободный трудъ производительнѣе обязательнаго; если бы вмѣстѣ съ освобожденіемъ, въ крестьянинѣ появилась большая энергія, бережливость, заботливость о будущемъ; если бы вмѣстѣ съ освобожденіемъ возросъ и тотъ умственный и матеріальный капиталъ, которымъ крестьянинъ располагалъ, то конечно, освобожденіе шло-бы рука объ руку съ улучшеніемъ быта и вопросъ о крѣпостномъ правѣ не представлялъ бы никакихъ затрудненій. Но такой ходъ вещей не былъ бы естественъ, онъ противорѣчилъ бы законамъ физической и нравственной природы человѣка, общимъ законамъ всей окружающей насъ природы. Физическія и нравственныя силы развиваются лишь по мѣрѣ стремленія къ цѣли, крѣпнутъ лишь въ самой борьбѣ съ препятствіями и затрудненіями, лежащими на пути этого стремленія.

Въ настоящее время не подлежитъ уже болѣе сомнѣнію, что вообще уровень энергіи труда въ вышедшемъ изъ-подъ опеки крестьянинѣ

значительно понизился по всѣмъ направленіямъ и во всѣхъ видахъ. Всякій трудъ, въ особенности трудъ чисто матеріальный, трудъ чернорабочаго, требуетъ матеріальныхъ и нравственныхъ усилій, которымъ человѣкъ добровольно подвергаетъ себя только тогда, когда онъ бываетъ къ тому вынужденъ. Въ человѣкѣ неразвитомъ это понужденіе, эта необходимость трудиться дѣйствуетъ только тогда, когда настаетъ моментъ удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей жизни, когда даютъ себя чувствовать голодъ, стужа, необходимость укрыть себя и свое семейство отъ вліянія непогоды. По мѣрѣ развитія человѣка, побудительныя причины къ труду принимаютъ болѣе широкій и возвышенный характеръ и наконецъ достигаютъ того, что человѣкъ трудится уже не для достиженія какихъ-либо выгодъ, или удобствъ, а въ нравственномъ сознаніи высокаго значенія самаго труда. Но нашъ крестьянинъ еще такъ мало развитъ, что въ немъ побудительными причинами къ труду служитъ лишь необходимость удовлетворенія самыхъ ближайшихъ и неотлагательныхъ жизненныхъ потребностей. Что ка-

сается наслажденій, то для большинства народа они заключаются пока еще въ пьянствѣ. И вотъ крестьянинъ, не будучи болѣе обязанъ трудиться по требованію своего бывшаго опекуна и не будучи побуждаемъ къ труду непосредственно крайнею необходимостію, сталъ трудиться менѣе и потреблять непроизводительно болѣе. У крестьянина стало менѣе скота, менѣе хлѣба и сѣмянъ; поле и скотъ его начали сильно истощаться, съ неизбѣжными спутниками—неурожаемъ и скотскими падежами. А между тѣмъ трудъ всего крестьянскаго населенія составляетъ не только основу ихъ собственнаго благосостоянія, но и источникъ большей части государственныхъ доходовъ.

Государственное хозяйство, представляя весьма сложную алгебраическую формулу, тѣмъ не менѣе можетъ быть разрѣшаемо на первоначальныя составныя свои части. По отношенію къ народному хозяйству эти первоначальныя величины, эти первобытныя силы составляютъ именно то, что каждая отдѣльная личность, Петръ, Иванъ, Семенъ производитъ каждый на своемъ полѣ, въ лѣсу, въ избѣ. На

сколько сумма труда этихъ недѣлимыхъ сокращается, на столько уменьшается и итогъ общаго государственнаго хозяйства. Всѣ другіе пути, которые будутъ избраны для возвышенія народнаго хозяйства и усиленія государственныхъ доходовъ, кромѣ возвышенія производительности и энергіи народнаго труда, будутъ лишь средствами палліативными.

III.

Но обратимся къ другимъ причинамъ разстройства помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства.

Новыя законоположенія о крестьянахъ, предоставивъ ихъ, такъ сказать, самимъ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, существенно измѣнили и тѣ экономическія условія, въ коихъ до сего времени находилось большинство изъ нихъ. По положеніямъ 1861, 1863 и 1866 г., крестьяне не получили всѣхъ тѣхъ угодій, коими прежде пользовались, и отрѣзанная, въ постоянное ихъ пользованіе, часть этихъ угодій досталась имъ въ такомъ видѣ, что далеко не обезпечиваетъ ихъ хозяйственной самостоятельности. Такъ, напримѣръ, при нарѣзкѣ крестьянскаго надѣла, за крестьянами оставляемы были, согласно положеніямъ, всѣ навозныя пашни. Въ тѣхъ мѣст-

ностяхъ, гдѣ пространство однѣхъ крестьянскихъ пашень соотвѣтствовало размѣру причитавшагося сельскому обществу высшаго душеваго надѣла, въ сей послѣдній вошли однѣ пахатныя земли, безъ выгоновъ и покосовъ, а если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и вошли въ надѣлъ пастбища и покосы, то въ такомъ незначительномъ количествѣ и такъ неудобно расположенные, что далеко не соотвѣтствуютъ потребностямъ крестьянскаго хозяйства. Наконецъ, лѣсъ и даже кустарникъ вошли въ нѣкоторые крестьянскіе надѣлы только въ видѣ исключенія, вслѣдствіе какихъ-либо добровольныхъ соглашеній съ владѣльцемъ. Межа крестьянскаго надѣла въ большинствѣ случаевъ разбила прежнія крестьянскія угодья на двѣ половины, изъ коихъ каждая составляетъ необходимую составную часть одного общаго самостоятельнаго хозяйства. Одна изъ этихъ частей оставлена за крестьянами, другая перешла въ непосредственное владѣніе помѣщика. Это — телѣга, раздѣленная между двумя лицами, изъ коихъ одинъ получилъ кузовъ, а другой — колеса.

Конечно, крестьяне могутъ нанимать у владѣльца недостающія угодья по добровольнымъ соглашеніямъ точно также, какъ владѣльцу съ своей стороны, дозволено нанимать рабочихъ. Подобныя соглашенія, какъ единственный выходъ изъ положенія, теперь дѣйствительно существуютъ во многихъ мѣстностяхъ и они, можетъ быть, еще и спасли нѣкоторыя помѣщичьи хозяйства отъ разстройства, а крестьянъ отъ раззоренія, заставивъ крестьянъ отбывать рабочіе дни въ пользу помѣщиковъ, а сего послѣдняго отдавать крестьянамъ въ наемъ необходимыя для нихъ угодья, а также снабжать ихъ топливомъ и строевымъ лѣсомъ. Но въ большинствѣ случаевъ подобное положеніе дѣлъ, вмѣсто добровольныхъ соглашеній, порождаетъ лишь безчисленныя столкновенія.

Тамъ, гдѣ крестьяне совершенно остались безъ выгоновъ и гдѣ земля одного помѣщика со всѣхъ сторонъ окружаетъ крестьянскій надѣлъ, помѣщикъ въ отношеніи къ одной изъ самыхъ необходимыхъ потребностой крестьянъ является монополистомъ, а крестьяне избавляются отъ этой монополіи только явнымъ нару-

шеніемъ права собственности помѣщика. Сколько въ сѣверныхъ губерніяхъ запущено теперь крестьянскихъ пашень, съ цѣлью превращенія ихъ въ пастбища и прекращенія найма у помѣщика этихъ угодій! На сколько съ этою цѣлью уменьшенъ крестьянскій скотъ! Въ то же время почти повсемѣстно прекращено крестьянами обсѣмѣненіе оставшихся за надѣломъ отдѣльныхъ лядинъ, а равно прекратилось пользованіе лѣсными покосами, которые теперь заростаютъ кустарникомъ.

Мы уже доказали, что относительно необходимаго, для сушки хлѣба и отопленія избы въ зимнее время, топлива, а также строеваго лѣса для починки усадебныхъ строеній, крестьянинъ находится въ большинствѣ случаевъ почти въ безвыходномъ положеніи. Здѣсь также монополія со стороны лѣсовладѣльца ограничивается, а иногда и совершенно уничтожается нарушеніемъ со стороны крестьянъ права собственности. При этихъ безпрерывныхъ столкновеніяхъ тратится много времени, много силъ, много средствъ, безъ всякой пользы для какой бы то ни было изъ заинтересованныхъ сторонъ и, напротивъ

того, къ обоюдному матеріальному и нравственному ущербу. Прежде, когда при крѣпостномъ правѣ крестьяне получали лѣсъ отъ своихъ владѣльцевъ, самовольныя порубки составляли явленіе исключительное; въ настоящее время, когда крестьяне принуждены покупать лѣсъ, они предпочитаютъ самовольно пользоваться помѣщичьимъ лѣсомъ, не смотря на усиленное охраненіе и сопряженныя съ нимъ издержки.

Тотъ, кто не занимался сельскимъ хозяйствомъ, никогда не въ состояніи будетъ измѣрить и оцѣнить то глубокое разстройство, которое должно было произойти отъ указаннаго выше разобщенія существенныхъ частей одного общаго цѣлаго. Крестьянскія хозяйства бѣдствуютъ безъ достаточныхъ пастбищъ, покосовъ и безъ лѣса; помѣщичьи хозяйства страдаютъ отъ недостатка рукъ. Съ одной стороны въ чертѣ надѣла стѣснено многочисленное крестьянское населеніе, съ другой, крупный владѣлецъ предоставленъ одинъ самому себѣ на обширномъ пространствѣ, которое онъ не въ состояніи оплодотворить работою и капиталомъ, ни даже защитить отъ нападеній.

Въ черноземной полосѣ разобщеніе крестьянскаго хозяйства отъ помѣщичьяго не произвело такого потрясенія, потому что самое разграниченіе угодій на ровныхъ, безлѣсныхъ, одинакаго качества, черноземныхъ пространствахъ было гораздо проще, чѣмъ отводъ надѣла внѣ черноземныхъ губерніяхъ. Вообще крестьянскія положенія, по однообразнымъ, чисто формальнымъ и бюрократическимъ пріемамъ своимъ, гораздо менѣе должны были встрѣчать недоразумѣній и затрудненій въ однообразной южной степи, чѣмъ въ безконечно разнообразныхъ условіяхъ почвы на сѣверѣ.

Въ отстзейскихъ губерніяхъ, крестьянскій надѣлъ отведенъ не только на каждаго домохозяина особо, но и каждый подворный участокъ составляетъ одно экономическое цѣлое, включая въ себѣ въ опредѣленной пропорціи пашню, выгонъ, покосъ и лѣсъ. Кромѣ того каждый крестьянскій участокъ платитъ подати и отбываетъ повинности не по пространству принадлежащей ему земли, а по достоинству, по производительности земли, опредѣленной на основаніи весьма тщательной и весьма сложной

оцѣнки. Эти-то два условія, т. е. экономическая цѣлостность и самостоятельность отдѣльныхъ крестьянскихъ участковъ и опредѣленіе размѣра податей и повинностей по достоинству, а не по пространству земли, ставятъ хозяйство крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ неизмѣримо выше хозяйства, основаннаго на началахъ общиннаго владѣнія и опредѣленія платежей соотвѣтственно пространству.

Въ настоящее время въ С.-Петербургской губерніи платится одинаковый десятирублевый съ душеваго надѣла оброкъ крестьянами, владѣющими отличнаго качества землею около такихъ удобныхъ для зароботковъ пунктовъ, каковы: Красное Село, Царское Село, Павловскъ, и крестьянами, поселенными вдали отъ промышленнаго движенія, на безплодной песчаной почвѣ въ Лугскомъ и Гдовскомъ уѣздахъ. Хотя въ сихъ уѣздахъ пространство надѣла на нѣсколько процентовъ болѣе, но самое качество почвы и возможность зароботковъ въ четыре или въ пять разъ хуже и труднѣе. Вслѣдствіе сего одна часть нашего крестьянства, хотя и надѣленнаго въ одинаковой пропорціи землею,

платитъ необыкновенно высокіе оброки, а другая часть ничтожные оброки. А кому неизвѣстно, что уравнительность въ распредѣленіи платежей составляетъ одно изъ существенныхъ условій какъ государственнаго, такъ и частнаго хозяйства.

Одновременнно съ неестественнымъ и противухозяйственнымъ разобщеніемъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ угодій въ нашемъ сельско-хозяйственомъ быту, произошло разъединеніе капитала и рабочей силы. Крупный землевладѣлецъ остался безъ рабочей силы, крестьянинъ—безъ капитала. Въ сѣверной нечерноземной полосѣ, капитала въ сельскомъ хозяйствѣ требуется гораздо болѣе, а рабочую силу при рѣдкомъ населеніи добывать труднѣе, чѣмъ на югѣ. Поэтому и послѣдствія разъединенія капитала и рабочей силы, какъ и разобщенія угодій отозвались на сѣверѣ гораздо чувствительнѣе и разрушительнѣе, чѣмъ въ южной черноземной полосѣ.

Когда идетъ рѣчь о капиталѣ, то обыкновенно подразумѣваются деньги. Но это только одинъ изъ безчисленныхъ видовъ капитала.

Крестьяне лишились не только оборотнаго денежнаго капитала въ видѣ уплачиваемыхъ за нихъ помѣщикомъ податей и повинностей, но они лишились еще большаго капитала, въ видѣ строеваго лѣса на постройки, топлива на зиму, сѣмянъ на обсѣменѣніе полей, лошади, коровы, иногда самаго продовольствія и леченія во время болѣзни, отпускавшихся помѣщикомъ въ случаѣ нужды. Теперь крестьянинъ долженъ все это самъ купить, онъ долженъ пріобрѣсть необходимый оборотный капиталъ; на случай несчастій: неурожая, падежа, пожара, болѣзни, онъ долженъ имѣть въ запасѣ еще особый капиталъ, какъ говорится, на черный день. Онъ долженъ обладать несравненно большею бережливостію, энергіею, предусмотрительностію, чѣмъ прежде. Но качества эти пріобрѣтаются не вдругъ и далеко не всѣми; иногда лишь вслѣдствіе долголѣтнихъ горькихъ опытовъ.

Помѣщикъ въ сѣверныхъ губерніяхъ не находится въ лучшемъ положеніи. Ему нужна дешевая и добросовѣстная рабочая сила. Въ глухое для сельскаго хозяйства осеннее и зимнее время ему предлагается въ достаточномъ

количествѣ дешевая, хотя и не всегда добросовѣстная работа, но въ лѣтнее время, во время уборки сѣна и хлѣбовъ, плата рабочимъ такъ возвышается, что уже не окупается цѣнностію выручаемыхъ произведеній. Въ сѣверной полосѣ Россіи почти всѣ полевыя работы производятся въ теченіи пяти мѣсяцевъ, а успѣшная уборка травъ и хлѣбовъ, при нашемъ дождливомъ лѣтѣ, можетъ быть произведена въ теченіи иногда одной только или двухъ недѣль. Кто не съумѣлъ или не могъ воспользоваться этимъ короткимъ временемъ, у того трава обречена на неминуемую гибель, а хлѣба при умолотѣ дадутъ однимъ или двумя зернами менѣе, т. е. другими словами, потеряется весь чистый доходъ съ поля. Въ это-то время крупный землевладѣлецъ напрасно мечется во всѣ стороны для отысканія рабочихъ.

Въ послѣднее время всѣ жалуются на неблагопріятное для уборки сѣна время. Но вѣдь и прежде были неблагопріятныя дождливыя лѣта, но тогда все населеніе въ сѣнокосное время почти жило на покосахъ, держа ухо остро и пользуясь каждымъ благопріятнымъ часомъ

для уборки. Потерю, которая теперь происходитъ отъ несвоевременной уборки сѣна и хлѣбовъ въ однѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ, слѣдуетъ считать десятками милліоновъ рублей, уже не говоря о томъ, что, при невозможности своевременной уборки, самое хозяйство дѣлается безполезнымъ или даже совершенно невозможнымъ.

IV.

Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, произошли въ нашемъ общественномъ строѣ и хозяйственномъ быту еще такія перемѣны, которыя, независимо отъ потрясенія, обусловливаемаго собственно крестьянскимъ вопросомъ, должны были еще затруднить нашему крестьянину борьбу съ новыми условіями экономической жизни. Одну изъ этихъ перемѣнъ составляетъ переложеніе натуральныхъ повинностей въ деньги и замѣна въ помѣщичьихъ имѣніяхъ барщины денежнымъ оброкомъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что денежное хозяйство составляетъ гораздо высшую степень экономическаго развитія, чѣмъ хозяйство, основанное на обмѣнѣ произведеній или услугъ въ натурѣ. Оно доставляетъ договаривающимся сторонамъ большую самостоятельность, большую

свободу дѣйствія. Но всякій шагъ впередъ на пути экономическаго развитія требуетъ и развитія соотвѣтствующихъ качествъ въ самихъ производителяхъ и потребителяхъ: матеріальныхъ средствъ въ видѣ болѣе значительнаго капитала, нравственныхъ качествъ, въ видѣ болѣе основательныхъ познаній, большей дѣятельности и предусмотрительности. Но даже въ столь экономически развитой странѣ какъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, большинство населенія живетъ, не получая въ видѣ денегъ и $^1/_{10}$ доли тѣхъ средствъ, которыя необходимы для его существованія. На большихъ промышленныхъ заведеніяхъ въ Сѣверной Америкѣ помѣщеніе съ отопленіемъ и освѣщеніемъ отводится отъ заводчика; леченіе и обученіе дѣтей почти всегда даровое; одежда и прочіе предметы потребленія поставляются заводчиками въ натурѣ и отпускаются въ счетъ жалованья рабочихъ. При окончательномъ расчетѣ рабочій получаетъ весьма незначительную долю своего содержанія въ деньгахъ. Это происходитъ оттого, что большинство рабочихъ не имѣетъ достаточнаго капитала, чтобы жить на свой счетъ

впредь до выдачи содержанія, не обладаетъ достаточною сдержанностію для того, чтобы сберечь этотъ капиталъ, противясь различнымъ искушеніямъ къ израсходованію денегъ. Но вотъ между прочими рабочими обретается коренастый мистеръ Джонсъ, обладающій достаточною силою воли для того, чтобы, отказываясь отъ всякихъ житейскихъ наслажденій, откладывать въ сторону трудовую копѣйку. Онъ не куритъ, пьетъ умѣренно пуншъ и джинъ и даже рѣшается являться, по воскресеньямъ, въ церковь и на митинги, не въ круглой шляпѣ и не въ желтомъ жилетѣ, къ величайшему негодованію своей возлюбленной, миссъ Плумпъ. Накопивъ такимъ образомъ нѣсколько сотъ долларовъ, мистеръ Джонсъ пускается въ разныя предпріятія, и вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ, при нѣкоторомъ счастіи и предпріимчивости, изъ него выходитъ одинъ изъ тѣхъ милліонеровъ, которыми такъ богата Америка.

Но если въ столь экономически развитой странѣ, какъ Сѣверная Америка, масса народа недостаточно развита для чисто денежнаго хозяйства, то чего же ожидать отъ нашего кресть-

янина? Отбывая барщину, онъ долженъ былъ заботиться только о томъ, чтобы во время выйти на работу, одинъ или съ своею лошадью. Платя оброкъ, онъ долженъ копить деньгу и откладывать ее въ сторону въ теченіи многихъ мѣсяцевъ. Развѣ можно ожидать такой сдержанности отъ умственно и нравственно еще неразвитаго человѣка, которому при томъ на каждомъ шагу представляются искушенія въ видѣ расплодившихся въ безчисленномъ множествѣ кабаковъ?

Кстати о кабакахъ: акцизная система, замѣнивъ собою откупа, имѣла послѣдствіемъ удешевленіе хлѣбнаго вина и размноженіе кабаковъ. Въ кабакѣ пока еще сосредоточиваются для нашего неразвитаго крестьянина всѣ наслажденія жизни. Кабакъ ему замѣняетъ общество, клубъ, политическую сходку. Въ немъ онъ толкуетъ о своихъ радостяхъ, о своемъ горѣ; въ немъ онъ судитъ и рядитъ о современныхъ соціальныхъ вопросахъ, въ немъ онъ забываетъ свои ежедневныя заботы, въ немъ онъ отводитъ свою душу. Прежде ему нужно было ходить нѣсколько верстъ, иногда нѣсколько десятковъ верстъ для

того, чтобы достигнуть этого вожделѣннаго зданія. Прежде онъ долженъ былъ запастись чистыми деньгами, потому что въ долгъ вѣрили рѣдко, а продуктами и предметами не принимали почти никогда. Теперь ему стоитъ только выйти изъ избы, чтобы быть въ кабакѣ, и тамъ принимаютъ все и во всѣхъ возможныхъ видахъ, натурою и деньгами, и отпускаютъ товаръ за наличныя и въ кредитъ. Возможность непроизводительнаго потребленія водки еще усиливаетъ тѣ неблагопріятныя условія, въ которыя поставлено наше крестьянство по освобожденіи изъ крѣпостной зависимости. Крестьянинъ не только сталъ менѣе трудиться и менѣе производить, но и болѣе потреблять непроизводительно.

V.

Одновременно съ дарованіемъ крестьянамъ полной экономической самостоятельности, дарована имъ и самостоятельность общественная. Избираемые изъ среды ихъ сельскіе старосты и волостные судьи никѣмъ не утверждаются, а волостной старшина утверждается въ должности мировымъ посредникомъ въ видѣ соблюденія одной лишь формальности. Понятно, какое вліяніе на общественную дѣятельность волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ должна имѣть полная зависимость ихъ отъ своихъ избирателей, отъ коихъ они должны требовать исполненія законовъ, своевременной уплаты податей и т. п. Притомъ волостные суды постановляютъ рѣшенія по маловажнымъ проступкамъ и по гражданскимъ дѣламъ до 100 р. безъапелляціонно, и только недавно даровано

право кассаціи незаконныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ съѣздамъ мировыхъ посредниковъ. Общественными капиталами и хлѣбными магазинами общества и волости располагаютъ по своему благоусмотрѣнію. Результаты этого порядка вещей видны изъ нижеслѣдующихъ фактовъ.

До 1861 года въ одномъ имѣніи Самарской губерніи на 1500 душъ было, сверхъ узаконенной пропорціи хлѣба, въ общественномъ крестьянскомъ магазинѣ еще 6000 четв. пшеницы. Теперь въ томъ же магазинѣ, по энергическому выраженію самихъ крестьянъ, „крысы голодаютъ“. Кромѣ того бывшія въ этомъ имѣніи училище и больница закрыты, зданія разобраны и даже кирпичи отъ печей раздѣлены поголовно между крестьянами.

Въ имѣніяхъ князя Щ. на 5 т. душъ крестьянъ было 15 т. четв. хлѣба и 100 т. р. с. общественнаго капитала. Теперь какъ хлѣбъ, такъ и деньги подѣлены по рукамъ и разошлись по кабакамъ.

Несостоятельность крестьянскаго самоуправленія и вновь введенныхъ земскихъ учрежде-

ній, въ настоящемъ ихъ видѣ, подробно изложена во второй части этой книги. Мы здѣсь скажемъ лишь нѣсколько словъ относительно самой стоимости мѣстнаго управленія при настоящемъ его составѣ.

Въ нашихъ уѣздахъ существуютъ въ настоящее время, сверхъ мірскихъ крестьянскихъ учрежденій, еще уѣздное полицейское управленіе, съ подчиненными ему становыми приставами, сотскими и десятскими, мировые посредники съ ихъ съѣздами и подчиненными имъ волостными старшинами и сельскими старостами, мировые судьи съ ихъ съѣздами и съ подчиненными имъ судебными приставами, уѣздныя земскія собранія съ ихъ управами, комитетъ натуральныхъ повинностей для распоряженія государственными земскими повинностями, различныя сословныя учрежденія, дворянскія собранія, опеки и т. п.

Всѣ эти власти, дѣйствуя на чисто бюрократическихъ началахъ, стоютъ весьма дорого, замѣнивъ собою, относительно временно-обязанныхъ крестьянъ, даровую помѣщичью власть, дѣйствовавшую непосредственно, помимо вся-

кихъ формальностей. Не считая уже рабочихъ дней, которые большею частію непроизводительно тратятся на различныхъ сельскихъ и волостныхъ сходкахъ, съѣздахъ, выборщиковъ и избирателей на земскія должности, но деньгами одно волостное управленіе, въ большей части мѣстностей, стоитъ отъ 75 к. до 1 р. 50 к. и 2 р. съ души. Кромѣ того мировой посредникъ получаетъ 1500 р., мировой судья отъ 1500 р. до 3000 р. и 4000 р., предсѣдатель управы отъ 2000 р. до 3000 р., нѣсколько членовъ управы по 600 р. и даже по 1000 р. каждый. Если принять въ соображеніе, что въ каждомъ уѣздѣ по нѣскольку мировыхъ посредниковъ и мировыхъ судей, и если къ сему присоединить расходы на содержаніе канцелярій мировыхъ съѣздовъ, посредниковъ и судей, уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ управъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, то окажется, что нѣтъ и не можетъ быть въ мірѣ такого дорогаго мѣстнаго управленія, какъ у насъ, и это управленіе введено тогда, когда наши поселяне и помѣщики стали бѣднѣть.

Окупаются-ли всѣ эти расходы? Производительны-ли они въ экономическомъ или, по крайней мѣрѣ, въ нравственномъ отношеніи? Факты говорятъ противное. Убійство, разбои, воровство усиливаются въ невѣроятной пропорціи. Съ ними рука объ руку идетъ развратъ, пьянство, бродяжничество и нищенство. Неуваженіе права собственности въ сельскомъ нашемъ быту дошло въ настоящее время до того, что цѣлыя отрасли хозяйства, въ другихъ странахъ составляющія неотъемлемую принадлежность даже полудикаго состоянія, не могутъ возникнуть въ нашихъ деревняхъ. Овощей, гороху, рѣпы, моркови и т. п. въ особенности же плодовъ, какъ-то яблоковъ, ягодъ и т. п. въ настоящее время не разводится въ нашихъ деревняхъ, потому что нѣтъ возможности защититься противъ всякаго рода несовершеннолѣтнихъ воришекъ и совершеннолѣтнихъ воровъ. Тотъ, кто въ деревнѣ одинъ вздумалъ-бы заняться разведеніемъ огорода или фруктоваго сада, работалъ-бы не на себя, а на весь міръ. Только тамъ, гдѣ подобнаго рода разведеніе существуетъ въ видѣ промышленности

цѣлыхъ деревень, въ настоящее время возможно продолженіе ея, потому что въ такомъ случаѣ ближайшій интересъ всѣхъ и каждаго заставляетъ весь міръ присматривать за ненарушеніемъ правъ чужой собственности. Большинство русскаго народа пока еще покупаетъ овощи и фрукты, и возможность выйти изъ этого неестественнаго положенія отдалена на неопредѣленное время вслѣдствіе общей распущенности. Въ помѣщичьихъ усадьбахъ пока еще овощи и фруктовыя деревья разводятся за высокими оградами и крѣпкимъ карауломъ, ибо въ открытомъ полѣ они подверглись бы хищничеству крестьянскаго населенія.

При этомъ не излишне обратить вниманіе на существующій въ нашемъ законодательствѣ пробѣлъ относительно юридическаго огражденія правъ собственности нашихъ крестьянъ вообще. Можно положительно сказать, что X т. гражданскихъ нашихъ законовъ въ сущности не имѣетъ никакого примѣненія къ 40-милліонному сельскому нашему населенію. При разрѣшеніи дѣлъ о наслѣдствѣ, о правѣ собственности какъ на движимое, такъ и недвижимое

имущество и т. п., наши волостные суды руководствуются *обычаемъ* и безапеляціонно рѣшаютъ дѣла до 100 р. включительно. Кому извѣстенъ составъ нашихъ волостныхъ судовъ и ихъ правосудіе, тотъ понимаетъ, на сколько эти суды въ состояніи оградить въ нашихъ деревняхъ право собственности, въ особенности опираясь на такое шаткое и неопредѣленное основаніе, какъ обычай, неполучившій никакого законодательнаго утвержденія и неимѣющій притомъ никакого постояннаго и опредѣленнаго характера. По дѣламъ свыше 100 р. дѣйствіе обычнаго права прекращается и крестьяне обязаны обращаться въ мировыя и общія судебныя мѣста, но какъ правоотношенія крестьянъ рѣдко, почти никогда, не принимаютъ какой-либо юридической формы, то возможность пользоваться симъ правомъ наравнѣ съ другими сословіями въ большей части случаевъ для крестьянскаго сословія дѣлается совершенно мнимою. При томъ относительно многихъ существенныхъ сторонъ крестьянской собственности существуетъ еще совершенная неопредѣленность. Такъ напримѣръ, въ Положе-

нiи о крестьянахъ не выяснено, составляютъ ли усадебныя строенiя полную или ограниченную собственность крестьянина, можетъ-ли крестьянинъ безъ согласiя помѣщика или общества продать строенiя на сносъ, перевезти ихъ самъ на другое мѣсто, отдать ихъ въ аренду и т. п. Эта неопредѣленность, эта юридическая распущенность, не менѣе нравственной, неблагопрiятно дѣйствуетъ на экономическое развитiе нашего крестьянства.

VI.

Мы указали на господствующую въ настоящее время и день ото дня усиливающуюся въ народѣ нравственную и экономическую распущенность. Независимо отъ увеличенія числа всякаго рода проступковъ и преступленій, отъ усиленія пьянства, отъ всеобщаго разстройства крестьянскихъ и помѣщичьихъ хозяйствъ, распущенность эта выражается еще въ другихъ видахъ, неблагопріятно вліяющихъ на экономическій бытъ народа.

Къ числу этихъ неблагопріятныхъ результатовъ слѣдуетъ причислить ослабленіе вообще въ народномъ сознаніи чувства повиновенія младшихъ старшимъ, разстройство вслѣдствіе того семейныхъ узъ и, какъ непосредственное послѣдствіе этого явленія, безпрерывные семейные раздѣлы. На сколько содержаніе двухъ хо-

зяйствъ, вмѣсто одного, и устройство двухъ усадебъ, вмѣсто одной, для одного и того же семейства, представляетъ менѣе выгодъ, на столько подобные раздѣлы ослабляютъ экономическую силу и возвышаютъ непроизводительное потребленіе въ нашемъ сельскомъ быту.

Ко всему этому слѣдуетъ присовокупить ежегодные рекрутскіе наборы, отнимающіе у крестьянскаго населенія лучшія силы и возвращающіе ихъ уже не въ видѣ осѣдлыхъ хозяевъ, а въ видѣ батраковъ, хотя и снабжаемыхъ нынѣ землею, но въ сущности, не могущихъ, послѣ 7 или 10 лѣтняго отсутствія, воспользоваться ею наравнѣ съ прочими членами общества, за неимѣніемъ даже того незначительнаго капитала, который необходимъ для веденія крестьянскаго хозяйства.

Въ настоящее время не только отдѣльные крестьяне, но и цѣлыя крестьянскія общества, на бумагѣ несущія громкое названіе собственниковъ, въ дѣйствительности живутъ изо дня въ день, съ страшными лишеніями, угнетаемые недоимками и долгами, и обыкновенными спутниками ихъ — ростовщиками и кулаками. Какъ

только настаетъ срокъ оброчныхъ, выкупныхъ или другихъ платежей, и мировой посредникъ, подкрѣпляемый полиціею, истощивъ всѣ мѣры увѣщеванія, внушенія и т. п., начинаетъ приступать къ мѣрамъ строгости, отъ обществъ высылаются ходаки для отыскиванія денегъ въ долгъ. Если необыкновенному искусству этихъ спеціалистовъ по финансовой части иногда и удается произвести заемъ, то во всякомъ случаѣ за невѣроятные проценты. То же самое повторяется при каждомъ новомъ требованіи отъ крестьянъ какихъ-бы то ни было платежей, и само собою разумѣется, всякій разъ съ большими затрудненіями и на болѣе тяжкихъ условіяхъ. Есть общества, которыя вслѣдствіе такихъ, болѣе или менѣе, удачныхъ финансовыхъ операцій, обременены долгами въ нѣсколько тысячъ рублей безъ всякой надежды, подобно городу Парижу, когда-либо уплатить свои долги.

Кромѣ того, каждый отдѣльный крестьянинъ имѣетъ своихъ личныхъ кредиторовъ: харчевниковъ, кабачниковъ, кулаковъ. Еще не успѣлъ бѣдняга вымолотить тощій свой урожай, а къ воротамъ уже подъѣзжаетъ прикащикъ Иванъ

Петровъ съ готовыми мѣшками. „Насыпь-ка, братецъ ржи, да ячменю, по кульку; ждать болѣе не могимъ, времена больно плохи стали.“ И отсыпаетъ бѣдняга почти весь свой хлѣбъ, за полцѣны, въ счетъ занятаго капитала, да еще проценты отработываетъ на взятомъ харчевникомъ въ аренду полѣ, и затѣмъ, оставшись не причемъ, опять идетъ съ поклономъ къ тому-же Ивану Петрову, который наконецъ пріобрѣтаетъ надъ нимъ почти помѣщичье право.

Это—по части финансовой и сельскаго хозяйства, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. А вотъ и по части скотоводства:

Гуртовщики, прогоняя скотъ весною, оставляютъ часть дойныхъ коровъ въ прилегающихъ къ скотопрогоннымъ дорогамъ селеніяхъ, подъ видомъ продажи въ долгъ, причемъ, конечно, съ крестьянина берется довольно значительный задатокъ. Въ теченіи лѣта крестьянинъ пользуется коровою, а сія послѣдняя поправляется отъ дальней дороги на хорошемъ подножномъ корму. Настаетъ осень, является гуртовщикъ за остальными деньгами. Крестьянинъ, конечно, не въ состояніи заплатить ихъ и, лишаясь, какъ

коровы, такъ и задатка, къ зимѣ остается безъ молока, безъ денегъ и безъ навоза!

Сознаніе безалаберности нынѣшняго крестьянскаго хозяйства начинаетъ уже проникать и въ умы крестьянъ. На одномъ народномъ сборищѣ въ Я. уѣздѣ, по случаю храмоваго праздника, одинъ извѣстный во всемъ околодкѣ своимъ богомоліемъ крестьянинъ обратился къ толпѣ съ слѣдующими словами: „Далъ намъ Батюшка Царь волюшку, да впрокъ, вишь ты, нейдетъ она намъ, потому что разума нашего не хватаетъ. Такъ помолимся, православные христіане, да даждь намъ Царь Небесный, съ Пресвятою Богородицею Заступницею, еще ума разума, дабы волюшка наша насъ не сгубила".

Не дурно, если бы и иные изъ нашихъ бюрократовъ и журналистовъ воспользовались совѣтомъ этого практическаго философа.

А помѣщики? Ихъ упрекаютъ въ томъ, что они въ настоящее время стремятся на государственную службу и что счастливые обладатели мѣстъ, съ казеннымъ содержаніемъ, рѣдко выходятъ въ отставку для того, чтобы на покоѣ заняться своимъ хозяйствомъ, а лишь ищутъ

еще болѣе прибыльныхъ мѣстъ. Нужно-ли удивляться этому? Съ одной стороны, доходы съ имѣній въ сѣверныхъ губерніяхъ сдѣлались равными нулю или обратились въ минусъ, и жизнь въ деревнѣ сопряжена съ большими, чѣмъ прежде, затрудненіями, непріятностями и лишеніями, а съ другой—содержаніе по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія возвышено по нѣкоторымъ вѣдомствамъ даже въ 4 или 5 разъ противъ прежняго.

Прежде деревня служила эмблемою лѣни и безмятежнаго покоя. Люди, предпочитавшіе душевное спокойствіе шумной городской жизни, уѣзжали отдохнуть въ деревню. Теперь наоборотъ: теперь деревня представляетъ гораздо болѣе сильныхъ ощущеній и можетъ скорѣе разстроить нервы, чѣмъ городъ. Въ городахъ все-таки есть защита для личности и собственности; въ деревнѣ грубятъ, воруютъ, обманываютъ, грабятъ, и каждый разъ кланяйся, пиши, поѣзжай къ мировому судьѣ или посреднику, къ становому приставу или даже волостному старшинѣ, большею частью за нѣсколько десятковъ верстъ. Удивительно-ли, что при та-

кихъ условіяхъ даже самое незначительное мѣсто, въ нѣсколько сотъ рублей содержанія, представляется болѣе привлекательнымъ и представляетъ болѣе обезпеченія, чѣмъ владѣніе имѣніемъ, недающимъ никакого дохода и причиняющимъ однѣ только хлопоты и непріятности.

Послѣдствіемъ этого является та странная аномалія, что никто не хочетъ быть болѣе собственникомъ и всѣ просятся, подъ видомъ государственной службы, въ управители и прикащики. Теперь выгоднѣе быть акцизнымъ чиновникомъ, чѣмъ владѣть винокуреннымъ заводомъ. Не одинъ помѣщикъ средней руки завидуетъ въ настоящее время положенію становаго пристава, и иной крупный землевладѣлецъ, принужденный жить въ деревнѣ, охотно промѣнялъ-бы свое существованіе на жизнь мелкаго чиновника въ городѣ. Дѣйствительно, если независимо отъ самыхъ средствъ къ жизни, принять въ соображеніе то огромное различіе, ту противоположность относительно всякихъ вообще удобствъ въ жизни, обезпеченія личности и имущества, медицинскаго пособія, средствъ

къ воспитанію дѣтей и т. п., которое существуетъ у насъ между деревнею и городомъ, то переселеніе помѣщиковъ въ города дѣлается вполнѣ понятнымъ. Равновѣсіе нарушено и, по естественному закону природы, масса переходитъ туда, куда влечетъ ея центръ тяжести.

VII.

Обозначивъ въ главныхъ чертахъ картину, которую представляетъ въ настоящее время наше сельское хозяйство и сельскій бытъ, указавъ на различіе, представляемое въ экономическомъ отношеніи сѣверомъ и югомъ Россіи, мы тѣмъ самымъ нисколько не утверждаемъ, чтобы русская земля, — по обширности и разнообразію климатическихъ, экономическихъ и другихъ условій, составляющая цѣлый отдѣльный міръ, — не представляла многочисленныхъ исключеній изъ всего того, что нами сказано выше. Жизнь безконечно разнообразная и силы народа, какъ и силы природы, сочетаясь между собою въ необозримомъ усложненіи, производятъ явленія, изъ коихъ каждое требуетъ особаго изученія. Та или другая мѣстность на сѣверѣ и югѣ можетъ соединять въ себѣ такія

условія, которыя не соотвѣтствуютъ приведеннымъ нами фактамъ и выводамъ и которыя даже могутъ противорѣчить имъ. Такъ напримѣръ и въ сѣверной полосѣ существуетъ весьма много мѣстностей, расположенныхъ около большихъ центровъ населенія или пользующихся исключительными выгодами въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, которыя, вслѣдствіе высокой цѣнности земли, болѣе подходятъ подъ условія южныхъ черноземныхъ земель, и наоборотъ, недостатокъ сбыта, незначительность населенія или другія условія могутъ подвести нѣкоторыя южныя мѣстности подъ условія земель сѣверной полосы. Но подобныя случайныя противорѣчія нисколько не уничтожаютъ вѣрности общей начертанной нами картины. Такъ и подъ палящимъ тропическимъ солнцемъ нѣкоторыя возвышенности покрыты вѣчнымъ льдомъ, и изъ-подъ сѣверныхъ снѣговъ бьютъ теплые ключи, вызывая вокругъ себя пышную растительность.

Мы глубоко убѣждены, что въ общей сложности мы не преувеличили печальнаго положенія нашего сельскаго хозяйства, и это убѣж-

деніе въ насъ тѣмъ сильнѣе, что мы приняли на себя эту задачу безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ всякихъ увлеченій въ ту или другую сторону, съ единственною цѣлью принести свою долю пользы общему дѣлу.

Читатель, можетъ быть, уже замѣтилъ, что, для подкрѣпленія нашихъ выводовъ примѣрами и фактами, мы большею частію ссылаемся на Петергофскій уѣздъ Петербургской губерніи. Оба эти названія очень неблагозвучны для иныхъ ушей и, можетъ быть, сдѣланный нами въ этомъ отношеніи несчастный выборъ подастъ поводъ къ различнымъ предубѣжденіямъ даже противъ самой сущности нашихъ выводовъ. Дѣло въ томъ, что, для практическаго изученія крестьянскаго вопроса и вообще послѣдствій совершонныхъ недавно преобразованій, Петергофскій уѣздъ, по свойствамъ своей почвы, по своему положенію, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ столицы, и по занятіямъ сельскихъ обывателей, представляетъ такое разнообразіе въ топографическомъ, промышленномъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ, которое трудно встрѣтить у насъ въ какой либо другой мѣстности

на столь незначительномъ пространствѣ. Этому уголку Россіи мы посвятили нѣсколько лѣтъ самаго тщательнаго изученія. Нами руководило то убѣжденіе, что добросовѣстное изученіе какого нибудь подобнаго даже незначительнаго пространства можетъ повести къ болѣе вѣрнымъ и положительнымъ результатамъ и къ лучшему познанію жизни и дѣйствительности, чѣмъ разъѣзды по большимъ дорогамъ даже многихъ губерній— съ предвзятыми мыслями и полученными впередъ казенными прогонами, — и распрашиваніе ямщиковъ, станціонныхъ смотрителей и разныхъ проѣзжихъ молодцевъ о состояніи хлѣбопашества и преуспѣяніи промышленности. Точно также и въ области естествознанія, этой самой положительной изъ всѣхъ наукъ, тщательное изученіе подъ микроскопомъ строенія какого либо незначительнаго насѣкомаго ведетъ къ болѣе точнымъ и многостороннимъ выводамъ, чѣмъ поверхностное глазеніе любопытныхъ на выставленныя въ музеяхъ самыя разнообразныя коллекціи.

Что касается до общихъ статистическихъ свѣдѣній, то они у насъ, въ особенности по части сельскаго хозяйства, еще столь неполны

и неточны и, при группированіи, въ томъ или другомъ порядкѣ, представляютъ такой просторъ для болѣе или менѣе недобросовѣстной *подтасовки* чиселъ и фактовъ, что мы питаемъ къ общимъ выводамъ нашей сельскохозяйственной статистики пока еще весьма мало довѣрія. Если мы сами приводили нѣкоторыя данныя, то это скорѣе въ видѣ примѣровъ, чѣмъ какъ несомнѣнное подтвержденіе нашихъ воззрѣній и выводовъ.

Дѣло въ томъ, что, для пониманія и оцѣнки цифръ и фактовъ, нужно еще особое изученіе, которое гораздо труднѣе самого собиранія статистическихъ данныхъ.

А теперь что мы видимъ и слышимъ?

Извѣстно, что весьма многіе не вѣрятъ еще въ упадокъ сельскаго хозяйства, а извѣстія объ обѣднѣніи крестьянъ и разстройствѣ помѣщичьихъ хозяйствъ приписываютъ агитаціи крѣпостниковъ, — и самымъ неопровержимымъ доказательствомъ въ пользу процвѣтанія нашей сельскохозяйственной промышленности приводятъ необыкновенный вывозъ за границу хлѣба, — въ 1867 г. на 160 милліон. руб. сер., —

утверждая притомъ, что это—хлѣбъ, по преимуществу, крестьянскій.

Но вотъ какъ съ другой стороны лица, знакомыя съ мѣстными условіями Рязанской губерніи, откуда вывозъ въ прошломъ году былъ весьма значителенъ, объясняютъ это явленіе. Еще въ минувшемъ сентябрѣ, явились въ помѣщичьихъ экономіяхъ и на сельскихъ базарахъ купеческіе прикащики, скупающіе хлѣбъ, по небывалымъ цѣнамъ, для отправки въ Петербургъ. Они единогласно разсказывали, что самая значительная часть купленнаго ими хлѣба принадлежала помѣщикамъ, а только очень небольшое количество крестьянамъ. Какимъ образомъ помѣщики могли выставить такую массу хлѣба, когда они постоянно жалуются на стѣсненіе хозяйства, объясняется тѣмъ, что предшествовавшая дешевизна препятствовала продажѣ и передвиженію хлѣба. Эта причина заставила состоятельныхъ помѣщиковъ, не нуждающихся немедленно въ деньгахъ, складывать хлѣбъ въ своихъ амбарахъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и выжидать для сбыта болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Такъ поступали и

зажиточные крестьяне, которые, продавъ только то, что необходимо было для уплаты податей, излишнія одонья сохраняли на черный день. Но наконецъ насталъ благопріятный случай для сбыта запасовъ, накопленныхъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Рельсовый путь проникъ до этихъ запасовъ, и въ то же время установились небывалыя цѣны. Помѣщики поспѣшили сбыть всѣ свои запасы; они, какъ говорится, на чисто вымели свои амбары и раскрыли настежъ, для просушки, двери, остававшіяся запертыми много лѣтъ. Крестьяне зажиточные, сохранившіе свои старыя одонья, повезли ихъ тоже на базаръ. Даже, увлекаясь временною выгодою, и полагаясь на русское: авось! и небогатые помѣщики и бѣдные крестьяне продали свой хлѣбъ, котораго у самихъ хватало только до новаго урожая.

Итакъ главныя причины развитія нашей хлѣбной торговли въ 1867 г. заключаются въ неурожаѣ за границею, въ усилившемся тамъ спросѣ и необычайномъ возвышеніи вслѣдствіе того цѣнъ на хлѣба, послужившемъ у насъ въ свою очередь поводомъ къ продажѣ и истощенію

всѣхъ нашихъ хлѣбныхъ запасовъ прежнихъ лѣтъ.

Результатомъ этого то, что, при недостаточномъ урожаѣ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сѣверныхъ и внутреннихъ губерніяхъ и усилившемся вслѣдствіе того внутреннемъ спросѣ, цѣны на нашъ хлѣбъ въ настоящее время въ Англіи дешевле, чѣмъ въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ у насъ закупленъ.

Вотъ еще примѣръ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, запашки въ Воронежской губерніи въ послѣднее время увеличились на 10%. Но какой слѣдуетъ сдѣлать выводъ изъ этого факта? Доказываетъ-ли онъ, что сельское хозяйство въ Воронежской губерніи преуспѣваетъ или падаетъ? Одни говорятъ, что Воронежскіе крестьяне засѣваютъ бо́льшія пространства, потому что почва стала истощаться, и что они на количествѣ посѣва хотятъ наверстать ухудшеніе качества почвы. Другіе доказываютъ, напротивъ того, что увеличеніе посѣвовъ составляетъ прямое послѣдствіе возвышенія благосостоянія крестьянъ Воронежской губерніи.

При подобныхъ обсужденіяхъ, не основан-

ныхъ на точныхъ физіологическихъ наблюденіяхъ, не рѣдко такъ и звучитъ въ ушахъ побасенка „о бѣломъ бычкѣ“.

Но какимъ образомъ у насъ добраться до истины въ окружающемъ насъ водоворотѣ различныхъ мнѣній и различно истолковываемыхъ фактовъ и чиселъ?

Для этого обратимся за совѣтомъ къ самому практическому изъ новѣйшихъ народовъ, — къ народу англійскому.

Для такихъ случаевъ, съ давнихъ временъ, изобрѣтенъ въ Англіи пріемъ, поражающій своею простотою и легкостью примѣненія, при всѣхъ формахъ общественнаго устройства. По всякому прошенію, ходатайству, жалобѣ частныхъ лицъ или сословныхъ учрежденій и обществъ, на удовлетвореніе которыхъ, несмотря на ихъ основательность, не имѣется въ виду положительнаго указанія въ существующемъ законномъ порядкѣ, назначается изслѣдованіе при государственномъ совѣтѣ, по повелѣнію королевы. Такое изслѣдованіе называется inquiry.

При постепенномъ развитіи парламентскихъ учрежденій, англійская практика развила также

и другаго рода изслѣдованіе, называемое inquest и отличающееся отъ вышеозначеннаго inquiry, въ особенности, тѣмъ, что назначается по распоряженію одной изъ палатъ, исключительно на время сессіи и поручается избраннымъ отъ палаты своимъ членамъ подъ условіемъ прекращенія всѣхъ своихъ дѣйствій при закрытіи уполномочившей ихъ сессіи.

Англійское inquiry, т. е. изслѣдованіе перваго рода, изслѣдованіе какого нибудь общественнаго вопроса, при правительственной иниціативѣ и безъ участія и вмѣшательства палатъ, производится въ слѣдующемъ порядкѣ.

По воспослѣдованіи королевскаго повелѣнія государственному совѣту произвести изслѣдованіе и составить донесеніе по опредѣленному вопросу, королевой назначаются, въ коммиссію по этому предмету, члены, по ея усмотрѣнію, независимо отъ ихъ служебныхъ отношеній. Это порученіе считается почетнымъ и безвозмезднымъ. Отличительное, чисто англійское, свойство такой коммиссіи то, что она облекается не только правомъ собирать и требовать всякаго рода свѣдѣнія, по своему усмотрѣнію,

какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ всякаго рода учрежденій, но и приводить къ свидѣтельскому показанію подъ присягой, по мѣрѣ нужды, всѣхъ дающихъ показаніе, сообщающихъ извѣстные имъ факты или свои личныя мнѣнія. Совокупность фактовъ, собираемыхъ такимъ изслѣдованіемъ, при его гласности, пріобрѣтаетъ характеръ юридической достовѣрности, исключающій возможность превратныхъ толкованій.

Такимъ образомъ передъ законодательствомъ дѣйствительность является во всей ея истинѣ и наготѣ. Въ обществѣ вселяется увѣренность, что между имъ и властью нѣтъ искусственныхъ различій въ воззрѣніяхъ на факты. Правда разрабатывается въ многосторонних, но неголословныхъ, преніяхъ газетъ. Общественное мнѣніе зрѣетъ до пониманія практическихъ потребностей страны.

Легко себѣ вообразить, какой здравый элементъ истины вносится, такимъ путемъ, въ законодательный матеріалъ, безъ малѣйшей опасности потрясенія власти и порядка. Легко себѣ вообразить, какъ благодѣтельно дѣйствуетъ такое юридическое признаніе истины фактовъ на

устраненіе всѣхъ крайностей. Каждый мыслящій человѣкъ можетъ, такимъ образомъ, въ законномъ порядкѣ, принесть свою долю участія въ великомъ дѣлѣ раскрытія истины, и правительство пріобрѣтаетъ, для своихъ постановленій, весь нравственный вѣсъ общихъ убѣжденій.

Такое-то inquiry, для разъясненія нашего сельскохозяйственнаго положенія, вовсе не было бы излишнимъ.

Но за нами остается еще другая болѣе трудная задача: разсмотрѣніе тѣхъ средствъ, которыя лицами различныхъ убѣжденій и партій предлагаются для выхода изъ настоящаго затруднительнаго положенія. Если многіе, можетъ быть, и будутъ согласны съ нами во многомъ изложенномъ въ первой части нашего труда, то вторая его часть, по всей вѣроятности, возбудитъ болѣе возраженій и, даже можетъ быть, нареканій.

Но мы исполнимъ задачу нашу до конца. Только доводы разума, безъ всякой примѣси страстей, только неопровержимые факты могутъ заставить насъ измѣнить наши убѣжденія и

принять другое направленіе. До того времени мы будемъ слѣдовать тому пути, который указываютъ намъ собственныя наши наблюденія и умозаключенія.

Предлагаемыя, для поднятія земледѣльческой производительности и упроченія сельскаго быта, средства главнѣйше заключаются въ слѣдующемъ:

1) Уничтоженіе общиннаго владѣнія землею и круговой поруки въ уплатѣ крестьянами податей и повинностей.

2) Пониженіе податей и повинностей и переложеніе ихъ съ рабочей силы на землю.

3) Уменьшеніе числа кабаковъ.

4) Ограниченіе крестьянскаго и земскаго самоуправленія.

5) Распространеніе кредита.

6) Введеніе въ употребленіе сельско-хозяйственныхъ машинъ и устройство желѣзныхъ дорогъ, и

7) Учрежденіе народныхъ и сельско-хозяйственныхъ школъ.

VIII.

Общинное владѣніе. Какъ все, что касается нашего сельско-хозяйственнаго быта, такъ и общинное владѣніе землею, съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ своимъ, круговою порукою, имѣетъ совершенно иное значеніе для черноземной и нечерноземной полосы Россіи. По отношенію къ искуссвенному, требующему затраты значительнаго капитала, хозяйству на сѣверѣ, общинное владѣніе служитъ положительнымъ препятствіемъ ко всякому усовершенствованію, тогда какъ на югѣ, при отсутствіи удобренія, препятствіе это уравновѣшивается тѣми преимуществами, которыя представляетъ общинное владѣніе.

Какъ средство заселенія необитаемыхъ еще пространствъ, какъ способъ распространенія населенія цѣлыми массами въ ширину, общин-

ное владѣніе имѣетъ великое, необъятное и недостаточно признанное еще значеніе въ исторіи русскаго народа. Доказательствомъ этого служитъ та быстрота, съ которою, безъ шума, безъ сильныхъ потрясеній, населился весь югъ и юго-востокъ Россіи, — и движеніе это, — могучее и неудержимое,—продолжается еще далѣе на востокъ.

Но общинное владѣніе оказывается совершенно несостоятельнымъ, какъ скоро миновалъ этотъ первый періодъ равномѣрнаго движенія въ ширину и развитіе должно идти вверхъ. Съ этого времени община дѣйствуетъ какъ тормазъ, и дѣйствіе этого тормаза тѣмъ сильнѣе, чѣмъ нравственное и матеріальное развитіе силъ каждаго отдѣльнаго члена общины необходимѣе для прогрессивнаго развитія всего вообще общественнаго и государственнаго строя. Въ этомъ отношеніи община на долго можетъ еще держать скованными могучія силы русскаго народа и превращать въ мертвую букву самыя разумныя усовершенствованія въ законодательствѣ и самыя благоразумныя мѣропріятія правительства.

Изъ этого однако-же отнюдь не слѣдуетъ выводить то заключеніе, что мы совѣтуемъ нынѣ же приступить къ упраздненію или разрушенію крестьянской общины и общиннаго владѣнія землею. Если русской общинѣ суждено разложиться, если она въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, на сѣверѣ, уже дожила свой вѣкъ, то разложеніе стараго порядка и переходъ на высшую степень развитія, въ видѣ личнаго владѣнія землею и личной самостоятельности отдѣльныхъ членовъ общины, должны происходить постепенно, безъ насилованія естественнаго хода вещей, безъ потрясеній. Дѣйствіе законодателя и правителя должно въ этомъ случаѣ проявляться только въ видѣ споспѣшествованія естественному ходу развитія, устраненіемъ представляющихся препятствій и болѣе соотвѣтствующимъ цѣли направленіемъ силъ.

Свойства, качества, привычки и обычаи народныхъ массъ, воспитываемыхъ вѣками, какъ бы они ни были неразумны, не измѣняются вдругъ, по велѣнію законодателя. На это нерѣдко необходимы опять цѣлыя столѣтія. Не-

достаточно разрушить уже сложившіяся по извѣстному направленію общественныя силы; необходимо, чтобы онѣ сочетались въ новую, высшую форму органическаго развитія, а это сочетаніе, какъ въ природѣ, такъ и въ человѣческомъ обществѣ, происходитъ лишь постепенно, по мѣрѣ самаго дѣйствія въ опредѣленномъ направленіи матеріальныхъ и нравственныхъ силъ.

Вотъ примѣръ насильственнаго разрушенія общиннаго владѣнія. Въ Петергофскомъ уѣздѣ въ деревнѣ А., до объявленія положенія 19 февраля 1861 года, находившаяся въ пользованіи крестьянъ земля раздѣлена была отдѣльными участками, съ перенесеніемъ усадьбы каждаго крестьянина на свой участокъ. Операція эта произведена была, противъ желанія самихъ крестьянъ, помѣщикомъ, на собственный его счетъ, съ единственною цѣлью облагодѣтельствовать своихъ подвластныхъ. Но едва объявлена была воля, какъ она въ деревнѣ А. выразилась непреодолимымъ желаніемъ ввести опять общинное владѣніе землею съ перенесеніемъ усадебъ на прежнія мѣста; это дѣйствительно и осущест-

влено было вслѣдствіе настоятельныхъ требованій крестьянъ, къ великой ихъ радости и не смотря на значительныя издержки, съ которыми сопряжено было для крестьянъ обратное ихъ переселеніе. Одинъ только крестьянинъ изъявилъ желаніе остаться при своемъ подворномъ участкѣ. Введеніе вновь общиннаго владѣнія въ деревнѣ А. сопровождалось радостными праздненствами всего околодка, изъ коихъ исключенъ былъ только одинъ злосчастный личный владѣдецъ—новый Іуда, подвергавшійся всякаго рода насмѣшкамъ и даже истязаніямъ. При этомъ ясно видно было, какъ трудно одинокому крестьянину или даже меньшинству отдѣляться отъ большинства, отъ всей общины. Это, по понятіямъ крестьянъ, значитъ идти противъ міра, и нѣтъ проступка, на который они смотрѣли бы съ большимъ негодованіемъ и презрѣніемъ. И вотъ гдѣ кроется зародышъ тѣхъ чисто демократическихъ нравовъ и воззрѣній, которые отличаютъ неразвитую еще массу русскаго народа и которые преклоняются только передъ всемогуществомъ самодержавія. Въ соединеніи съ общиннымъ владѣніемъ землею, воз-

зрѣнія эти получаютъ иногда чисто соціалистическій оттѣнокъ. Оттѣнокъ этотъ даже нѣсколько захватываетъ нашу бюрократію, а современную печать нашу окрашиваетъ въ довольно яркій красный цвѣтъ. Фанатическое преслѣдованіе всякаго личнаго мнѣнія, несогласнаго съ большинствомъ, озлобленіе противъ всего того, что въ томъ или другомъ видѣ возвышается надъ общимъ уровнемъ, неуваженіе къ установившемуся праву въ его различныхъ проявленіяхъ, вотъ отличительная черта современнаго настроенія значительной части нашего такъ называемаго общественнаго мнѣнія. Эта-то часть общественнаго мнѣнія именно и опирается на неразвитость, на неясные инстинкты, или, какъ теперь охотно выражаются, „на стихійныя силы“ русскаго народа.

Но подобно тому, какъ на обитаемой нами планетѣ развитіе высшей органической жизни сдѣлалось возможнымъ только послѣ того, какъ стихіи отдѣлились другъ отъ друга и стихійныя бури улеглись, — точно также и въ каждомъ обществѣ правильное органическое развитіе возможно лишь тогда, когда изъ нѣдръ хаоса, изъ

такъ называемыхъ стихійныхъ силъ выработаются тѣ начала и законы, которые обусловливаютъ существованіе современной цивилизаціи. Условія эти составляютъ: личная самодѣятельность и самостоятельность; уваженіе къ пріобрѣтенному праву вообще и праву собственности въ особенности; постепенное органическое развитіе всего общественнаго и государственнаго строя. Мечтать о развитіи какого бы то ни было общества на другихъ началахъ, значитъ возводить новую утопію, но не на землѣ, которая вся уже открыта въ настоящее время для современной цивилизаціи, а развѣ въ хвостѣ какой-нибудь шатающейся по небесному пространству кометы.

Но мы, кажется, нѣсколько отдалились отъ *земли*; возвратимся къ нашему предмету.

Помимо насильственныхъ мѣръ, предлагаемыхъ съ цѣлію упраздненія общиннаго владѣнія, есть много другихъ, которые могли бы привести къ той же цѣли постепено, безъ ломки, съ принятіемъ въ соображеніе всѣхъ препятствій, которыя представляетъ эта трудная и сложная задача. Къ числу такихъ мѣръ можно причи-

слить: воспрещеніе вновь передѣлять землю; установленіе для подворнаго владѣнія землею простаго большинства на сельскомъ сходѣ, вмѣсто требуемаго нынѣ закономъ большинства $^2/_3$; наконецъ, облегченіе для отдѣльныхъ членовъ общины выдѣла ихъ участковъ изъ мірской земли.

Управленіе общиннаго владѣнія безъ уничтоженія чрезполосности тѣхъ безчисленныхъ полосокъ, которыя, въ видѣ узкихъ тесемокъ, иногда въ нѣсколько лишь саженей шириною, составляютъ столь знакомую русскому глазу особенность внѣшняго вида крестьянскихъ пашень,—упраздненіе общиннаго владѣнія только на бумагѣ, безъ разверстанія угодій, не подвинуло бы вопросъ этотъ ни на одинъ шагъ впередъ. А кому случалось разверстывать или обмѣнивать поземельныя угодія, только тотъ можетъ вполнѣ отдать себѣ отчетъ во всей трудности этой работы Сизифа. По отношенію къ крестьянамъ она еще увеличивается ихъ неразвитостію, нежеланіемъ покинуть прежній порядокъ вещей и неопредѣленнымъ страхомъ чего-то худшаго въ будущемъ.

Мы сказали, что община имѣетъ совершен-

но иное значеніе для сѣверной и южной Россіи. Для уясненія этого вопроса разсмотримъ, какое вліяніе имѣло и имѣетъ здѣсь и тамъ одно изъ необходимихъ послѣдствій общиннаго владѣнія землею — круговая порука всѣхъ членовъ общества при уплатѣ и отбываніи крестьянскимъ обществомъ всякихъ вообще податей, оброковъ и повинностей. Дѣйствіе ея на сѣверѣ и югѣ совершенно различное.

На сѣверѣ, гдѣ земля сама по себѣ, въ большей части мѣстностей, ничего не стоитъ, и отнятіе надѣла составляетъ во многихъ случаяхъ, въ особенности для раззорившагося крестьянина, не наказаніе, а облегченіе, круговая порука дѣйствуетъ губительно на предпріимчивость отдѣльныхъ личностей и тяжелымъ бременемъ ложится на всѣхъ вообще членовъ общества. При высокой цѣнности земли на югѣ, всякій членъ общества, напротивъ того, охотно принимаетъ упразднившійся участокъ земли съ уплатою лежащихъ на немъ недоимокъ и повинностей. Оттого на сѣверѣ крестьянская община можетъ сдерживаться только искусствен-

ными средствами, оттого сельскій сходъ на сѣверѣ чаще, чѣмъ на югѣ, является въ видѣ строгаго опекуна надъ нравственностію и хозяйствомъ всякого отдѣльнаго члена, неисправность и раззореніе коего немедленно отражается на благосостояніи всѣхъ прочихъ. Это та же помѣщичья власть, только уже не единоличная, а собирательная, выражающаяся большинствомъ голосовъ на сельскомъ сходѣ. Сдача неисправныхъ крестьянъ не въ очередь въ солдаты, предоставленіе порочныхъ и неисправныхъ въ распоряженіе правительства для ссылки въ отдаленныя губерніи, наконецъ, домашняя расправа сельскихъ сходокъ съ провинившимися своими членами помимо всѣхъ властей, — нашъ народный „линчъ“, вотъ карательный кодексъ нашей общины, получающій болѣе строгое примѣненіе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ.

Притомъ власть общины, какъ нравственно безотвѣтственная власть случайнаго большинства грубой и неразвитой толпы, какою представляется еще нашъ сельскій сходъ, болѣе тяжелымъ гнетомъ ложится на отдѣльныхъ чле-

новъ общества, чѣмъ прежняя безотвѣтственная передъ закономъ, но связанная нравственными узами и руководимая экономическими расчетами единоличная власть помѣщика. Оттого желательно, чтобы нашъ крестьянинъ поскорѣе высвободился изъ подъ этого новаго крѣпостнаго права, и скорѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ, потому что, вслѣдствіе изложенныхъ выше причинъ, право это на сѣверѣ по необходимости примѣняется съ большею строгостію, и что на сѣверѣ, для борьбы съ неблагопріятными условіями климата и почвы, необходимо въ болѣе высокой степени развитіе матеріальныхъ и нравственныхъ силъ каждой отдѣльной личности.

Но, повторяемъ, это должно произойти естественно, постепенно, а не при помощи какихъ-либо насильственныхъ мѣропріятій, тѣмъ болѣе, что задача эта усложняется еще вопросомъ фискальнымъ, т. е. тѣмъ обезпеченіемъ для исправнаго взноса податей и отправленія повинностей, которое представляетъ круговая порука, не смотря на всѣ ея недостатки въ другихъ отношеніяхъ. Если правительство будетъ пред-

видѣть возможность лишиться платежей отъ неисправныхъ крестьянъ вслѣдствіе упраздненія круговой поруки, то едва ли оно согласится на подобное измѣненіе въ нашемъ законодательствѣ.

IX.

Подати и повинности. Пониженіе податей и повинностей принадлежитъ къ числу, повидимому, весьма простыхъ способовъ, предлагаемыхъ нѣкоторыми изъ нашихъ дѣятелей въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, но такихъ способовъ, которые на практикѣ встрѣчаютъ значительныя затрудненія. Первый представляющійся въ семъ отношеніи вопросъ заключается въ томъ: изъ какихъ источниковъ пополнить тотъ значительный недостатокъ, который вслѣдствіе такого пониженія откроется въ государственныхъ доходахъ. — Независимо отъ сего, пониженіе оброковъ, вносимыхъ временно-обязанными крестьянами въ пользу помѣщиковъ, повлечетъ за собою нарушеніе права собственности сихъ послѣднихъ.

Установленная закономъ, обязательная для помѣщиковъ норма оброка, въ видѣ неизмѣнной ренты, составляетъ такую же собственность, какъ и гарантированные правительствомъ проценты съ выкупныхъ свидѣтельствъ и облигацій.

Еслиже, какъ предполагаютъ иные, не только понизить подати, оброки и повинности съ крестьянъ, но и пополнить имѣющій вслѣдствіе того открыться недостатокъ въ государственныхъ и земскихъ доходахъ соразмѣрнымъ обложеніемъ помѣщичьей и удѣльной земли, то это будетъ имѣть послѣдствіемъ двойное нарушеніе права собственности по отношенію къ помѣщикамъ и удѣлу: они не только лишатся причитающейся имъ по закону ренты, но еще и должны будутъ платить за это лишеніе ежегодную пеню. Въ нечерноземной полосѣ уже и въ настоящее время однѣ земскія повинности во многихъ мѣстностяхъ поглощаютъ, а въ нѣкоторыхъ даже превышаютъ весь чистый доходъ съ пустопорожнихъ, оставшихся за крестьянскимъ надѣломъ, земель, и всякое дальнѣйшее повышеніе будетъ имѣть послѣдствіемъ то, что земли эти, не имѣющія въ настоящее вре-

мя во многихъ мѣстностяхъ почти никакой цѣнности, получатъ цѣнность отрицательную. Дѣйствительно, какимъ образомъ и чѣмъ облагать помѣщичью, казенную или удѣльную землю, капитальная цѣнность коей мѣстами доходитъ до 5 коп. съ десятины, и доходы съ коей въ большей части мѣстностей равняются нулю, а въ нѣкоторыхъ даже и теперь уже выражаются болѣе или менѣе значительными минусами. При такихъ-то условіяхъ, кромѣ того, натуральныя повинности почти повсемѣстно перелагаются въ денежныя, и происходитъ небывалое,—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на тысячу процентовъ,—возвышеніе земскихъ, мировыхъ и мірскихъ платежей.

Намъ кажется, что для огражденія права собственности землевладѣльцевъ,—права, сущность коего заключается, какъ и всякой вообще собственности, не въ номинальномъ обладаніи вещію опредѣленной величины и извѣстныхъ предѣловъ, а въ приносимомъ этою вещію чистомъ доходѣ, значительное сокращеніе или поглощеніе коего даже подъ видомъ податей и повинностей равносильно нарушенію пра-

ва собственности, — намъ кажется, что для огражденія права собственности на землю отъ подобныхъ нападеній, подъ предлогомъ общественной пользы, со стороны разныхъ государственныхъ, земскихъ и мировыхъ дѣятелей, необходимо распространить на поземельныя владѣнія законъ 20-го ноября 1866 г., ограничивающій тотъ процентъ съ дохода, коимъ могутъ быть обложены въ пользу земства всякаго рода торговыя свидѣтельства. Мы даже полагаемъ, что относительно земель этотъ процентъ долженъ быть съ 25 пониженъ, по крайней мѣрѣ, до 10%, какъ высшей мѣры облагаемости чистаго дохода съ поземельной собственности. Только при этомъ условіи поземельный собственникъ можетъ получить увѣренность въ томъ, что онъ не сдѣлается жертвою разныхъ улучшеній и благодѣяній, которыми осыпается теперь русская земля въ такомъ изобиліи. Только при этомъ условіи онъ рѣшится употребить на улучшеніе имѣнія свободный движимый капиталъ, въ настоящее время затрачиваемый на покупку различныхъ бумагъ съ выигрышами или отсылаемый за границу. Оплодотвореніе земли

капиталомъ въ особенности важно по отношенію къ нечерноземной полосѣ, гдѣ земля безъ капитала не можетъ дать дохода и не имѣетъ никакой цѣнности.

Но насъ будутъ укорять въ несправедливости, въ безчеловѣчности. Намъ скажутъ, что мы защищаемъ богатаго собственика, крупнаго землевладѣльца, или скорѣе обладаемую имъ вещь, а мелкаго собственника-крестьянина или скорѣе его личность отдаемъ въ жертву тѣмъ же дѣятелямъ и благодѣтелямъ, противъ которыхъ мы ратуемъ.

Для разъясненія этого вопроса вникнемъ въ то экономическое значеніе, которое имѣютъ у насъ въ Россіи, вслѣдствіе особенностей ея сельскохозяйственныхъ условій, тѣ два начала, которыя лежатъ въ основаніи не только земледѣльческаго, но и всякаго вообще производства, именно: земля и рабочая сила.

Если принять въ соображеніе незначительность цѣнности, какъ крестьянской, такъ и оставшейся за надѣломъ земли, въ нечерноземной полосѣ Россіи, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что во всей этой полосѣ, пока еще обло-

женъ и, за малыми лишь исключеніями, можетъ быть подвергнутъ обложенію собственно только трудъ, рабочая сила. При малой густотѣ населенія и обширныхъ земельныхъ угодьяхъ, рабочая сила имѣетъ цѣнность потому, что въ ней всѣ нуждаются и предложеніе не соотвѣтствуетъ запросу; зависимость же цѣнности всякаго предмета и всякой услуги отъ соотношенія предложенія къ спросу составляетъ непреложную экономическую аксіому. Многіе воображаютъ, что, вслѣдствіе переименованія въ окладныхъ листахъ ревизской души въ душевой надѣлъ, уже совершилось самое переложеніе податей и повинностей съ рабочихъ рукъ на землю.

Но это мнѣніе, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ сѣвернымъ губерніямъ, основано на одной лишь внѣшней формѣ, безъ пониманія сущности вещей. Въ дѣйствительности переложеніе повинностей и податей съ рабочей силы на землю на сѣверѣ не сдѣлало ни одного шага впередъ, потому что сущность вещей осталась та же, какъ и прежде. Переложеніе это тогда только будетъ возможно и произойдетъ естественнымъ образомъ, когда сама земля полу-

читъ высшую цѣнность и будетъ доставлять, независимо отъ прилагаемаго къ ней труда, столь высокую чистую ренту, что сею послѣднею не только будутъ покрываться всѣ лежащіе на землѣ денежные платежи и натуральныя повинности, но и доставляться владѣльцу, сверхъ того, еще чистый доходъ. До того же времени собственникъ будетъ чуждаться земли, какъ бремени, и удержать его на мѣстѣ возможно будетъ только посредствомъ прикрѣпленія къ общинѣ тѣмъ или другимъ способомъ. Безъ такой связи между отдѣльнымъ членомъ и всею общиною, и между общиною и землею, невозможно будетъ удержать населеніе въ предѣлахъ обложеннаго значительными денежными платежами и натуральными повинностями крестьянскаго надѣла и воспрепятствовать переселенію въ болѣе благопріятныя по климату мѣстности или даже на близлежащія, менѣе обремененныя налогами и повинностями, пустопорожнія земли, подобно тому, какъ безъ посторонней силы нельзя удерживать въ одномъ сосудѣ жидкость на различныхъ уровняхъ. Обложеніе же ненаселенной земли одинаковыми

съ населенною повинностями невозможно вслѣдствіе ничтожности цѣнъ земли вообще.

Наши крестьяне-собственники въ дѣйствительности и связаны съ общиною на 49 лѣтъ, до уплаты всей дарованной имъ отъ правительства ссуды; и если отдѣльнымъ членамъ общества и дозволяется выкупаться, то лишь съ уплатою казнѣ впередъ половины капитала, и съ извѣстными ограниченіями. Сама же община связана съ землею тѣмъ, что изъ крестьянъ-собственниковъ, даже при исполненіи вышеозначеннаго условія, только $^1/_3$ можетъ быть уволена. Если вышедшіе члены не замѣнены новыми, то дальнѣйшее увольненіе членовъ общества, безъ предварительнаго взноса даже всего капитала, не иначе дозволяется какъ съ разрѣшенія губернскаго начальства. То же въ другомъ смыслѣ справедливо и въ примѣненіи къ временно-обязаннымъ крестьянамъ. Хотя въ отношеніи къ нимъ, по прошествіи первыхъ девяти лѣтъ, выходъ изъ общества и оставленіе своего надѣла сопряжено съ меньшими ограниченіями, но опытъ покажетъ, достаточны ли будутъ эти ограниченія для удержанія временно-

обязанныхъ крестьянъ отъ всеобщаго переселенія.

Дѣло въ томъ, что въ нечерноземной полосѣ мы, по малочисленности населенія и по другимъ причинамъ, экономически еще не созрѣли для переложенія налоговъ съ рабочихъ рукъ на землю, и всѣ попытки, которыя будутъ предприняты въ этомъ смыслѣ, приведутъ лишь къ окончательному обезцѣненію земли и къ уничтоженію самаго источника ея доходовъ. И это справедливо не только по отношенію къ переложенію податей и повинностей на землю вообще, но и на землю въ предѣлахъ одного крестьянскаго надѣла. Такъ напримѣръ, переложеніе даже одной подушной подати съ душъ на крестьянскую землю или на усадьбы, т. е. подымно, будетъ имѣть лишь послѣдствіемъ то, что Иванъ, пропившій свою избу въ кабакѣ, вовсе не будетъ платить подушной подати, а Петръ, употребившій свои деньги на возведеніе новой избы, будетъ платить подушную подать вдвойнѣ, за себя и за сосѣда своего, пьянчугу-Ивана. Въ черноземныхъ мѣстностяхъ, при извѣстной густотѣ населенія, гдѣ земля сама

по себѣ, даже независимо отъ вложеннаго въ нее капитала, имѣетъ значительную цѣну, переложеніе это возможно потому именно, что экономическія условія сами по себѣ благопріятствуютъ такому переложенію.

Во всякомъ случаѣ, переложеніе на землю или на надѣлы одной лишь какой либо подати или повинности нисколько не устранитъ тѣхъ стѣсненій, коими непосредственно или косвенно въ настоящее время еще прикрѣпляется къ землѣ наше крестьянское сословіе. Для этого необходимо переложеніе всѣхъ вообще податей и повинностей, денежныхъ и натуральныхъ, помѣщичьихъ, земскихъ и государственныхъ. Тѣмъ, что Петръ будетъ платить за Ивана подушную повинность, Иванъ еще не освободится отъ общины; для этого нужно, чтобы все, чѣмъ обложенъ Иванъ, возложено было на Петра. Но, въ такомъ случаѣ, вы изъ Петра насильно сдѣлаете такого же пьянчугу, каковъ Иванъ.—Спрашивается, будетъ ли это способствовать процвѣтанію государственнаго, земскаго и частнаго хозяйства и составитъ ли это шагъ впередъ въ экономическомъ развитіи?

Въ настоящее время энергія труда въ крестьянахъ сѣверной полосы поддерживается еще необходимостію, въ которой они находятся, посредствомъ постороннихъ и отходныхъ заработковъ, добывать средства для уплаты податей и повинностей. Съ уменьшеніемъ сихъ послѣднихъ уменьшится и энергія труда; земля, цѣнность и доходность коей находится въ прямой зависимости отъ числа и качества рабочихъ рукъ, вслѣдствіе того еще болѣе потеряетъ своей цѣнности и еще менѣе будетъ въ состояніи переносить налоги; потребуется уменьшеніе ихъ въ отношеніи къ землѣ. Спрашивается, какія затѣмъ цѣнности будутъ облагаться въ пользу казны и земства?

Мы этимъ нисколько не желаемъ отрицать того факта, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне обременены налогами и повинностями сверхъ силъ, даже если принять въ соображеніе собственно рабочую силу. Но это скорѣе и даже по преимуществу происходитъ отъ неуравнительности распредѣленія податей и повинностей между разными мѣстностями, чѣмъ отъ суммы налоговъ въ общей ихъ сложности. Если же

всѣ земскія повинности изъ натуральныхъ будутъ переложены въ денежныя, а эти послѣднія будутъ возвышаться въ той же пропорціи, то, какъ рабочая сила, такъ и земля, будутъ окончательно подавлены этимъ бременемъ. Въ общей сложности мы признаемъ необходимымъ приведеніе всѣхъ вообще лежащихъ на крестьянахъ податей и повинностей къ уровню 1861 г. Вотъ все, чего можно ожидать и требовать при настоящихъ затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ.

Какъ не практично и не справедливо бы было распредѣлять подати и повинности, уже не говоря по пространству земли, а даже по качеству почвы, безъ принятія въ соображеніе большаго или меньшаго промышленнаго развитія мѣстности, т. е. другими словами, безъ соображенія съ производительностію рабочихъ рукъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Петергофскій уѣздъ въ топографическомъ отношеніи можно раздѣлить на двѣ части: прибрежную, состоящую изъ болотъ и песковъ, въ которой крестьяне получили неполный надѣлъ, и внутреннюю, состоящую изъ плодородной глинистой почвы,

въ которой крестьянамъ отведенъ полный четырехдесятинный на душу надѣлъ, состоящій почти исключительно изъ одной пашни. Между тѣмъ, вслѣдствіе легкости заработковъ, прибрежные крестьяне Петергофскаго уѣзда гораздо богаче остальныхъ. Если бы, какъ и предполагалось одно время, распредѣлить земскія повинности по качеству почвы или даже по количеству обработанной земли, то результатомъ этого было бы то, что богатая часть Петергофскаго уѣзда платила бы втрое или вчетверо менѣе бѣдной. То же примѣнимо и ко многимъ мѣстностямъ другихъ губерній—и, въ общей сложности, ко всей Россіи.

Но есть теоретики, которые во что бы то ни стало хотятъ переложить всѣ подати и повинности на землю и затѣмъ предоставить самому населенію распредѣлиться, какъ ему заблагоразсудится, *естественнымъ образомъ*. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этой мѣры было бы покинутіе крестьянами земель, обложенныхъ свыше стоимости и доходности, и переселеніе на другія земли, менѣе обложенныя или болѣе плодородныя. Значительная часть сѣвера Рос-

сіи такимъ образомъ обезлюдѣла бы на счетъ юга. Но эти приверженцы теоріи естественнаго распредѣленія не принимаютъ въ разсчетъ той страшной потери силъ и капиталовъ, той убыли людей, которая должна сопровождать внезапное перемѣщеніе цѣлыхъ населеній за нѣсколько сотъ и даже нѣсколько тысячъ верстъ, съ сѣвера Россіи на югъ. Нельзя же вычеркнуть изъ исторіи и географіи половину Россіи. Русскій народъ и подвластныя ему племена безчисленными узами связаны съ настоящими мѣстами своего поселенія, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ; для населенія сихъ мѣстъ и скрѣпленія ихъ въ одну общую русскую землю пролито много крови и поту, принесено много тяжелыхъ жертвъ, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ. Внезапное открытіе всѣхъ возведенныхъ вѣками шлюзъ причинитъ затопленіе—массами народа—всего юга, обезлюдивъ сѣверъ Россіи, а это повлекло бы за собою такое экономическое потрясеніе и даже политическій переворотъ, послѣдствія коего невозможно исчислить и предвидѣть.

Мы нисколько не отрицаемъ того, что пере-

ложеніе прямыхъ налоговъ съ лица на землю составляетъ шагъ впередъ въ экономическомъ развитіи общества, и что къ этой цѣли слѣдуетъ всѣми силами стремиться. Но цѣль эта можетъ быть достигнута, какъ и переложеніе повинностей изъ натуральныхъ въ денежныя, лишь въ такомъ случаѣ, если экономическимъ развитіемъ общества уже осуществлены тѣ условія, которыя дѣлаютъ возможнымъ достиженіе этой цѣли. Преждевременное движеніе къ цѣли можетъ повести лишь къ напрасной тратѣ силъ, безъ всякой существенной пользы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже къ разрушительнымъ экономическимъ и политическимъ потрясеніямъ.

Все, что въ семъ отношеніи, при настоящихъ экономическихъ условіяхъ нашего отечества, возможно бы было допустить, заключается, по нашему мнѣнію, въ переложеніи на землю, ограничиваясь притомъ предѣлами одной населенной, т. е. крестьянской земли, незначительной лишь части (примѣрно $^1/_3$) лежащихъ на крестьянахъ податей и повинностей, оставивъ остальную часть собственно на рабочей силѣ. Безпечный и нерадивый Иванъ, оставляя землю

и представляя собою извѣстную совокупность личныхъ богатствъ, долженъ лично нести и соотвѣтствующую долю податей и повинностей. Иначе они всею тяжестію своею падутъ на оставшагося на землѣ домовитаго и трудолюбиваго Петра. Идти при настоящихъ условіяхъ далѣе, по нашему мнѣнію, не только безразсудно, но и опасно.

X.

Кабаки. Одинъ знаменитый законовѣдъ, при отыскиваніи поводовъ къ преступленіямъ, всегда спрашивалъ: „гдѣ женщина?“ — У насъ въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ спрашивать: „гдѣ кабакъ“? — Дѣйствительно, благодаря гласности нашихъ судовъ, теперь всѣмъ извѣстно, что, изъ числа проступковъ и преступленій и даже мелкихъ гражданскихъ споровъ и тяжебъ, по крайней мѣрѣ 90% возникаютъ въ кабакахъ или совершаются въ пьяномъ видѣ. Самое изслѣдованіе преступленій необыкновенно затрудняется тѣмъ, что не только преступникъ, но иногда и его жертва, а также большая часть свидѣтелей бываютъ въ нетрезвомъ видѣ. Прежняя стереотипная фраза: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“,—въ гласномъ нашемъ судопроизводствѣ замѣняется выраженіемъ: „ничего не помню, былъ выпимши“.

Намъ самимъ случилось быть свидѣтелемъ слѣдующаго случая. Крестьянинъ принесъ жалобу мировому судьѣ, что на дорогѣ во время сна у него съ головы украли шапку, а съ везшей его лошади сняли сбрую. Подозрѣніе въ совершеніи кражи крестьянинъ заявилъ на встрѣтившихся съ нимъ крестьянъ сосѣдней деревни. При разборѣ дѣла оказалось, что обокраденный былъ мертвецки пьянъ, и ѣхалъ въ обозѣ съ десятью другими крестьянами своей деревни, которые всѣ также были мертвецки пьяны. Въ томъ же отрадномъ положеніи находились и всѣ крестьяне сосѣдней деревни, съ которыми встрѣтился обокраденный крестьянинъ и на которыхъ онъ изъявилъ подозрѣніе. Спрашивается: какой слѣдователь въ состояніи бы былъ найти путеводную нить въ этомъ сонномъ царствѣ мертвецки пьяныхъ? Само собою разумѣется, что дѣло это осталось безъ всякихъ послѣдствій.

Подобно тому, какъ изъ такъ называемыхъ домовъ терпимости разносится по всѣмъ направленіямъ та физическая зараза, которая составляетъ страшный бичъ цѣлыхъ населеній,

точно также въ нашихъ питейныхъ заведеніяхъ живетъ и плодится та нравственная зараза, которая отравляетъ семейную и общественную жизнь большинства русскаго народа.

Нечего доказывать, какое пагубное вліяніе пьянство имѣетъ на хозяйственный бытъ крестьянъ, какъ представителей и руководителей мелкой поземельной собственности. Пагубная страсть эта по отношенію къ нимъ имѣетъ послѣдствіемъ не только нравственное и матеріальное разстройство отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ самостоятельныхъ хозяйствъ. Между пьянствомъ крестьянина-хозяина и безземельнаго батрака та же разница, какъ между предающимся пьянству шкиперомъ и простымъ матросомъ. Первому ввѣрено цѣлое судно съ значительнымъ имуществомъ и съ жизнью многихъ себѣ подобныхъ, и отъ трезваго его взгляда нерѣдко зависитъ спасеніе или гибель судна; второй можетъ спокойно выспаться, пока, вмѣстѣ съ угрожавшею опасностью, не пройдетъ его хмѣль.

Нечего и говорить о томъ зловредномъ вліяніи, какое пьянство имѣетъ на семейную

жизнь и на воспитаніе дѣтей. Кто всматривался въ безвыходное положеніе несчастной женщины нашихъ низшихъ сословій, связанной на всю жизнь съ пьяницею-мужемъ, пропивающимъ послѣднюю копѣйку, и оставляющимъ жену свою съ дѣтьми безъ куска хлѣба, въ холодной избѣ, мыкаться съ горемъ и нуждою, тотъ долженъ сознаться, что, можетъ быть, нѣтъ въ мірѣ положенія болѣе безотраднаго и болѣе возбуждающаго сожалѣнія. И какія чувства, какія нравственныя начала могутъ выносить въ жизнь дѣти, воспитанныя въ подобной средѣ порока и нужды?

Но какъ помочь этому горю? Уменьшить число кабаковъ? Но здѣсь мы на первомъ же шагу опять таки сталкиваемся съ финансовымъ вопросомъ: изъ какого источника пополнить тотъ недостатокъ, — по крайней мѣрѣ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, — который вслѣдствіе того произойдетъ въ государственныхъ доходахъ? Мы нисколько не выступаемъ какъ поборники питейнаго дохода въ настоящемъ его видѣ, мы вполнѣ сознаемъ его безнравственность и его экономическую несо-

стоятельность, потому что онъ не только влечетъ за собою уменьшеніе всѣхъ прочихъ источниковъ доходовъ, но и уничтожаетъ народное богатство въ самомъ его источникѣ. Но мы также понимаемъ, что государство должно жить, и что для его существованія необходимы матеріальныя средства, точно также какъ пища и питье всякому тѣлесному организму.

Нераціональное ограниченіе числа кабаковъ можетъ имѣть послѣдствіемъ лишь усиленіе тайной продажи вина и уменьшеніе государственныхъ доходовъ, безъ всякой существенной пользы, и напротивъ того, къ большому вреду населеній. Опытомъ доказано, что въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ воспрещено было учрежденіе питейныхъ заведеній, тайная продажа принимала такіе размѣры, что, вмѣсто одного оффиціальнаго кабака, появлялось десять неоффиціальныхъ, которые уже не подлежали никакому надзору или контролю. Уменьшеніе числа кабаковъ должно быть послѣдствіемъ измѣненія всей нынѣ дѣйствующей акцизной системѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что правительство приступитъ къ пересмотру ея. Разсмотрѣніе основаній подобнаго

преобразованія выходитъ изъ круга той задачи, которую мы предначертали себѣ, и требуетъ спеціальныхъ свѣдѣній, которыми мы не обладаемъ.

Желательно также уменьшеніе праздниковъ, въ особенности деревенскихъ. Во многихъ деревняхъ нашихъ по цѣлымъ недѣлямъ празднуются теперь высокоторжественные дни такихъ святыхъ, имена коихъ вы не встрѣтите ни въ одномъ христіанскомъ календарѣ. Оргіи, которыми сопровождаются подобныя празднества и въ которыхъ нерѣдко принимаютъ участіе женщины и дѣти, часто напоминаютъ, своею дикостію и безнравственностію, времена язычества, или указываютъ на какія-то невѣдомыя еще ереси и секты. И все это происходитъ иногда въ самое горячее для работъ лѣтнее и осеннее время, когда трава гніетъ на сѣнокосѣ или хлѣбъ высыпается на полѣ.

XI.

Самоуправленіе. Свобода стоитъ на перепутіи между анархіею и деспотизмомъ, и, постоянно колеблясь между этими двумя крайностями, никогда не достигаетъ окончательнаго между ними равновѣсія. Этому учитъ насъ исторія, это доказываетъ намъ ежедневный опытъ. Въ жизни и дѣйствительности вся разница, для того или другаго момента исторіи и государственнаго развитія, для той или другой точки земнаго шара и народности, заключается лишь въ большей или меньшей правильности колебаній, въ большемъ или меньшемъ удаленіи отъ точки равновѣсія. По самой силѣ вещей, маятникъ общественной и политической жизни никогда не достигаетъ и не можетъ достигнуть крайнихъ предѣловъ своего движенія, — деспотизма и анархіи: съ одной стороны, при самомъ

страшномъ деспотизмѣ, еще остается нѣкоторый просторъ свободѣ, иначе общество перестало бы жить; съ другой стороны, при самой разрушительной анархіи, все-таки еще въ извѣстныхъ предѣлахъ вліяютъ и сдерживаютъ ее начала законности и порядка,—въ противномъ случаѣ общество пришло бы въ хаотическое состояніе, среди котораго ничего живаго не могло бы существовать.

Этотъ законъ, лежащій въ основаніи органическаго развитія всякаго человѣческаго общества, проявляется и въ нашемъ крестьянскомъ и общественномъ самоуправленіи. Какъ въ мірскихъ крестьянскихъ, такъ и въ земскихъ учрежденіяхъ наша самодѣятельность пока еще весьма неправильно колеблется между деспотизмомъ случайнаго большинства и анархіею самыхъ безпорядочныхъ и противурѣчивыхъ воззрѣній и стремленій, не останавливающихся ни передъ какимъ пріобрѣтеннымъ правомъ, ни передъ чѣмъ, установившимся отъ прежняго времени. Мы вполнѣ увѣрены, что неправильности эти съ теченіемъ времени должны изгладиться; мы сомнѣваемся, что какіе-либо насиль-

ственные толчки извнѣ способствовали достиженію равновѣсія во внутреннемъ органическомъ развитіи нашего общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать того неблагопріятнаго вліянія, какое неправильное дѣйствіе нашего мѣстнаго самоуправленія въ настоящее время имѣетъ на современное экономическое и нравственное развитіе общества; нельзя не страшиться тѣхъ жертвъ, которыя, можетъ быть, еще придется нести впредь до установленія нашего самоуправленія на болѣе прочномъ основаніи.

Оттого-то, не одобряя внѣшнихъ, чисто формальныхъ ограниченій нашего крестьянскаго и земскаго самоуправленія, мы съ другой стороны признаемъ необходимымъ изданіе цѣлаго ряда органическихъ законовъ, которые ограждали бы собственность и личность отдѣльныхъ членовъ общества, какъ отъ деспотизма неразумнаго и случайнаго большинства, такъ и отъ тлетворнаго вліянія кроющихся въ каждой средѣ анархическихъ силъ. Не здѣсь мѣсто исчислить эти мѣры. Это дѣло законодателя и правителя.

Мы въ заключеніе лишь еще выскажемъ,

что, по нашему крайнему разумѣнію, самоуправленіе, основанное на чисто демократическихъ началахъ, въ государствѣ монархическомъ, составляетъ основанную на внутреннемъ противорѣчіи утопію, которая въ будущемъ можетъ повести лишь къ безконечнымъ столкновеніямъ между единоличною правительственною властію и властію большинства, и дать всему развитію нашего общества неправильное направленіе. Лучшіе, наиболѣе развитые умы новѣйшаго времени пришли къ заключенію, что въ старой нашей Европѣ, полной историческихъ преданій, государственный строй коей основанъ на началѣ монархическомъ, мѣстное самоуправленіе только въ такомъ случаѣ можетъ обладать достаточною сдержанностію, послѣдовательностію и самостоятельностью,—этими тремя необходимыми качествами всякаго правильнаго органическаго развитія, — когда оно основано на началѣ аристократическомъ. Только это начало можетъ замѣнить на мѣстѣ, въ тѣсномъ кругу приходскихъ интересовъ, начала власти и порядка, безъ котораго ни одно общество не можетъ существовать, и которое въ государ-

ственной жизни олицетворяется властью верховною. Нужно, чтобы крупныя деревья твердыми корнями своими обхватили и утвердили на мѣстѣ, движимый всякимъ вѣтромъ, песчаный холмъ демократическаго большинства, иначе имъ засыпется и подъ нимъ заглохнетъ всякая растительность. То, что происходитъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Австраліи въ первичный періодъ развитія общественной жизни, не можетъ служить примѣромъ для окончательно установившейся европейской почвы.

---

*

XII.

Поземельный кредитъ. Всякій кредитъ лишь на столько можетъ быть признанъ экономически полезнымъ и соотвѣтствующимъ своей цѣли, на сколько онъ служитъ средствомъ къ дѣйствительному возвышенію экономической дѣятельности общества. Тѣ огромные капиталы, которые, при первоначальномъ учрежденіи у насъ ссудъ подъ залогъ населенныхъ имѣній, съ такою легкостію получались изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій, были большею частію растрачены непроизводительно, по крайней мѣрѣ по отношенію къ сельскому хозяйству; они не пошли на возвышеніе капитальной цѣнности земли, служившей залогомъ, а большею частію на удовлетвореніе разныхъ потребностей роскоши. Если впослѣдствіи проценты на эти ссуды уплачивались довольно

легко, то это происходило отъ необыкновеннаго возвышенія производительности помѣщичьихъ имѣній не вслѣдствіе разумнаго употребленія занятыхъ капиталовъ, а при помощи дароваго крѣпостнаго труда.

При настоящихъ условіяхъ, возвышеніе производительности оставшихся за крестьянскимъ надѣломъ земель, заложенныхъ во вновь учреждаемыхъ поземельныхъ банкахъ, уже будетъ почти единственно зависѣть отъ болѣе или менѣе производительнаго употребленія занятаго капитала. При дарованіи этому капиталу другаго назначенія, землевладѣльцы наши, при срочныхъ уплатахъ процентовъ и капитала, могутъ со временемъ быть поставлены въ весьма затруднительное положеніе, въ особенности если, при совершаемыхъ нашими банками заграничныхъ займахъ, еще принять въ соображеніе возможность пониженія нашего курса. Всякій кредитъ есть мечъ обоюдо-острый. Легкость добыванія его должна соотвѣтствовать возможности и вѣроятности производительнаго его примѣненія, подъ опасеніемъ опаснаго кризиса въ будущемъ.

Но здѣсь опять выступаетъ на первый планъ

уже неоднократно выставленное нами различіе въ экономическихъ условіяхъ черноземной и нечерноземной полосы Россіи. Черноземъ представляетъ самъ по себѣ, независимо отъ вложеннаго въ него капитала, такую цѣнность, такую производительную машину, которая всегда будетъ давать довольно значительную ренту для уплаты процентовъ и погашенія занятаго капитала. Совершенно иное представляютъ намъ нечерноземныя мѣстности. Здѣсь вся производительность земли и возможность уплаты процентовъ и капитала зависитъ именно отъ болѣе или менѣе производительнаго употребленія сего послѣдняго, и чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ зависимость эта увеличивается. Можно положительно сказать, что въ большей части сѣверныхъ губерній, оставшіяся за надѣломъ крестьянъ во владѣніи помѣщиковъ, пустопорожнія земли не имѣютъ сами по себѣ никакой цѣнности, а иногда, при значительныхъ земскихъ и другихъ налогахъ, даже цѣнность отрицательную. Если въ нѣкоторыхъ нечерноземныхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ цѣнность земель еще поддерживается, то или вслѣдствіе растущаго на нихъ лѣса, при нѣкоторомъ удобствѣ

сбыта, или по имѣющимся значительнымъ постройкамъ, или вслѣдствіе какихъ-либо побочныхъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ: принятія казною пустопорожнихъ земель въ залогъ по подрядамъ и поставкамъ и т. п. Подобно тому, какъ наши сѣверныя рѣки, протекая по пустыннымъ мѣстностямъ и изливаясь въ недоступныя для мореходства моря, несмотря на обширность свою и обиліе водъ, лишь въ незначительной степени служатъ проводниками торговли и промышленности въ нашъ суровый сѣверъ; точно также и общій поземельный кредитъ въ нашемъ сѣверномъ климатѣ не оживитъ хлѣбопашества и не вызоветъ сельскихъ промысловъ, если онъ не будетъ направленъ къ настоящей своей цѣли: возвышенію производительности земли. Въ противномъ случаѣ можно предвидѣть, мы повторяемъ это, весьма опасный кризисъ въ будущемъ.

Но производительное употребленіе капитала въ свою очередь зависитъ отъ множества другихъ условій. Первое изъ этихъ условій составляетъ огражденіе права собственности во всѣхъ его видахъ, огражденіе не только отъ насилія и расхищенія со стороны воровъ и разбойниковъ,

но и отъ обложенія земли податями и повинностями, въ размѣрѣ, поглощающемъ значительную часть чистаго дохода. Всякая собственность лишь на столько имѣетъ цѣнность, на сколько она приноситъ чистый доходъ; съ отнятіемъ сего послѣдняго собственность превращается въ фикцію, а собственникъ въ дароваго управителя, на обязанность коего возложено доставленіе доходовъ съ имѣнія въ пользу учрежденія, взимающаго налогъ. Самая капитальная цѣнность земли должна сообразно тому понижаться. Имѣніе въ 50,000 р., приносившее чистаго доходу 4,000 р., будетъ стоить лишь 25,000 р., коль скоро половина доходовъ съ него должна будетъ идти на уплату податей и повинностей. При такихъ условіяхъ и даже при предполагаемой возможности такого порядка вещей въ отдаленномъ будущемъ, всякое употребленіе какого-бы то ни было капитала со стороны собственника на возвышеніе цѣнности земли невѣроятно и немыслимо. Дѣйствительно, какой собственникъ, имѣя несчастіе обладать землею и завѣдывать ею въ пользу другихъ, пожертвуетъ еще своимъ капиталомъ, проценты съ коего онъ опять-таки

долженъ будетъ передавать въ тѣ же руки. Это можетъ случиться развѣ только въ видѣ пожертвованія съ благотворительною цѣлью. Но на пожертвованіяхъ не можетъ основываться никакая промышленность, въ томъ числѣ и сельскохозяйственная.

А между тѣмъ отчужденіе капитала отъ поземельной собственности, въ особенности въ нашихъ сѣверныхъ, чисто искусственныхъ хозяйствахъ, гдѣ земля сама по себѣ имѣетъ еще весьма незначительную цѣнность, влечетъ за собою, въ непродолжительномъ времени, совершенный упадокъ сельскаго хозяйства. Хозяйственныя строенія, не поддерживаемыя постоянными починками и не возобновляемыя, по прошествіи 15 или 20 лѣтъ въ нашемъ сѣверномъ климатѣ оказываются уже ветхими. Столь-же скоро, какъ разрушаются строенія, истощаются у насъ поля при недостаткѣ удобренія и дурной обработкѣ. Кромѣ того, когда капиталъ бѣжитъ отъ земли, когда помѣщичьи хозяйства сокращаются или совершенно закрываются, тогда останавливаются всѣ мѣстные промыслы, и крестьянинъ, который въ против-

номъ случаѣ могъ бы легко заработывать весь свой оброкъ на мѣстѣ, незамѣтно, въ дни, свободные отъ собственныхъ работъ, долженъ отправляться на заработки въ города, иногда за нѣсколько сотъ верстъ, бросивъ на время или навсегда свое собственное хозяйство.

И куда же идутъ теперь эти отчужденные отъ родной земли капиталы, которые, пустивъ въ нее корни и возвысивъ ея цѣнность и производительность, давали бы всѣмъ послѣдующимъ поколѣніямъ окрестнаго населенія пищу, кровъ и возможность уплаты податей и повинностей? Они остаются движимыми, т. е., смотря по большей или меньшей выгодѣ, обращаются на биржѣ, въ видѣ денежныхъ спекуляцій, переводятся за границу или просто тратятся непроизводительно. Изъ твердаго элемента—*земли*—они превращаются въ едва осязаемый и для глазъ невидимый,—въ воздухъ. Можетъ быть крупные собственники еще менѣе страдаютъ отъ подобнаго отчужденія капитала отъ земли. Болѣе всего страдаетъ отъ этого самая земля, ея производительность, и окрестное населеніе, та *меньшая братія*, благоденствія и преуспѣ-

нія коей многіе изъ наишхъ, хотя и передовыхъ, но тѣмъ не менѣе весьма близорукихъ дѣятелей, желаютъ достигнуть ложнымъ путемъ угнетенія и подавленія крупной собственности.

Другое существенное условіе для производительнаго примѣненія къ хлѣбопашеству капиталовъ заключается въ существованіи въ достаточномъ количествѣ и надлежащаго качества рабочей силы. Капиталъ представляетъ собою безжизненное орудіе, которое должно быть направлено къ цѣли живою силою—работникомъ. Тамъ, гдѣ сила эта дѣйствуетъ съ недостаточною энергіею, неправильно, непослѣдовательно, недобросовѣстно, гдѣ она уклоняется отъ дѣйствія въ то время, когда она болѣе всего необходима,—тамъ затрачивать капиталъ на усовершенствованіе земледѣлія тоже, что бросать сѣмена на почву, совершенно безплодную. Къ сожалѣнію, во многихъ мѣстностяхъ причиною печальнаго положенія помѣщичьяго хозяйства слѣдуетъ считать, главнѣйшимъ образомъ, именно дороговизну и недобросовѣстность вольнонаемнаго труда, требующаго такого тщательнаго надзора и причиняющаго тѣмъ не менѣе во

всѣхъ возможныхъ видахъ такіе убытки хозяину, что ему, за всѣми расходами на управленіе, наемъ рабочихъ, содержаніе и покупку земледѣльческихъ машинъ и скота, не только не остается никакого чистаго дохода, но за всѣ хлопоты, непріятности и труды приходится еще приплачивать собственныхъ денегъ.

Неисполненіе рабочими своихъ обязательствъ въ самое горячее для полевыхъ работъ время, уходъ рабочихъ отъ хозяевъ послѣ полученія значительныхъ задатковъ, грубость, безпечность и пьянство, недостаточность карательныхъ мѣръ для устраненія всѣхъ сихъ уклоненій и отдаленность всякой ограждающей полицейской и судебной власти, вотъ тѣ недуги, коими страдаетъ сельское хозяйство въ нашихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и которые еще долго могутъ задерживать его развитіе. Разумно составленный, примѣненный къ нашимъ экономическимъ и климатическимъ потребностямъ и къ народному духу сельскій уставъ, и строгое исполненіе такого устава,—вотъ единственное средство для исцѣленія этихъ недуговъ.

XIII.

Сельско-хозяйственныя машины и желѣзныя дороги. Машины и желѣзныя дороги — эти могучіе двигатели новѣйшей промышленности—получили въ послѣднее время и у насъ болѣе широкое примѣненіе къ сельскому хозяйству; но недостатокъ капиталовъ и техническихъ познаній еще долго будетъ служить препятствіемъ ко введенію въ нашемъ сельскохозяйственномъ производствѣ машинъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ коихъ онѣ примѣняются теперь за границею. Многими хозяевами покупка машинъ пока еще производится не на основаніи зрѣлаго экономическаго разсчета, а вслѣдствіе требованія моды, по увлеченію.

Но какъ бы то ни было, въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ прочемъ, касающемся нашего сельскаго хозяйства, слѣдуетъ провести яркую

черту между черноземною и нечерноземною полосою Россіи.

По отношенію къ примѣненію сельско-хозяйственныхъ машинъ къ хлѣбопашеству, югъ Россіи имѣетъ передъ собою блестящую будущность. На обширныхъ черноземныхъ поляхъ, неусѣянныхъ, подобно сѣвернымъ нашимъ пашнямъ, безчисленными камнями и валунами, есть просторъ не только для привольной русской пѣсни, но и для англійскаго пароваго плуга и для разныхъ сѣнокосилокъ и жатвенныхъ машинъ. Тамъ, гдѣ въ одномъ полѣ засѣвается по нѣскольку сотъ, а иногда и по нѣскольку тысячъ десятинъ, гдѣ нечего опасаться, что машина разобьется или попортится, наткнувшись на какой нибудь, лежащій на поверхности земли или, что еще хуже, скрытый подъ землею, валунъ, тамъ затрата капитала на подобнаго рода орудія, замѣняющія собою сотни, иногда тысячи рукъ, и въ нѣсколько дней производящія совершенно правильно и отчетливо работу, на которую требовались прежде недѣли и мѣсяцы, тамъ такая затрата можетъ представить неисчислимыя выгоды. То же слѣдуетъ сказать и о

молотильныхъ машинахъ, въ особенности движимыхъ помощію пара. Тамъ, гдѣ молотьба производится сыромолотомъ на самомъ полѣ, паровая молотилка не только сокращаетъ издержки производства, но дозволяетъ окончить въ самомъ непродолжительномъ времени, до наступленія осеннихъ проливныхъ дождей и зимнихъ мятелей, работу, которая въ противномъ случаѣ должна была бы производиться при несравненно менѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Совершенно иное представляетъ намъ хозяйство на сѣверѣ. Тамъ размѣръ посѣва находится въ полной зависимости отъ количества содержимаго скота, и потому запашка, даже въ нѣсколько десятковъ десятинъ въ полѣ, считается уже значительною. Вслѣдствіе одного изъ міровыхъ геологическихъ переворотовъ, пронесшихся въ доисторическія времена надъ нашимъ сѣвернымъ полушаріемъ, весь сѣверъ Россіи покрылся безчисленнымъ множествомъ большихъ и мелкихъ камней, называемыхъ булыжникомъ и валунами, мѣстами покрывающими землю, мѣстами скрытыми въ подпочвѣ. Для

освобожденія пашни отъ этихъ камней требуется мѣстами затрата значительнаго капитала и огромной рабочей силы, весьма рѣдко окупающихся. Эти-то камни дѣлаютъ не только примѣненіе болѣе сложныхъ и дорогихъ машинъ, какъ-то паровыхъ плуговъ, сѣнокосилокъ и жатвенныхъ машинъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже простаго плуга невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ порчи и ломки нѣтъ на мѣстѣ достаточно искусныхъ мастеровъ для починки поврежденій.

Уже ограниченность самаго посѣва, даже при отсутствіи этихъ неблагопріятныхъ условій, должна имѣть послѣдствіемъ то, что болѣе дорогія машины въ искусственномъ сѣверномъ хозяйствѣ не окупаются. Теперь на опытѣ дознано, что при молотьбѣ въ ригахъ по предварительной просушкѣ хлѣба, даже молотильная машина не можетъ имѣть на сѣверѣ другаго значенія, какъ развѣ только сокращеніе въ нѣкоторой степени количества необходимыхъ для молотьбы рабочихъ рукъ и замѣну ихъ лошадьми, если машина конная, или паромъ, если она паровая. Но во время молотьбы, т. е.

осенью и зимою, на сѣверѣ никогда не бываетъ недостатка въ рабочей силѣ и при томъ весьма дешевой. Содержаніе лошадей, а тѣмъ болѣе паровой машины, обходится несравненно дороже. Хотя самая работа при машинной молотьбѣ и сокращается нѣсколько для каждой отдѣльной риги, но въ общей сложности періодъ молотьбы остается тотъ же потому, что предварительная сушка хлѣба требуетъ одинаково продолжительнаго времени, какъ при ручной, такъ и при машинной молотьбѣ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, въ тѣхъ имѣніяхъ, сѣверной нашей полосы, въ которыхъ, при существовавшемъ у насъ одно время общемъ увлеченіи, куплены были машины, онѣ большею частію размѣщены теперь по сараямъ, а гдѣ еще находятся въ употребленіи, то работаютъ болѣе для вида, чѣмъ изъ экономическаго разсчета. Это своего рода сельскохозяйственный дутый прогрессъ, — либеральничаніе, но на этотъ разъ, къ счастію, не изъ чужаго, а изъ собственнаго кармана. Такъ одна богатая помѣщица, въ пылу увлеченія, покупала усовершенствованныя сельскохозяйственныя машины

одну за другою, и при торжественномъ осмотрѣ вновь появлявшейся машины въ присутствіи всѣхъ своихъ людей и рабочихъ каждый разъ во всеуслышаніе обяъвляла „c'est très bon“.— Этихъ требоновъ, по выраженію рабочихъ, у нея перебывало несчетное количество, и всѣ они, по истеченіи нѣкотораго времени, въ самомъ жалкомъ видѣ устанавливались въ особые сараи. Такимъ образомъ, послѣ совершенно непроизводительнаго употребленія значительнаго капитала на покупку машинъ, этой помѣщицѣ приходилось еще израсходовать значительныя суммы на возведеніе новыхъ строеній для храненія своихъ переломанныхъ, никуда не годныхъ „требоновъ“.

Но какъ бы то ни было, въ общемъ итогѣ нельзя не придти къ тому заключенію, что именно въ той полосѣ Россіи, гдѣ, по уничтоженіи обязательнаго труда, замѣна его машинами представляется наиболѣе необходимою, производительное примѣненіе сихъ послѣднихъ сопряжено почти съ непреодолимыми затрудненіями.

Самымъ могущественнымъ орудіемъ, самою

производительною машиною, изобрѣтенною новѣйшею цивилизаціею, слѣдуетъ признать желѣзную дорогу съ паровымъ двигателемъ. Но и эта машина имѣетъ для сѣвера и юга нашего отечества совершенно иное значеніе.

Пролегающія по сѣвернымъ губерніямъ николаевская, нижегородская и варшавская желѣзныя дороги служатъ болѣе соединительными звеньями находящихся на ихъ оконечностяхъ торговыхъ, промышленныхъ и политическихъ центровъ, чѣмъ средствами для сбыта произведеній промежуточныхъ мѣстностей. На продолженіи всего своего пути, дороги эти пролегаютъ, большею частію, по мѣстностямъ пустыннымъ и необработаннымъ, соприкасаясь лишь изрѣдка къ мѣстамъ населеннымъ и обработаннымъ. Къ нѣкоторымъ станціямъ варшавской и николаевской желѣзной дороги до сего времени не проведены дороги, и около самыхъ станцій не замѣтно никакого промышленнаго и торговаго движенія.

На югѣ, напротивъ, желѣзныя дороги имѣютъ и современемъ еще болѣе будутъ имѣть значеніе живыхъ артерій, оплодотворяющихъ всю про-

*

ходимую ими мѣстность. Оконечности южныхъ желѣзныхъ дорогъ будутъ служить точками исхода и сбыта для богатствъ, вырабатываемыхъ по всему протяженію линій, не истощая при томъ промежуточныхъ мѣстностей. На сѣверѣ желѣзныя дороги, какъ болѣе легкое и дешевое средство передвиженія, уже теперь отвлекаютъ населеніе въ мѣстности, представляющія болѣе благопріятныя условія по климату, почвѣ или въ другихъ отношеніяхъ. При большемъ развитіи нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ и при дарованіи населенію болѣе свободы къ переселенію, сѣверъ Россіи мало по малу долженъ обезлюдить на счетъ юга по тому непреложному закону природы, на основаніи котораго всякая сила стремится туда, гдѣ представляется наиболѣе благопріятныхъ условій для ея дѣйствія и развитія. Это движеніе замѣтно уже теперь и будетъ усиливаться съ каждымъ годомъ. Такъ сельское населеніе въ Петербургской и нѣкоторыхъ другихъ сѣверныхъ губерніяхъ положительно и очень быстро уменьшается.

Оффиціальныя статистическія свѣдѣнія о движеніи народонаселенія собственно въ уѣз-

дахъ С.-Петербургской губерніи, не считая столицы и другихъ городовъ, даютъ за послѣднее время такія противорѣчивыя данныя, что сдѣлать изъ нихъ положительнаго общаго вывода невозможно. Такъ напримѣръ 1864 годъ представляетъ уменьшеніе народонаселенія на 18,150 жит. об. пола, 1865 г. увеличеніе на 9,409, 1866 г. опять уменьшеніе на 7099, и наконецъ, 1867 увеличеніе на 3,012. Лучше обратимся къ частнымъ примѣрамъ и къ тѣмъ личнымъ наблюденіямъ, которыя нами сдѣланы въ Петергофскомъ уѣздѣ.

По свѣдѣніямъ за трехлѣтіе съ 1862—1864 собственно въ Петергофскомъ уѣздѣ, не считая городовъ, состояло: мужескаго пола 24,380, женскаго пола 23,935,—итого 48,315; по свѣдѣніямъ же за 1864 годъ, жителей собственно въ уѣздѣ было мужескаго пола 23,495, женск. пола 23,348,—итого 46,843, изъ чего слѣдуетъ заключить, что сельское населеніе этого уѣзда, въ теченіи не болѣе двухъ лѣтъ, уменьшилось на 1,472 человѣка.

Постоянное уменьшеніе сельскаго населенія Петергофскаго уѣзда еще болѣе видно изъ слѣ-

дующихъ частныхъ примѣровъ: въ имѣніяхъ Губаницахъ, Кикерино и Кемполово 30 лѣтъ тому назадъ было 420 ревизскихъ душъ, изъ коихъ въ настоящее время осталось только 317. Въ имѣніи Копорье по предпослѣдней ревизіи числилось до 2,000 душъ, а по послѣдней, т. е. по прошествіи 10 лѣтъ, 1659 душъ.

Многія деревни, существовавшія еще лѣтъ 50 тому назадъ, совершенно исчезли, и имена ихъ носятъ теперь выросшія на мѣстѣ прежнихъ пашень лѣсныя дачи. Населеніе нѣкоторыхъ лютеранскихъ приходовъ въ послѣдніе 50 лѣтъ уменьшилось вдвое и даже втрое.

Изыскивая причины этого печальнаго явленія, мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Значительная часть сельскаго населенія уѣзда (17,117 душъ) принадлежитъ къ финскому племени, въ отношеніи котораго замѣчается наибольшее уменьшеніе. Уменьшеніе это нельзя приписать постепенному поглощенію финскаго элемента русскимъ посредствомъ смѣшанныхъ браковъ. Браки эти довольно рѣдки, въ особенности тамъ, гдѣ финны составляютъ одно сплошное населеніе. Постепенное исчезновеніе

финскаго племени, при соприкосновеніи его съ славянскимъ, составляетъ общій историческій фактъ, обусловливаемый чрезвычайно сложными общественно-физіологическими причинами и личными свойствами обоихъ племенъ. Но есть другія причины уменьшенія сельскаго населенія Петергофскаго уѣзда, общія какъ финнамъ, такъ и русскимъ, это:

2) Близость столицы, поглощающей лучшія матеріальныя и нравственныя силы уѣзда, а въ замѣнъ того снабжающей уѣздъ, во всѣхъ возможныхъ видахъ, тѣми физическими и нравственными недугами, коими изобилуютъ всѣ большіе города. Чѣмъ ниже уровень развитія и образованія окружающей среды, тѣмъ сильнѣе неблагопріятное вліяніе на нее подобныхъ центровъ. Результаты доказываютъ, что наше сельское населеніе въ этомъ отношеніи не представляетъ достаточнаго противодѣйствія внѣшнему неблагопріятному вліянію.

3) Чрезмѣрно тяжелый воинскій постой, какъ въ зимнее время (часть гвардейскихъ войскъ, морскіе экипажи), такъ и въ особенности во время лагеря и маневровъ, разстрои-

вающій семейную жизнь крестьянина и неблагопріятно дѣйствующій на нравственность.

4) Частые рекрутскіе наборы.

5) Занятіе женщинъ вскорѣ послѣ родовъ полевыми работами, отвлекающими ихъ отъ кормленія и ухода за младенцами на столь продолжительное время, что ребенокъ остается совершенно безъ пищи, при чемъ молоко матери замѣняется различными несовершенными средствами питанія.

6) Вообще дурной уходъ за дѣтьми и въ послѣдующемъ возрастѣ, слѣдствіемъ чего бываетъ несоразмѣрно большая смертность между дѣтьми.

7) Наконецъ, пріемъ по деревнямъ на кормленіе и воспитаніе дѣтей воспитательнаго дома, съ которыми заносятся въ крестьянскія семьи разныя болѣзни и для коихъ крестьянки пренебрегаютъ собственными дѣтьми, умирающими отъ недостатка пищи и ухода. Такъ называемые воспитанники и воспитанницы, живущіе по деревнямъ, не принадлежащіе къ крестьянскимъ обществамъ, приписанные большею частію мѣщанами въ столицѣ, Кронштадтѣ, Пе-

тергофѣ или другихъ городахъ, составляютъ особый классъ пролетаріевъ, для воспитанія коихъ гибнетъ коренное осѣдлое населеніе.

Причины этого уменьшенія для расположеннаго вблизи столицы смѣшаннаго населенія Петергофскаго уѣзда, какъ видно, весьма сложны. Но если ко всѣмъ этимъ причинамъ современемъ присоединятся еще другія, какъ напримѣръ, переложеніе всѣхъ податей и повинностей на землю, и уничтоженіе всякой связи между отдѣльными членами и общиною, и между общиною и землею, то, при легкости и удобствѣ перемѣщенія, представляемыхъ желѣзными дорогами, слѣдуетъ опасаться, что уменьшеніе сельскаго населенія въ нашемъ суровомъ сѣверѣ приметъ размѣры, могущіе повести къ значительному экономическому потрясенію.

Но скажутъ: пусть процвѣтаетъ и богатѣетъ югъ, онъ прокормитъ и выручитъ сѣверъ. Говорящіе такъ забываютъ однакоже, что сѣверная нечерноземная полоса составляетъ половину Россіи, и что сѣверъ, живя на счетъ юга, можетъ истощить и его силы и богатства.

Мы не совѣтуемъ остановиться постройкою

желѣзныхъ дорогъ, мы не требуемъ безусловнаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Вовсе нѣтъ. Мы заявляемъ только фактъ; мы указываемъ на законъ, по которому, при извѣстныхъ условіяхъ, должна дѣйствовать сила. Стремленіе этой силы, какъ совершенно естественно, не можетъ и не должно быть остановлено. Но съ другой стороны самое ея дѣйствіе не должно быть усилено еще разными искусственными средствами, могущими, при совокупномъ вліяніи своемъ, привести къ потрясеніямъ и разрушенію тамъ, гдѣ, при естественномъ ходѣ вещей, слѣдуетъ ожидать только постепенность органическаго развитія.

XIV.

Училища. Но, говорятъ, если даже согласиться въ томъ, что сельское хозяйство находится въ настоящее время у насъ въ упадкѣ, и что крестьянинъ нашъ собственными силами не можетъ выйти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ поставленъ вновь сложившимися условіями его существованія, тѣмъ не менѣе нужно же оказать ему помощь для выхода изъ этого положенія. Безпомощность нашего крестьянина не проистекаетъ отъ собственной его вины, это — результатъ всего историческаго развитія русскаго государства и общества, это плодъ вѣковаго угнетенія и рабства. На государствѣ и обществѣ, узаконявшихъ или по крайней мѣрѣ терпѣвшихъ такое угнетеніе, лежитъ священная обязанность вывести тѣмъ или другимъ путемъ русскаго крестьянина изъ

того нравственнаго болота, въ которомъ онъ завязъ, на твердую дорогу матеріальной самодѣятельности и нравственнаго самосознанія,— изъ тьмы невѣжества къ благому свѣту. Если верховная власть нашла возможнымъ обезпечить и улучшить бытъ крестьянъ въ матеріальномъ отношеніи, надѣливъ ихъ усадьбами и землею, то этимъ исполнена лишь половина задачи. Другая половина заключается въ снабженіи русскаго крестьянина тѣмъ нравственнымъ и умственнымъ капиталомъ, безъ котораго человѣкъ не можетъ быть признанъ существомъ разумно свободнымъ. Только посредствомъ распространенія грамотности, только учрежденіемъ народныхъ школъ, доступныхъ всѣмъ и каждому, возможно поднять нравственный и умственный уровень народной массы.

Но спрашивается: возможно ли въ короткое время поднять установившійся вѣками духовный уровень народной массы 70-милліоннаго населенія! Тѣ, кто такъ легко произноситъ эти слова, вникаютъ ли они во всю громадность этой задачи? Русская земля — по обширности своей и количеству населенія,—цѣлый міръ, и

этотъ-то міръ современные Архимеды берутся разомъ приподнять въ нравственномъ и умственномъ отношеніи при помощи одного могучаго рычага—грамотности. Но гдѣ же твердая точка опоры? Иванъ можетъ въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи упираться на Петра, а Петръ на Семена, но на кого будутъ упираться всѣ 70 милліоновъ?

Дѣло въ томъ, что поднятіе матеріальнаго, нравственнаго и умственнаго уровня такой народной массы, каковы всѣ вошедшія въ составъ русскаго государства племена, можетъ совершиться не вдругъ, не годами и десятилѣтьями, а постепенно, вѣками, и не механически, а органически, постояннымъ, послѣдовательнымъ взаимодѣйствіемъ всѣхъ членовъ общества другъ на друга и одного поколѣнія на другое. Уровень, на которомъ въ настоящее время стоитъ русскій народъ, есть результатъ его историческаго развитія. Обвинять тотъ или другой періодъ исторіи, то или другое сословіе, правительство или общество въ доведеніи народа до этого положенія, совершенно безцѣльно и безплодно и ведетъ лишь къ возбужденію ненависти и

страстей въ то время, когда нужно приниматься за работу всѣмъ дружно, безъ злобы, безъ укоровъ. Къ намъ перешла отъ прежнихъ поколѣній тяжелая ноша, уже „взвѣшанная судьбою“. Намъ остается, принявъ ее, отдать себѣ ясный, совершенно безпристрастный отчетъ въ нашихъ силахъ и средствахъ для того, чтобы вынести ее на плечахъ своихъ.

Выше уже нами доказано, что обогатить народъ, улучшить его бытъ, обезпечить его матеріальное существованіе помимо собственныхъ его стремленій и усилій, составляетъ неосуществимую химеру. Эта истина еще въ большей степени примѣнима къ умственному и нравственному развитію народа—къ стяжанію умственныхъ и нравственныхъ богатствъ.

Къ обезпеченію себя въ матеріальномъ отношеніи всякаго, даже неразвитаго человѣка по крайней мѣрѣ побуждаютъ непосредственныя и насущныя жизненныя потребности; — человѣкъ умственно и нравственно неразвитый, напротивъ того, не побуждается къ духовной дѣятельности никакими нравственными потребностями. Потребности эти пробуждаются въ человѣкѣ лишь

постепенно, по мѣрѣ самаго умственнаго и нравственнаго развитія. Оттого-то надежда, даже съ значительными матеріальными пожертвованіями, въ короткое время поднять уровень нравственыхъ и умственныхъ силъ народа составляетъ еще менѣе осуществимую химеру, чѣмъ матеріальное обогащеніе народа, помимо собственныхъ его усилій, при помощи разныхъ законодательныхъ мѣръ.

Сознавая всю важность распространенія въ народѣ грамотности, признавая не только необходимымъ, но и съ общечеловѣческой точки зрѣнія вполнѣ справедливымъ, открытіе всѣмъ и каждому доступа къ свѣту и сознанію, нельзя однакоже не замѣтить, что одной грамотности, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, недостаточно даже для постепеннаго поднятія умственнаго и нравственнаго уровня народа. Грамотность составляетъ лишь средство къ дальнѣйшему развитію. Это лишь орудіе, посредствомъ коего при извѣстныхъ условіяхъ можетъ проникнуть въ человѣка извнѣ свѣтъ религіи, нравственности и науки, посредствомъ коего могутъ быть вызваны въ немъ такія нравственныя и умствен-

ныя силы, которыя безъ того никогда не пробуждались-бы къ дѣятельности. Но дать цѣлому народу высшее или даже среднее образованіе, невозможно. Народное образованіе, въ обширномъ его смыслѣ, зависитъ отъ цѣлой совокупности условій, вытекающихъ изъ всего строя общественной жизни.

То первоначальное воспитаніе, которое каждый получаетъ въ кругу своего семейства, составляетъ основу всякаго народнаго образованія. Бесѣды родителей, внушенія матери, примѣръ старшихъ, общество товарищей, вотъ что оставляетъ неизгладимые слѣды на неразвитомъ еще дѣтскомъ сердцѣ и юномъ умѣ и опредѣляетъ будущее его развитіе. Замѣнить семейный кругъ и семейный очагъ чѣмъ нибудь другимъ, это болѣе чѣмъ невыполнимо — это противуестественно. То гнѣздо, въ которомъ должны выйти и окрѣпнуть рождающіяся на свѣтъ Божій человѣческія существа, можетъ быть свито только матерью и отцомъ. Кто поставляетъ себѣ задачею отыскивать другія средства для того, чтобы замѣнить въ семъ отношеніи самую природу, похожъ на того

четвероногаго, которое въ баснѣ посвятило себя изученію государственной науки:—„вить гнѣзда“.

Итакъ нравственный и умственный строй семьи — вотъ первое условіе нравственнаго и умственнаго образованія народа. Но и внѣ семьи, въ самомъ обществѣ, есть еще начала и условія, отъ которыхъ зависитъ нравственное и матеріальное развитіе народныхъ массъ. Это вопервыхъ: правильный и честный трудъ, основанный на полезной дѣятельности, а не наживаніи на счетъ ближняго. Вовторыхъ: непосредственное личное вліяніе людей болѣе нравственныхъ и болѣе образованныхъ на окружающую среду; и втретьихъ: справедливая судебная власть, защищающая слабаго и невиннаго, и карающая преступника.

Непосредственному вліянію высшихъ, болѣе образованныхъ классовъ общества на низшіе въ нашемъ сельскомъ быту препятствуетъ недостатокъ средняго класса, въ особенности среднихъ поземельныхъ собственниковъ, которые служили-бы связью между крупными собственниками и нашими крестьянами-общинниками. Этотъ недостатокъ неблагопріятно дѣйствуетъ

не только въ общественныхъ отношеніяхъ сословій между собою, но и по отношенію къ развитію сельскаго хозяйства и промышленности; онъ можетъ быть пополненъ лишь постепенно, и первымъ шагомъ къ тому представляется выдѣленіе изъ среды самихъ крестьянъ - общинниковъ личныхъ собственниковъ средней руки. Поселеніе возвращающихся на родину безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, не членами общины, а въ видѣ личныхъ землевладѣльцевъ, могло бы тоже служить средствомъ къ достиженію этой цѣли и къ разрѣшенію той противоположности, которую представляетъ теперь въ нашемъ земскомъ быту единоличный крупный владѣлецъ съ своимъ пустомѣстнымъ хозяйствомъ, живущій бокъ о бокъ со скученными въ крестьянскомъ надѣлѣ мелкопомѣстными общинниками.

Честный и разумный трудъ, составляя единственное средство къ достиженію народными массами матеріальнаго благосостоянія, въ то же время представляетъ собою школу, въ которой каждый членъ общества учится ежедневно и ежечасно, въ продолженіи всей своей жизни.

Когда извѣстнаго практическаго мудреца Франклина спросили однажды, какимъ путемъ скорѣе и лучше всего достигнуть счастія и богатства, онъ отвѣчалъ своимъ согражданамъ: „если кто будетъ увѣрять васъ, что можно быть счастливымъ и богатымъ безъ труда, труда постояннаго, неусыпнаго, не вѣрьте тому, — это отравитель“.

Вліяніе на нравственное и матеріальное развитіе народа судебной власти не менѣе важно и всеобъемлюще. Нужно надѣяться, что новыя судебныя учрежденія вполнѣ проникнутся тою великою задачею, которая возложена на нихъ обществомъ и Верховною властію.

Только при содѣйствіи всѣхъ сихъ началъ возможно дѣйствительное возвышеніе умственнаго и нравственнаго уровня народа. Одно не можетъ быть вполнѣ замѣнено другимъ. Каждое изъ нихъ выполняетъ ту задачу, которая предначертана ей въ экономіи человѣческаго общества самою природою вещей, естественнымъ ходомъ органическаго его развитія.

Къ спеціальнымъ сельскохозяйственнымъ училищамъ слѣдуетъ еще въ усиленной степени

*

примѣнить все, что нами сказано относительно народныхъ училищъ вообще. Они еще менѣе могутъ служить основаніемъ народнаго образованія въ обширномъ смыслѣ этого слова, даже если принять въ соображеніе одну техническую его сторону по части сельскаго хозяйства. Не только хорошихъ работниковъ, но едва ли и порядочныхъ управителей для имѣній средней руки, возможно подготовлять въ подобныхъ училищахъ. Въ Пруссіи и Англіи молодые люди, желающіе изучать сельское хозяйство, отправляются въ то или другое имѣніе, къ родственнику или знакомому, и, помогая имъ завѣдывать имѣніемъ, научаются практическому хозяйству, пріобрѣтая притомъ и нѣкоторыя теоретическія свѣдѣнія.

Изъ этихъ-то частныхъ имѣній, пріобрѣвшихъ извѣстность, возникли за границею лучшія сельскохозяйственныя училища и даже академіи. У насъ, напротивъ того, сельскохозяйственныя училища, будучи основаны на началахъ теоретическихъ и чисто научныхъ, еще страдаютъ отсутствіемъ всякаго практическаго значенія для нашего сельскаго хозяйства.

Намъ случилось какъ-то разъ осматривать одну ферму съ училищемъ, въ окрестностяхъ столицы. Когда мы прибыли туда, то,—вѣроятно по случаю обѣденнаго времени, — все тамъ спало мертвымъ сномъ. Послѣ довольно продолжительныхъ поисковъ живаго и притомъ неспящаго существа, намъ наконецъ удалось открыть подъ скамьею въ избѣ молодаго парня, подававшаго нѣкоторые признаки движенія. Между нами завязался слѣдующій разговоръ:

— Можно видѣть ферму?

— Чаго?

— Я спрашиваю, дозволено ли мнѣ будетъ посмотрѣть на образцовое устройство вашей фермы?

— А на что вамъ?

— Я—сельскій хозяинъ,—хочу поучиться.

— Да что, ничего особаго нѣтъ, все какъ ни есть и въ другихъ, то есть, мѣстахъ также.

— А ты откуда?

— Изъ Саратовской губерніи.

— Какъ-же ты попалъ сюда?

— А начальство дало приказъ, прислать двухъ парней, для совершенствованія, т. е. въ

Питеръ, въ сельскомъ хозяйствѣ; меня и выбрали, — съ другимъ — Митькой.

— А изъ какихъ еще губерній есть у васъ воспитанники?

— Изъ Черниговской, есть и изъ Симбирской.

Итакъ изъ южныхъ черноземныхъ губерній присланы были, по распоряженію начальства, крестьянскіе мальчики для изученія искусственнаго удобренія полей въ окрестностяхъ столицы. Вѣроятно, когда по возвращеніи домой, эти молодцы осмѣлились утверждать въ кругу своихъ односельцевъ, что поле нужно удабривать, — старики на первой же сходкѣ задали имъ — за глупость и вранье — порядочную потасовку. Радикально излеченные такимъ образомъ отъ всякихъ поползновеній къ прогрессу, наши молодые хозяева, получившіе спеціальное сельскохозяйственное образованіе въ образцовой фермѣ, преспокойно принялись пахать и сѣять по отцовски и по дѣдовски.

Въ заключеніе выразимъ лишь еще желаніе, чтобы у насъ учреждалось какъ можно болѣе народныхъ и спеціальныхъ училищъ, и чтобы

потокъ благаго просвѣщенія въ возможно менѣе продолжительное время обнялъ собою всю обширную русскую землю; но какъ для распространенія просвѣщенія необходимы матеріальныя средства, то прежде всего слѣдуетъ желать, чтобы народъ сдѣлался трудолюбивѣе, бережливѣе, сдержаннѣе и богаче.

XV.

Мы такимъ образомъ перечислили главнѣйшія изъ тѣхъ средствъ, примѣненіе коихъ предлагается людьми различныхъ убѣжденій и партій въ надеждѣ на выходъ, при помощи ихъ, изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ въ настоящее время находится наше сельское хозяйство. Положеніе это теперь ясно или смутно сознается почти всѣми, и если многіе еще не рѣшаются высказывать это прямо, или даже отрицаютъ явно бросающіеся всѣмъ и каждому въ глаза факты, то это происходитъ или вслѣдствіе ложнаго стыда сознаться въ прежнемъ ошибочномъ воззрѣніи, или вслѣдствіе какого-то, еще не совсѣмъ испарившагося, ребяческаго увлеченія, или наконецъ потому, что „все состоитъ благополучно“, считается въ настоящее время лозунгомъ особой партіи, хватающейся

за это стереотипное выраженіе, какъ за послѣдній якорь спасенія, съ тѣмъ же упорствомъ, съ которымъ какой нибудь безпаспортный и бездомный Сенька на всѣ вопросы слѣдователя отвѣчаетъ: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“.

Такимъ-то образомъ измѣняются положенія, извращаются роли. Какое гоненіе, во-время-оно, поднято было одною частію нашей печати на всѣ оффиціальные губернаторскіе и министерскіе отчеты за то, что по нимъ все значилось въ отличномъ устройствѣ и полномъ порядкѣ, тогда какъ въ дѣйствительности, по увѣренію знатоковъ русской земли, все было скверно. Въ настоящее время иныя страницы тѣхъ же газетъ могли бы быть включены въ любой оффиціальный отчетъ исправнѣйшаго начальника самой благоустроенной изъ нашихъ губерній.

Но какъ-бы то ни было, всѣ предлагаемыя выше мѣры имѣютъ одинъ общій между собою характеръ. Примѣненіе ихъ вопервыхъ зависитъ отъ множества условій, которыя предполагаются существующими, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ не только нѣтъ, но напроивъ того, въ ней дѣйствуютъ силы и начала,

идущія на перекоръ подобнымъ разсчетамъ и предположеніямъ. Такъ нерѣдко и въ природѣ одаренное тяжестію тѣло, долженствующее по законамъ притяженія стремиться къ центру земли, нерѣдко побочными силами направляется въ сторону или удаляется отъ земли по направленію противоположному тому, котораго слѣдовало ожидать. Вслѣдствіе такихъ-то побочныхъ причинъ, и въ человѣческомъ обществѣ, самомъ сложномъ изъ всѣхъ существующихъ въ природѣ организмовъ, представляющемъ собою самое многообразное сочетаніе физическихъ и нравственныхъ силъ, множество предначертаній и предположеній, повидимому вѣрныхъ въ теоріи, на практикѣ не осуществляются или даже нерѣдко даютъ результаты, діаметрально противуположные.

Для примѣра возьмемъ одно изъ исчисленныхъ нами средствъ, именно предполагаемое пониженіе податей и повинностей. Если бы, вслѣдствіе сего пониженія, энергія труда и благосостояніе крестьянскаго населенія немедленно возвысились въ такой степени, что непосредственнымъ послѣдствіемъ этой мѣры было бы

не только возвышеніе матеріальнаго уровня крестьянства, но и увеличеніе государственнаго дохода въ другихъ его видахъ, то подобную мѣру, безъ сомнѣнія, слѣдовало-бы предпочитать всѣмъ прочимъ. Но къ сожалѣнію, опытъ доказываетъ, что облегченіе въ податяхъ и повинностяхъ для нашего крестьянина, работающаго пока еще преимущественно лишь вслѣдствіе внѣшнихъ побужденій и имѣющаго самъ по себѣ весьма мало потребностей, непосредственно влечетъ за собою упадокъ энергіи труда. Съ этимъ упадкомъ неминуемо рука объ руку пойдутъ праздность, усиленное пьянство и еще большая нравственная распущенность; государственные доходы уменьшатся безъ всякой пользы и скорѣе во вредъ тѣмъ, кому хотѣли оказать помощь. Всякое облегченіе въ трудѣ должно быть результатомъ усилій самого трудящагося, иначе изсякнетъ самый источникъ всякаго народнаго труда и богатства—самодѣятельность, забота каждаго о самомъ себѣ.

Вторая общая характеристическая черта предполагаемыхъ мѣръ заключается въ томъ, что дѣйствіе ихъ можетъ быть ощутительно

лишь постепенно, по истеченіи довольно значительнаго времени. Но настоящее положеніе таково, что необходимо помочь немедленно и непосредственно. Такъ развитіе самоуправленія, распространеніе образованія и т. п. могутъ принести прекрасные плоды въ будущемъ, но общество живетъ не только будущимъ, но и настоящимъ, и весь вопросъ заключается въ изысканіи способовъ къ выходу изъ настоящаго затруднительнаго положенія. Положеніе это сдѣлалось почти нестерпимымъ и еще день ото дня ухудшается. За голодомъ текущаго года предвидится въ сѣверной нечерноземной полосѣ еще цѣлый рядъ голодныхъ годовъ въ будущемъ. Поля истощаются, скотъ погибаетъ, запасовъ хлѣба, сѣмянъ и корма не существуетъ. Мѣры, самыя энергическія, должны быть приняты для спасенія народа отъ его собственной распущенности, для упроченія и спасенія тѣхъ самыхъ преобразованій и учрежденій, о которыхъ говорятъ такъ много. Иначе все разлетится въ дымъ, но не въ тотъ, о которомъ сказалъ поэтъ

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ,

а въ Тургеневскій дымъ, въ тотъ дымъ, который теперь уже съѣдаетъ намъ глаза и застилаетъ отъ насъ печальную дѣйствительность.

Есть впрочемъ счастливцы: удовлетворенные честолюбцы съ хорошимъ содержаніемъ,—капиталисты, реализировавшіе свои доходы въ металлическія бумаги или звонкую монету, или просто счастливые отцы семейства,—которые и теперь еще утѣшаютъ себя и другихъ теоріею переходнаго времени. „Время все изгладитъ“, утверждаютъ они;—„все перемелется—мука будетъ“. Но едва ли это такъ, едва ли само по себѣ одно время явится всеисцѣляющимъ врачемъ противъ всѣхъ недуговъ; едва ли оно одно, помимо собственныхъ нашихъ усилій, возстановитъ то, что передъ нашими глазами разлагается и разрушается. Если бы это было такъ, то въ настоящее время на многихъ пунктахъ земнаго шара не простирались бы безлюдныя и безплодныя степи тамъ, гдѣ прежде возвышались цвѣтущіе города.

Во всякомъ случаѣ эти приверженцы теоріи „все перемелется — мука будетъ“, забываютъ только одно: что между жерновами лежитъ не

безчувственное зерно, а человѣческая кровь и плоть. Замѣчено, что на практикѣ эти стоики сами держатъ себя отъ рекомендуемыхъ ими для своихъ любезныхъ соотечественниковъ „жернововъ“—какъ можно подальше,

Это—по части теоріи перемалыванія. Но у насъ въ ходу еще другая теорія, менѣе суровая, которая можетъ быть названа теоріею „плаванія или нырянья“. Если вы не дозволите человѣку пойти въ воду, онъ никогда плавать не научится. Ну, нырнетъ разъ, нырнетъ другой разъ,—иной и совсѣмъ подъ водой останется—царство ему небесное!—за то другіе выплывутъ и плавать выучатся; только ради Бога „безъ пузырей“.

Аргументъ этотъ весьма убѣдителенъ. Да разница лишь вся въ томъ, что мы предлагаемъ начать плаванье съ мелкаго мѣста, а вы хотите перебросить человѣка, неумѣющаго плавать, чрезъ бортъ корабля, прямо въ океанъ.

Наконецъ, третья теорія можетъ быть выражена въ слѣдующемъ афоризмѣ: „что русскому здорово, то нѣмцу смерть“. „Вы все“, говорятъ приверженцы этой теоріи, „судите о

Россіи по Германіи, Франціи, Англіи. Общія начала политической экономіи и государственной мудрости къ Россіи непримѣнимы. Русскій народъ живетъ особою, своеобразною жизнью; онъ развивается по иному направленію, по другимъ началамъ, чѣмъ тѣ, по которымъ шло развитіе Западной Европы". На это мы отвѣтимъ слѣдующее:

Ивановъ, подобно Гро-Жеану, Михелю и Джонъ-Булю, обѣдаетъ каждый день; желудки всѣхъ сихъ индивидуумовъ перевариваютъ пищу по тѣмъ-же физіологическимъ законамъ; сердцебіеніе, кровообращеніе у нихъ также одинаковое; мышленіе равнымъ образомъ происходитъ у нихъ у всѣхъ по тѣмъ же законамъ логики. Ergo—для Иванова не могутъ существовать другія общія начала физической, нравственной и умственной жизни какъ для Гро-Жеана, Михеля и Джонъ-Буля, а могутъ быть только частныя особенности, отличающія другъ отъ друга какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлыя племена. То же слѣдуетъ примѣнить и ко всему общественному и государственному строю, какъ выраженію исторически сложившейся сборной

личности многихъ недѣлимыхъ. Оттого-то не можетъ быть и рѣчи о какой-то русской политической экономіи, по той же причинѣ, по которой не существуетъ собственно русской ариѳметики, геометріи, логики, химіи и физики.

Мы готовы признать за русскою народностію право на самый широкій просторъ для развитія тѣхъ особенныхъ свойствъ и способностей, которыми она отличается отъ прочихъ народностей; но мы не находимъ возможнымъ примѣненіе на практикѣ въ государственномъ управленіи Россійской Имперіи афоризма „что русскому здорово, то нѣмцу смерть.“ Вѣдь и самое крѣпкое русское здоровье можетъ разстроиться отъ слишкомъ сильнаго удовлетворенія разнымъ похотямъ, возбуждаемымъ къ тому же еще, къ явному противорѣчію съ основаніями той-же теоріи, — разными нѣмецкими, французскими и англійскими микстурами.

Теоріи: „все перемелется — мука будетъ“, „плаванья и нырянья“, и „что русскому здорово, то нѣмцу смерть“, принадлежатъ болѣе къ области умозрѣнія и созерцанія.

Обратимся къ практическимъ „дѣятелямъ“.

Сонмъ дѣятелей въ настоящее время значительно порѣдѣлъ; въ лагерѣ ихъ, вмѣсто прежней увѣренности, единства мысли и чувства непобѣдимости, начинаютъ возникать сомнѣнія, споры, неурядица—вѣрные предвѣстники скораго разъединенія и разстройства. Многіе уже отказываются отъ своихъ, прежде громко заявленныхъ воззрѣній и убѣжденій. Нѣкоторые откровенно и честно объявляютъ, что они ошибались, что пошли слишкомъ далеко, что пора опомниться и повернуть въ другую сторону. Но между дѣятелями и теперь еще обрѣтаются столь ярые, что, очертя голову, неугомонно стремятся все далѣе, не замѣчая, что они давно уже своротили въ сторону отъ столбовой дороги и несутся по кочкамъ, ухабамъ и рытвинамъ какого-то проселка. — Вся надежда ихъ на крѣпкій строй русской телѣги, и на крѣпость собственной комплекціи, не страшащейся никакихъ толчковъ и переломовъ. Этимъ-то ярымъ дѣятелямъ, на пути своемъ безпрерывно подымающимъ новые вопросы,—въ видѣ страшныхъ клубовъ пыли,—предоставляя глотать ее тѣмъ, кто слѣдуютъ за ними, — этимъ-то дѣяте-

лямъ мы должны воскликнуть: „Остановитесь!“ „Quousque tandem? Дайте перевести духу. „Гоголь, правда, олицетворилъ Россію въ видѣ „несущейся во весь духъ въ невѣдомую даль „тройки; но это было понятно въ то время, „когда бодрая тройка эта рвалась впередъ, „удерживаемая на мѣстѣ. Теперь же, пожалѣйте „лошадей и телѣги“.

XVI.

Но, независимо отъ упомянутыхъ теорій, намъ могутъ сдѣлать еще болѣе серьезное возраженіе.

„Было время, когда на Руси земскій строй былъ инымъ, чѣмъ въ настоящее время. Крестьянскія волости управлялись сами собою, самостоятельно, черезъ выборныхъ. Помѣщиковъ было мало и они только имѣли значеніе пожизненныхъ владѣльцевъ, снабженныхъ помѣстьями для отправленія ратной или приказной царской службы; жалобъ на всеобщую распущенность тогда не было; русская земля росла и крѣпла не по днямъ, а по часамъ, и только политическія смуты отъ времени до времени останавливали ея могучій ростъ.

Самое хлѣбопашество прежде какъ будто было въ лучшемъ положеніи. Изъ всѣхъ статридцати неурожаевъ, посѣтившихъ Россію съ

1024 года по настоящее время, самое меньшее число приходится на XIII-е столѣтіе (всего три неурожая), а самое большое—на нашъ XIX вѣкъ, втеченіе котораго было уже сорокъ неурожаевъ. Въ этотъ промежутокъ времени неурожаи замѣтно увеличились; напримѣръ, въ XIII столѣтіи ихъ было три; въ XIV—пять; въ XV—шестнадцать; въ XVI—одинадцать; въ XVII—двѣнадцать; въ XVIII—тридцать четыре.

Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что упадокъ нравственности и упадокъ хлѣбопашества находится въ связи съ новѣйшимъ строемъ русской земли, основаннымъ на крѣпостномъ правѣ, на возникновеніи крупной собственности и усиленіи значенія помѣстнаго дворянства?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ дать себѣ ясный отчетъ, дѣйствительно ли древній строй русской земли представлялъ ту идилію, о которой такъ охотно мечтаютъ современные буколическіе приверженцы добраго стараго времени.

Крестьянское самоуправленіе въ древней Руси дѣйствительно существовало, но суще-

ствовало въ томъ видѣ, въ какомъ оно проявляется въ каждомъ еще политически неразвитомъ и необъединившемся обществѣ. Это скорѣе признакъ разрозненности, чѣмъ органическаго взаимодѣйствія отдѣльныхъ самостоятельныхъ частей одного общаго цѣлаго. Послѣдствіемъ этой разрозненности для русской земли были сначала удѣльныя смуты, затѣмъ татарское иго, наконецъ борьба самодержавной великокняжеской и царской власти съ отдѣльными областями и городами. На западѣ эта разрозненность яснѣе всего выразилась самостоятельностію средневѣковаго устройства городовъ; у насъ — вѣчевымъ устройствомъ Новгорода и Пскова. Но какъ скоро началось политическое объединеніе русской земли, самостоятельность, разъединенность отдѣльныхъ городовъ и областей должна была подчиниться неограниченной самодержавной власти. Новгородъ и Псковъ погибли въ этой борьбѣ, а на западѣ послѣдніе представители Ганзы подъ нашими глазами недавно утратили послѣднюю тѣнь своей политической самостоятельности передъ объединяющеюся Германіею. Какимъ же образомъ пред-

полагать, чтобы отдѣльныя крестьянскія волости могли сохранять самостоятельное самоуправленіе, въ то время, когда Новгородъ и Псковъ погибали, утопая въ крови? Нужно напротивъ того предполагать, что и въ древней Руси крестьянскія волости и общества никогда ни были совершенно самостоятельны даже относительно внутренняго своего управленія, а впослѣдствіи управлялись неограниченною властью разныхъ посылаемыхъ изъ Москвы на кормленіе воеводъ, которые были тѣми же помѣщиками, но лишь временными, не щадившими, подобно вотчинникамъ, ни средствами, ни даже жизнью своихъ подвластныхъ.

Хлѣбопашество въ то время было въ самомъ первобытномъ состояніи, и неурожаевъ, по всей вѣроятности, было столько же, если не болѣе, какъ и въ наше время. Если лѣтописи за прежнее время насчитываютъ меньшее число неурожаевъ, то это происходило во-первыхъ отъ того, что нѣкоторые неурожаи по незначительности своей не обращали на себя всеобщаго вниманія и не принимали размѣровъ всеобщаго народнаго бѣдствія, а во-вторыхъ, потому что

послѣдствія неурожаевъ не были такъ чувствительны. Всякаго рода запасовъ: хлѣба, корма, сѣмянъ въ прежнее время было болѣе. Но это происходило не оттого, что народонаселеніе въ то время было трудолюбивѣе, предъусмотрительнѣе или бережливѣе, а оттого, что запасовъ дѣвать было некуда по недостатку сбыта и по неразвитости и ограниченности потребностей какъ частныхъ лицъ, такъ и всего государства. Въ то время не было возможности, да и не представлялось необходимымъ обмѣнивать предметы первой потребности на другіе товары, или на деньги. Промышленность и торговля были въ младенчествѣ. Подати и повинности существовали въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ и отправлялись почти исключительно натурою, въ видѣ работъ, отбыванія личной службы, или представленія извѣстнаго количества предметовъ потребленія. Промышленность не превращала еще или, по крайней мѣрѣ, переработывала въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ предметы первой необходимости въ предметы роскоши, какъ-то хлѣбъ въ вино и тому под. Тѣ отрасли сельскаго хозяйства и заводской промышленности,

какъ напр. обработка свекловицы, льна, горное производство и тому под., которые въ настоящее время совершенно вытѣснили въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ собственно хлѣбопашество, тогда еще не существовали или существовали только въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, и большею частію для удовлетворенія потребностей мѣстныхъ же жителей. Тогда сельское хозяйство имѣло одну цѣль—прокормленіе населенія, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ снабженіе припасами чиновниковъ, войска и царскаго двора, и эта цѣль достигалась самымъ простымъ, первобытнымъ способомъ.

Этотъ преобладавшій въ прежнее время обмѣнъ услугъ и предметовъ первой необходимости въ натурѣ замѣненъ теперь несравненно болѣе сложнымъ денежнымъ хозяйствомъ. Подати и повинности усложнились и увеличились не на десятки, а на сотни процентовъ, и народъ обязанъ отбывать ихъ большею частію уже не натурою, а деньгами. Капиталы накопляются уже не въ видѣ предметовъ первой необходимости, а въ видѣ денежныхъ сбереженій. Возможность сбыта, и возможность удовлетворенія

потребностямъ расширились. Торговля и промышленность всего народа пришли въ соприкосновеніе съ странами болѣе образованными и промышленно развитыми, и должны выдерживать соперничество на всемірномъ рынкѣ. По мѣрѣ улучшенія путей сообщенія и развитія нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ, это соперничество съ каждымъ днемъ дѣлается непосредственнѣе и многостороннѣе.

Противъ этихъ-то требованій и условій новѣйшаго времени русскій крестьянинъ является, стоя на той же степени экономическаго и нравственнаго развитія, на какой онъ находился при Владимірѣ Святомъ и Іоаннѣ Грозномъ. Орудіямъ, изобрѣтеннымъ новѣйшимъ промышленнымъ развитіемъ, необычайной производительности западной Европы, вооруженной знаніемъ, капиталомъ, необыкновенною предусмотрительностію, сдержанностію и вмѣстѣ съ тѣмъ подвижностію, противупоставляется нашъ крестьянинъ, связанный по рукамъ и по ногамъ общиною, подавленный несоразмѣрными податями и повинностями, и вооруженный одною сохою, топоромъ и пилою. Это тоже, что если

бы нашъ солдатъ долженъ былъ выступить противъ арміи, вооруженной новѣйшимъ учащеннымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ,—съ лукомъ и стрѣлами, нося при томъ на своихъ плечахъ все то, что теперь перевозится по желѣзнымъ дорогамъ.

Конечно, крестьянинъ нашихъ южныхъ и восточныхъ губерній вооруженъ также весьма производительною машиною—черноземомъ. Но здѣсь угрожаетъ опасность съ другой стороны,—дабы эта созданная самою природою, а не изобрѣтенная умомъ человѣческимъ даровая машина, именно вслѣдствіе производительности своей, требующей сравнительно меньшей энергіи со стороны производителя, не получила въ нашемъ народномъ быту отчасти того же значенія, которое имѣетъ подъ тропиками хлѣбное дерево. Принося населенію почти даровую пищу, оно дѣлаетъ излишнимъ со стороны человѣка всякое усиліе для того, чтобы идти впередъ въ промышленномъ и духовномъ развитіи.

Дай Богъ, чтобы при такихъ условіяхъ мы на промышленномъ поприщѣ не вынесли тѣхъ же печальныхъ уроковъ, какъ въ послѣднюю крым-

скую войну на поприщѣ военномъ. Въ настоящемъ 1868 году наше населеніе уже страдаетъ отъ голода во многихъ мѣстахъ, откуда осенью вывезенъ] былъ хлѣбъ за границу, и тамъ въ настоящее время онъ продается дешевле, чѣмъ стоитъ у насъ теперь на самыхъ мѣстахъ закупки. Мы въ этомъ случаѣ поступили какъ раззорившійся расточитель, нуждавшійся во что бы то ни стало въ деньгахъ и продавшій за безцѣнокъ то, что онъ вынужденнымъ нашелся черезъ нѣкоторое время купить вновь за двойную или тройную цѣну.

И вотъ гдѣ является необходимость, вотъ въ чемъ заключается значеніе для Россіи крупной поземельной собственности. Обладая въ достаточной степени капиталомъ, знаніемъ, энергіею и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанностію, она вооружена тѣмъ же усовершенствованнымъ оружіемъ, какъ и соперницы ея въ области сельскаго хозяйства на всемірномъ рынкѣ, — она можетъ съ ними бороться при равныхъ условіяхъ. Если бы намъ позволено было еще далѣе провести параллель между борьбою въ области промышленности и на поприщѣ военномъ, мы

сказали бы, что крупная поземельная собственность, съ связаннымъ съ нею значительнымъ накопленіемъ капиталовъ, въ промышленной борьбѣ имѣетъ по отношенію къ мелкой безкапитальной собственности такое же значеніе, какъ на полѣ сраженія хорошо устроенная артилерія въ борьбѣ съ пѣхотою; тамъ машина противупоставлена одной рабочей силѣ, здѣсь противъ орудія борется одна личная храбрость.

Изъ этого слѣдуетъ, что подавить, погубить крупную собственность значитъ выбить изъ рукъ нашего отечества то оружіе, при помощи коего оно только и можетъ выступить въ борьбѣ на поприщѣ сельскаго хозяйства съ западною Европою. Это значитъ обречь Россію навсегда на роль второстепенной или третьестепенной державы въ области промышленности.

Во внутреннемъ народномъ хозяйствѣ, крупная поземельная собственность, обладая капиталами, запасами, выдержкою, имѣетъ огромное значеніе какъ двигатель промышленности и торговли, проводникъ всякаго рода усовершенствованій, дарователь заработковъ, кормитель въ голодные годы.

Дѣло въ томъ, что проникнутые гражданскою скорбію современные мечтатели, желающіе осуществить на святой Руси идиллію добраго стараго времени,—когда крестьянинъ нашъ жилъ въ особомъ замкнутомъ мірѣ, вдали отъ всякихъ сборщиковъ податей, становыхъ приставовъ, кулаковъ и помѣщиковъ,—когда не существовало рекрутчины, тюремныхъ заключеній и денежныхъ штрафовъ — дѣло въ томъ, что эти политико-экономическіе поэты мечтаютъ о невозможномъ. Они желаютъ политическаго могущества и экономическаго развитія своего отечества наравнѣ съ западною Европою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотятъ устранить тѣ условія, которыя лежатъ въ основаніи этого развитія — именно личную самостоятельность и самодѣятельность, уваженіе къ праву собственности, накопленіе капиталовъ: они въ области политической экономіи хотятъ разрѣшить квадратуру круга.

Мы уже сказали выше, что государственное хозяйство представляетъ весьма сложную алгебраическую формулу, которая однакоже можетъ быть разрѣшена на первоначальныя величины a+b+c и т. д. Эти первоначальныя величины

составляютъ то, что каждый отдѣльный членъ общества: Петръ, Иванъ, Семенъ производятъ въ избѣ, на полѣ, въ лѣсу. Коль скоро количество или энергія этихъ первобытныхъ силъ уменьшается или ослабляется, то сумма всѣхъ ихъ въ общей сложности, т. е. въ видѣ государственнаго могущества, развитія народной промышленности, торговли, сельскаго хозяйства не можетъ возвышаться и усиливаться. Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, кроется зерно всего вопроса, разгадка настоящаго положенія, и то противорѣчіе, которое съ каждымъ днемъ болѣе проявляется, — противорѣчіе между теоретическими бреднями и бюрократическими предположеніями съ одной стороны и результатами, представляемыми дѣйствительностію, съ другой стороны. Это противорѣчіе должно быть разрѣшено и разрѣшено какъ можно полнѣе и скорѣе, иначе разладъ и разрывъ между теоріею и практикою, между несбыточными надеждами и осуществленіемъ ихъ, съ каждымъ днемъ будетъ усиливаться.

XVII.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе спеціальныхъ мѣръ, которыя могли бы привести къ устраненію разлада, между теоріей и практикой, о которомъ мы говорили въ предъидущей главѣ, мы здѣсь выразимъ лишь убѣжденіе, что въ настоящее время, послѣ столь обширныхъ и въ короткое время совершенныхъ преобразованій, которыя въ другихъ государствахъ совершались вѣками, внутренняя политика наша должна быть открыто и рѣшительно консервативною. И прежде всего необходимо обратить вниманіе именно на тотъ предметъ, противъ котораго направлены разрушительныя силы современной пропаганды, на поземельную собственность.

Изъ всѣхъ родовъ собственности, поземельная собственность, по самому свойству своему,

подвержена наибольшимъ нападеніямъ, политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ. Движимая собственность, въ особенности же денежные капиталы, при малѣйшихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, а тѣмъ болѣе при политическихъ переворотахъ и соціальныхъ потрясеніяхъ, угрожающихъ самому праву собственности, скрываются или удаляются въ другія страны, представляющія болѣе обезпеченія. Для этого со стороны владѣльца денежнаго капитала достаточно совершенія одного какого-либо акта, достаточно иногда даже одного почерка пера. Эта легкость превращенія, этотъ космополитизмъ служитъ огражденіемъ для денежныхъ капиталовъ противъ всякихъ невзгодъ.

Иначе бываетъ съ недвижимою, въ особенности же поземельною собственностію. Она составляетъ неотъемлемую часть родной земли и прикована къ ней неразрывными узами; она процвѣтаетъ вмѣстѣ съ возвышеніемъ благоденствія государства, она гибнетъ первая при политическихъ, соціальныхъ или экономическихъ потрясеніяхъ. Во время войны она покрывается развалинами, кровью вражескою и собственныхъ

своихъ сыновъ; во всякое время она обливается потомъ большинства населенія.

Владѣніе землею — самый высокій и благородный видъ собственности; оно служитъ основаніемъ всякой истинной аристократіи, этой надежнѣйшей связи государственнаго строя, этой самой твердой опоры монархическаго начала. Высоко развитые народы и государства, вполнѣ сознавая важное значеніе въ политическомъ, соціальномъ и экономическомъ отношеніяхъ поземельной собственности, всегда ограждали ее противъ безчисленныхъ крупныхъ и мелкихъ враговъ ея. Не касаясь прочихъ сторонъ вопроса, но уже въ экономическомъ отношеніи движимая собственность гораздо менѣе подвержена нападеніямъ не только крупныхъ враговъ, но и мелкимъ нарушеніямъ, и потому менѣе нуждается въ защитѣ и огражденіи.

Но не только поземельная, всякая вообще собственность и всякая личность пусть пользуется одинаковымъ огражденіемъ закона и власти.

Преступленія и проступки пусть несутъ заслуженную кару, безъ излишнихъ жестокостей,

но и безъ послабленія; пусть судьи проникнутся тѣмъ убѣжденіемъ, что излишняя снисходительность къ преступникамъ составляетъ жестокость по отношеніи къ ихъ жертвамъ.

Пусть примѣняются на дѣлѣ взятыя изъ священнаго писанія слова манифеста, при которомъ обнародовано положеніе 19 февраля 1861 года: „всякая душа да повинуется властямъ предержащимъ и воздастъ всѣмъ должное, кому должно, урокъ, дань, страхъ, честь!“

Подобныя начала не лежатъ конечно въ основаніи новѣйшей демократіи. Но мы живемъ не въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, а въ Россіи, государствѣ Монархическомъ; мы родились не гражданами республики, а подданными Царствующаго Божіею Милостію Русскаго Царя. Пусть юная Америка испытываетъ свои могучія силы надъ осуществленіемъ демократическихъ началъ. Старая Европа развивалась и шла инымъ путемъ, и то, что для Америки составляетъ признакъ молодости и избытка силъ, для Европы можетъ быть предвѣстникомъ разложенія и старческаго разслабленія.

Мы кончили, исполнивъ трудную, можетъ быть, неблагодарную обязанность. Мы исполнили ее безъ односторонних увлеченій, безъ заднихъ мыслей, стараясь отрѣшиться отъ современнаго духа партій, стараясь убѣждать доводами и фактами, а не возбуждать безплодной борьбы страстей.

Вполнѣ признавая великое значеніе совершенныхъ въ настоящее царствованіе преобразованій, мы не имѣли намѣренія доказывать ихъ несостоятельность, а, напротивъ того, желали способствовать ихъ упроченію и окончательному осуществленію указаніемъ на тѣ затрудненія, которыя могутъ тому воспрепятствовать.

Глубоко сознавая солидарность и взаимодѣйствіе между всѣми отдѣльными частями общественнаго организма, мы не имѣли цѣлью

защищать крупную поземельную собственность въ ущербъ мелкой, дворянство въ ущербъ земства, сельское хозяйство въ ущербъ промышленности и торговли, землю въ ущербъ личности, ее обработывающей; мы указывали лишь на тѣ части организма, дѣятельность коихъ въ настоящее время подавлена и стѣснена въ ущербъ цѣлаго, въ ущербъ тѣхъ именно частей, развитію коихъ иные желаютъ споспѣшествовать неосуществимыми предположеніями и ложными мѣрами. Если мы съ нѣсколько большею горячностью защищали крупную собственность въ сравненіи съ мелкой, землю въ сравненіи съ рабочею силою, то это потому лишь, что мы въ современной борьбѣ общественныхъ силъ и интересовъ считаемъ эту сторону слабѣйшею, требующею наибольшаго огражденія. Если мы стояли за порядокъ и сдержанность въ виду настоящей распущенности, которую иные честятъ великимъ именемъ свободы, то это потому, что, по нашему мнѣнію, маятникъ русской общественной жизни уже слишкомъ размашисто бьетъ въ одну сторону — въ сторону анархіи и хаоса. Мы вполнѣ понимаемъ и глу-

боко цѣнимъ всѣ прекрасныя качества русскаго крестьянина, этого богатоодареннаго отъ природы самородка,—смышленность, многосторонность, терпѣливость, добродушіе его; но мы долгомъ своимъ почли перечислить и тѣ пути, на которыхъ способности и свойства эти могутъ получить ложное направленіе и обратиться въ ущербъ матеріальнымъ и нравственнымъ силамъ самого же народа.

Насъ могутъ упрекнуть въ томъ, что мы занимались одною лишь, и довольно ѣдкою, критикою существующаго нынѣ порядка вещей, не давая положительныхъ указаній, какимъ образомъ выйти изъ настоящаго затруднительнаго положенія, не перечисляя въ точности предлагаемыхъ съ нашей стороны мѣръ. На это мы отвѣтимъ, что мы не въ силахъ и не въ правѣ принять на себя дѣло Законодателя и Правителя. Мы указали на общее направленіе, по которому, при настоящихъ условіяхъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ дѣйствовать; мы высказались въ пользу открыто консервативной внутренней политики; мы указали на уваженіе къ праву собственности, на необходимость возвышенія

производительности земли и народнаго труда, на необходимость разрѣшать поднятые уже, а не возбуждать безпрерывно новые вопросы, на необходимость остановиться на той наклонной плоскости, по которой въ настоящее время русское общество стремится съ возрастающею быстротою. Мы упомянули о необходимости изданія лѣснаго и сельскаго устава, преобразованія нынѣ дѣйствующей акцизной системы, удешевленія и упрощенія мѣстнаго самоуправленія, изданія цѣлаго ряда органическихъ законовъ, ограждающихъ личность и собственность, во всѣхъ ея видахъ, отъ всякихъ поползновеній къ нарушенію. Дѣло правительства разработать эти законоположенія. Сама Верховная власть уже взывала въ рескриптѣ 13 мая къ тѣмъ благонадежнымъ силамъ и добрымъ началамъ, коими такъ богата русская земля. Что касается до насъ, то наша задача заключалась по преимуществу въ представленіи вѣрной картины того положенія, въ которомъ находится русская деревня въ 1868 году. Исполнили ли мы эту задачу добросовѣстно и безпристрастно, объ этомъ судить не намъ.

Но какъ бы ни была неутѣшительна начертанная нами картина, надъ нею, не смотря на всѣ понесенныя русскимъ обществомъ потери, возвышается одно великое нравственное начало, это — признаніе человѣческихъ правъ 22 милліоновъ разумныхъ существъ. Благодаря жертвамъ, понесеннымъ нами въ настоящемъ, послѣдующія поколѣнія съ тѣмъ большею признательностію и благоговѣніемъ будутъ обращать взоры свои на прожитое нами время, незабвеннымъ знаменемъ коего въ мракѣ давнопрошедшаго будетъ служить свѣтлое имя Александра.

II.

ЗЕМСКІЯ И СУДЕБНО-МИРОВЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

I.

Едвали въ настоящее время существуетъ страна, въ которой проявлялась бы такая рѣзкая противуположность между условіями городской и сельской жизни, между городомъ и *землею*, какъ у насъ въ Россіи. Въ отношеніи удобствъ жизни, управленія, хозяйства, гигіены, образованія, средствъ къ воспитанію дѣтей, обезпеченія личности и собственности въ столицахъ и большихъ городахъ нашихъ соединены почти всѣ условія, какія можетъ требовать цивилизованное общество: здѣсь мы стоимъ почти въ уровень съ западною Европою. Но за городскими стѣнами начинается у насъ уѣздъ, т. е. обширное пространство, состоящее въ нечерноземной полосѣ — изъ болотъ и лѣсовъ, съ затерянными кое-гдѣ клочками обработанной

земли, а въ черноземныхъ мѣстностяхъ — изъ безлѣсной, голой степи. Здѣсь разсѣянное населеніе живетъ, внѣ всѣхъ условій цивилизованной жизни, одну половину года занесенное снѣгомъ, а другую — бо́льшею частію утопая въ грязи, или страдая отъ засухи. За исключеніемъ немногихъ мѣстностей, пользующихся, по самому положенію своему, или по другимъ причинамъ, какими-либо особыми преимуществами, наша сельская жизнь находится еще почти въ первобытномъ состояніи. Отсутствіе путей сообщенія, совершенный недостатокъ того, что человѣкъ даже полуобразо́ванный привыкъ считать необхо́димостью, наконецъ отдаленность власти предохранительной и судебной, ставятъ сельскую жизнь у насъ въ условія, совершенно противоположныя городской жизни. Наши села отстали отъ городовъ на нѣсколько сотъ лѣтъ.

Спрашивается: сознается ли у насъ вполнѣ эта особенность нашего быта?

Общественное мнѣніе пока еще существуетъ и можетъ проявляться у насъ только въ городахъ; оно руководится журналистикою, сотруд-

ники и корреспонденты которой, за малыми исключеніями, никогда не бывали въ деревняхъ иначе, какъ проѣздомъ. Удивительно ли послѣ того, что большинство нашего городскаго общества не имѣетъ о сельской жизни яснаго понятія и судитъ объ ней только по наслышкѣ?

Но если всмотрѣться въ распоряженія нашей администраціи и въ духъ нашего законодательства, то окажется, что само правительство, состоя изъ должностныхъ лицъ, воспитанныхъ и постоянно живущихъ въ городахъ, и находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ городскаго общественнаго мнѣнія, не всегда вполнѣ сознаетъ рѣзкое различіе между условіями нашего городскаго и сельскаго быта. Можно положительно сказать, что большая часть нашихъ законовъ, правилъ, инструкцій, распоряженій пишется для городовъ; о приноровленіи же ихъ къ уѣздамъ заботятся мало.

Оттого-то весьма многіе законы и административныя распоряженія исполняются у насъ только въ городахъ; въ уѣздахъ они исполняются только на бумагѣ, потому что дѣйствительное ихъ исполненіе невозможно. Такъ въ послѣднюю холер-

ную эпидемію разосланъ былъ во всѣ волостныя правленія одной губерніи циркуляръ, который требовалъ ежедневнаго доставленія свѣдѣній о числѣ заболѣвавшихъ холерою, выздоравливавшихъ и умершихъ, объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ заболѣванію, объ образѣ жизни больныхъ, объ устройствѣ отхожихъ мѣстъ, и т. д. Но почта изъ большей части волостей этой губерніи отходитъ только разъ въ недѣлю, а изъ нѣкоторыхъ и разъ въ двѣ недѣли. Само собою разумѣется, что этотъ циркуляръ, писанный для городовъ, остался мертвою буквою, въ примѣненіи къ селамъ.

Если бросить общій взглядъ на нашу мѣстную администрацію, то окажется, что издаваемые для нея законы и правила исполняются, или по крайней мѣрѣ могутъ быть исполняемы, развѣ только въ канцеляріяхъ губернскихъ правленій и уѣздныхъ полицейскихъ управленій. Но что происходитъ въ волостныхъ правленіяхъ?

Волость служитъ въ настоящее время единственнымъ непосредственнымъ органомъ, не только крестьянскаго, но и земскаго вообще управленія. Теперь уѣздная полиція уже мало

разъѣзжаетъ, по крайней мѣрѣ, по дѣламъ службы. Прошли тѣ времена, когда она чуть ли не постоянно жила въ телѣгѣ. Теперь она только строжайше предписываетъ волостнымъ правленіямъ, заваливая ихъ перепискою и давая имъ нерѣдко такія порученія, которыя по закону вовсе до нихъ не относятся.

Но и обязанностей, закономъ возложенныхъ на волостныя управленія, достаточно. Волость ставитъ рекрутъ, заключаетъ договоры по найму въ рекруты охотниковъ, наблюдаетъ за поступленіемъ всѣхъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей, выкупныхъ платежей и оброковъ, завѣдываетъ хлѣбными запасными магазинами, земскимъ страхованіемъ, чинитъ дороги, выставляетъ подводы, наблюдаетъ, чрезъ посредство торговыхъ депутацій, за правильнымъ производствомъ торговли; черезъ волостныя правленія производится выдача паспортовъ, увольненіе изъ обществъ и приписка къ нимъ; собираются статистическія свѣденія, — начиная отъ числа населенія до количества выкладываемыхъ въ волости яицъ,—производится вся касающаяся до мѣстнаго населенія переписка, не говоря уже

о безчисленномъ множествѣ временныхъ и экстренныхъ занятій, какъ напримѣръ, по разверстанію крестьянскихъ усадебъ, взиманію съ дворовыхъ рублеваго сбора, раздачѣ таковаго нуждающимся и т. д. При всякомъ волостномъ правленіи находится волостной судъ, торговая депутація, а при нѣкоторыхъ сберегательныя и вспомогательныя кассы и училища. Однимъ словомъ, въ волостномъ правленіи сосредоточиваются въ первой инстанціи всѣ министерства, за исключеніемъ развѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

И кто же стоитъ въ главѣ этого управленія? Полуграмотный, а иногда и совершенно безграмотный крестьянинъ — волостной старшина, съ писаремъ, не всегда трезвымъ, а иногда и плутоватымъ. Все, что на мѣстѣ живетъ изъ образованнаго мѣстнаго населенія, устранено отъ всякаго вліянія на крестьянское управленіе. Не смотря на то, что волость расположена бокъ-о-бокъ съ помѣстьемъ, что онѣ и физически и нравственно переплетаются другъ съ другомъ; не смотря на общность ихъ интересовъ и на обоюдную пользу, которую могло бы принести

ихъ вліяніе другъ на друга, — волость у насъ, какъ въ административномъ, такъ и въ юридическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, совершенно оторвана отъ помѣстья.

Образованный и богатый помѣщикъ, съ своимъ, большею частію, весьма значительнымъ количествомъ земли, расположенной среди крестьянскихъ надѣловъ, съ своею усадьбою, лежащею большею частію среди самой деревни, живетъ теперь совершенно чуждымъ среди населенія, одного съ нимъ племени, одного вѣроисповѣданія, однихъ свойствъ и воззрѣній. Будучи иногда единственнымъ личнымъ собственникомъ среди многочисленныхъ общинниковъ, обладая такими благами—лѣсомъ, лугами, водами,—которыя для этого населенія составляютъ предметы первой необходимости, помѣщикъ, вдали отъ всякой полицейской и судебной власти, въ большинствѣ случаевъ защищенъ противъ нарушенія его собственности и личности лишь на столько, на сколько дѣйствуетъ еще въ окрестномъ населеніи чувство страха отъ прежняго времени, или смутное сознаніе нравственной подчиненности.

Во внутреннее управленіе волостью даже ми-

ровой посредникъ не въ правѣ вмѣшиваться по закону. Если это онъ дѣлаетъ, то единственно изъ нравственнаго чувства долга и съ цѣлію удержанія какого-либо порядка, если неурядица уже слишкомъ бросается въ глаза. Допускаемое закономъ попечительство помѣщика надъ временно-обязанными крестьянами составляетъ право чисто номинальное, и не распространяется на крестьянъ-собственниковъ.

Каковы же результаты дѣятельности волостныхъ правленій и волостныхъ сходокъ?

Волостныя правленія состоятъ изъ сельскихъ старостъ всѣхъ, входящихъ въ составъ волости, сельскихъ обществъ. Это большею частію лица, совершенно безграмотныя. Если ихъ собираютъ иногда въ волостномъ правленіи, то единственно для того, чтобы давать имъ словесныя приказанія. За дѣлопроизводствомъ въ волостномъ правленіи они слѣдить не въ состояніи; во всякомъ случаѣ для этого имъ необходимо было бы засѣдать въ немъ постоянно, а сельскіе старосты живутъ нерѣдко за 10, а иногда и за 20 верстъ отъ центра волости. Оттого-то у насъ волостныя правленія на прак-

тикѣ почти не существуютъ. Есть волостные старшины, волостные писаря и дома для волостныхъ правленій, но волостныхъ правленій, какъ присутственнаго мѣста, нѣтъ и не можетъ быть.

А волостные и сельскіе сходы? Это нестройныя сборища, въ которыхъ крикунъ стоитъ въ первыхъ рядахъ, играетъ первую роль, а честный, смирный крестьянинъ молчитъ и пятится назадъ. А если сосчитать рабочіе дни, протрачиваемые на установленныя въ видахъ крестьянскаго самоуправленія различныя сходки и на обыкновенно слѣдующія за ними попойки, то потерю рабочихъ силъ для народнаго хозяйства слѣдуетъ считать не тысячами, а милліонами рублей.

Объ этой потерѣ не слѣдовало бы сожалѣть только въ такомъ случаѣ, если бы крестьянское сословіе выносило изъ своихъ сходокъ какое-нибудь умственное развитіе или нравственное удовлетвореніе. Но оно выноситъ только сознаніе своего полнаго безсилія въ достиженіи какого-либо благоустройства собственными средствами, выноситъ чувство самаго безотраднаго нравственнаго гнета.

*

Дѣйствительно, наше крестьянское самоуправленіе, при томъ уровнѣ развитія, на которомъ стоитъ еще нашъ крестьянинъ, можетъ привести и приводитъ только къ одному изъ двухъ результатовъ: или къ преобладанію между крестьянами личностей наименѣе достойныхъ, при соотвѣтственномъ угнетеніи трудолюбивыхъ и мирныхъ крестьянъ и при отрицаніи всякой личной самостоятельности, личнаго превосходства, личной собственности, — или же къ полной нравственной и хозяйственной распущенности. Что же касается различныхъ, предписываемыхъ свыше, правилъ, формъ, инструкцій и т. п., то они или вовсе не исполняются или исполняются волостными правленіями только на бумагѣ.

О волостномъ судѣ и говорить нечего: его несостоятельность вполнѣ проявилась на опытѣ и лучше всего доказывается полнѣйшимъ недовѣріемъ къ нему самихъ крестьянъ.

На такомъ сыпучемъ основаніи, какое представляетъ наше чисто демократическое крестьянское самоуправленіе, возведены или, скорѣе сказать, нагромождены теперь, рядомъ съ суще-

ствовавшими уже прежде сословными, мировыми и полицейско-административными учрежденіями, новыя земскія и судебно-мировыя учрежденія.

Какое значеніе пріобрѣли эти новыя учрежденія въ нашемъ земскомъ быту?

Мы уже имѣли случай замѣтить, что о болѣе или менѣе успѣшномъ дѣйствіи какого-либо распоряженія, о послѣдствіяхъ какого-либо преобразованія, у насъ обыкновенно судятъ только по тому, какъ то или другое примѣнилось или привилось собственно къ городской жизни. Судебно-мировыя учрежденія доставили городскимъ жителямъ судъ болѣе сподручный, скорый и, надѣемся, правый. Изъ этого безъ дальнѣйшей повѣрки выводятъ заключеніе, что новыя судебно-мировыя учрежденія неизбѣжно должны имѣть тѣ же послѣдствія и въ нашемъ сельскомъ быту. Въ городахъ заговорили объ улучшеніи сельскаго хозяйства, объ учрежденіи школъ, объ устройствѣ медицинской части, и общественное мнѣніе увѣрено, что въ селеніяхъ нашихъ тѣмъ самымъ уже поднялся уровень матеріальныхъ и нравственныхъ силъ народа.

Но здѣсь опять слѣдуетъ указать на ту про-

тивуположность въ бытовыхъ условіяхъ, которая существуетъ между нашею городскою и сельскою жизнію. То, что съ пользою и успѣхомъ можетъ быть примѣнено въ городахъ, часто совершенно непримѣнимо къ сельскому нашему быту. Раздѣленіе властей на судебную, полицейскую, административную, хозяйственную въ нашихъ городахъ можетъ быть весьма полезнымъ и даже необходимымъ; въ отношеніи нашей сельской жизни оно имѣетъ значеніе чисто отрицательное. Это совершенно убѣдительно доказалъ въ замѣчательной статьѣ: „Мысли по поводу мировой судебной власти“ нашъ почтенный академикъ В. П. Безобразовъ, практически изучившій вопросъ въ бытность свою мировымъ судьею. Нигдѣ за границею среди сельскихъ населеній, даже въ самыхъ высокообразованныхъ обществахъ, не существуетъ строгаго разграниченія власти въ низшихъ инстанціяхъ. Въ Англіи мировой судья въ одно время судья, полицейскій чиновникъ и хозяинъ, а съѣздъ мировыхъ судей одновременно судебное, хозяйственное и распорядительное собраніе. Сама жизнь требуетъ этого, и только искусственное насилова-

ніе жизни можетъ осуществить такое разъединеніе властей въ низшихъ инстанціяхъ, какое существуетъ теперь въ нашихъ уѣздахъ. Это то же, если бъ кто вздумалъ въ какой-нибудь ничтожной деревушкѣ устроить отдѣльные магазины, одинъ для колоніальныхъ товаровъ, другой для платья, третій для краснаго товара. Крестьяне только бы дивились предпріимчивости такого торговца, но сбытъ у него отъ этого не увеличился бы. Другое дѣло въ высшихъ и болѣе развитыхъ сферахъ общественной жизни. Тамъ раздѣленіе власти, какъ и раздѣленіе промышленныхъ занятій, не только возможно, но и необходимо, потому что тамъ возможны и необходимы спеціальность знаній и независимое проявленіе власти и труда въ отдѣльныхъ сферахъ.

Въ нашихъ уѣздахъ теперь существуютъ слѣдующія общественныя власти:

1) Уѣздное полицейское управленіе съ подчиненными ему становыми приставами, сотскими и десятскими — власть исполнительная и охранительная.

2) Мировые посредники съ ихъ съѣздами

и съ подчиненными имъ волостными старшинами и сельскими старостами — власть административная и отчасти исполнительная, а также, по отношенію къ поземельному устройству крестьянъ, судебная.

3) Мировые судьи съ ихъ съѣздами и съ подчиненными имъ судебными приставами — власть судебная и судебно-исполнительная.

4) Уѣздныя земскія собранія съ ихъ управами — учрежденія хозяйственныя.

5) Комитетъ натуральныхъ повинностей, для распоряженія государственными земскими повинностями.

6) Различныя сословныя учрежденія: дворянскія собранія, опеки и т. д.

Спрашивается: кому именно ввѣряются должности по всѣмъ этимъ учрежденіямъ? Развѣ въ нашихъ уѣздахъ мировые судьи—юристы, предсѣдатель и члены управы—экономисты, исправники и становые пристава — лица, спеціально изучившія администрацію? Нисколько. Въ одно трехлѣтіе изъ числа наличныхъ помѣщиковъ, Ивановъ избранъ мировымъ судьею, Ѳедоровъ предсѣдателемъ или членомъ управы, Никола-

евъ получилъ мѣсто мироваго посредника, Семеновъ исправника. На слѣдующее трехлѣтіе, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, или просто, смотря по настроенію уѣзднаго земскаго собранія или губернскаго начальства, роли измѣняются: Ивановъ идетъ въ предсѣдатели управы, Ѳедоровъ избирается мировымъ судьею, Николаевъ просится въ исправники, а Семеновъ въ мировые посредники, и теченіе дѣлъ идетъ прежнимъ порядкомъ.

Мировой судья, мировой посредникъ, предсѣдатель и члены управы, становые и судебные пристава, живя въ уѣздѣ, если они помѣщики, въ своихъ имѣніяхъ, иногда по сосѣдству другъ съ другомъ, разъѣзжаютъ на разстояніи ста, а иногда и нѣсколькихъ сотъ верстъ, по однимъ и тѣмъ же дорогамъ, заѣзжаютъ въ тѣ же волостныя правленія, занимаются нерѣдко тѣми же дѣлами, каждый спеціально по своей части.

Для примѣра возьмемъ слѣдующій, весьма обыкновенный случай. Становой, чрезъ посредство уѣзднаго исправника, доводитъ до свѣдѣнія уѣздной земской управы, что уѣздная дорога въ одномъ мѣстѣ сдѣлалась неудобною для проѣзда.

Предсѣдатель управы отправляется на мѣсто и, удостовѣрившись въ справедливости донесенія полиціи, дѣлаетъ распоряженіе объ исправленіи дороги натурою мѣстными крестьянами, а самый присмотръ за работами поручаетъ становому; становой, отправившись на мѣсто, даетъ, какъ водится, строжайшее приказаніе о немедленномъ исправленіи дороги. Дорога, какъ водится, къ сроку или вовсе не исправлена, или исправлена такъ, что проѣздъ по ней сдѣлался еще затруднительнѣе. Становой доноситъ объ этомъ исправнику, исправникъ сносится съ управою. Предсѣдатель вновь отправляется на мѣсто, для того, чтобы узнать причину неуспѣшнаго хода работъ. Причины, какъ обыкновенно при подобныхъ случаяхъ, оказываются двоякія: неурядица и нераспорядительность со стороны мѣстнаго начальства, безтолковщина и лѣнь со стороны крестьянъ. Одна половина крестьянъ, вмѣсто того, чтобы чинить дорогу, все время провела въ ближайшемъ кабакѣ, пропила послѣднюю копѣйку, поссорилась между собою, передралась и уѣхала домой. Въ это время другая половина крестьянъ, подъ предводитель-

ствомъ сельскаго старосты, наваливала на дорогу, вмѣсто щебня, какъ указывалъ становой, чистую глину, потому что сія послѣдняя оказалась нѣсколькими саженями ближе. Предсѣдатель управы находитъ необходимымъ подвергнуть взысканію сельскаго старосту и крестьянъ. О подверженіи отвѣтственности сельскаго старосты предсѣдатель управы, на основаніи существующихъ установленій, сообщаетъ мировому посреднику, а для взысканія съ крестьянъ посылаетъ обвинительный актъ къ мировому судьѣ. И тотъ и другой отправляются на мѣсто для осмотра corpus delicti,ославъ предварительно повѣстки предсѣдателю управы и полиціи, какъ обвинителямъ, сельскому старостѣ и крестьянамъ, какъ обвиняемымъ, и вызвавъ свидѣтелей и свѣдущихъ лицъ. При этомъ рѣдко бываетъ, чтобы всѣ повѣстки доходили во время до мѣста назначенія; часть ихъ обыкновенно затеривается пьянымъ разсыльнымъ или сотскимъ въ какомъ-нибудь кабакѣ, или забывается у какого-либо кума, во время свадьбы или крестинъ. Многіе изъ вызванныхъ не являются: приговоръ судьи не можетъ состояться. Но вотъ выпадаетъ снѣгъ,

corpus delicti на цѣлые шесть мѣсяцевъ скрывается отъ глазъ любознательныхъ властей, а тамъ будущею весною уже и не доберешься, кто правъ и кто виноватъ.

Между крестьянами же происходятъ суды и пересуды. Они никакъ не могутъ сообразить, почему становой, Николай Ивановичъ, замѣтивъ дурное мѣсто на дорогѣ въ то время, когда для исправленія ея нужно было привести лишь нѣсколько возовъ щебня, не сдѣлалъ съ своей стороны никакого распоряженія, а послалъ за предсѣдателемъ управы, Иваномъ Николаевичемъ; почему Иванъ Николаевичъ, пріѣхавши, тоже ничего не сдѣлалъ, а только посмотрѣлъ и опять послалъ за Николаемъ Ивановичемъ. „Николай Ивановичъ, правда, далъ приказаніе, но, вишь ты, немного выпивши былъ, мы и думали, что такъ только, въ сердцахъ, али шутитъ. Но опосля пріѣзжаетъ опять Иванъ Николаевичъ и туточка уже разсердился. Ну, чтобы приказать, и исправили бы, какъ слѣдуетъ, а ослушниковъ накажи! Нѣтъ, говоритъ, позовите одного мироваго сюда, Семена Андреевича, и другаго мироваго, говоритъ, давайте сюда,

Александра Андреевича, все начальство сюда— вотъ я васъ! Ну, пріѣхали всѣ, пріѣхали разъ, другой; много подводъ забирали; кажись всего съ 30; а пора осенняя, лошадкамъ тяжело. Ну, и насъ тащи! бывало молотишь, али на мельницу торопишься, потому что ребятишкамъ ѣсть нечего; а сотскій тутъ какъ тутъ: „къ мировому завтра“.—Пойдешь къ Семену Андреевичу, а онъ говоритъ: „да я, братецъ, тебя не вызывалъ; ты сходи къ другому мировому, Александру Андреевичу: это, можетъ, онъ тебя требовалъ“. А Александръ Андреевичъ за Волчьимъ болотомъ, верстъ 50 отселева. Да, времена перемѣнились: больно много начальства стало. Всѣмъ кланяйся. И шапки не надоть.“

Для того, чтобы осязательно выставить, какимъ образомъ дѣйствуютъ наши мѣстныя власти при настоящемъ раздробленіи ихъ, мы взяли примѣръ самый обыденный и простой. Но изъ него можно вывести заключеніе и составить себѣ понятіе, что происходитъ при болѣе сложныхъ случаяхъ, въ особенности, когда власти, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать другъ другу, вслѣдствіе различныхъ такъ

называемыхъ личностей, подкапываются другъ подъ друга, взаимно подставляютъ ножку, что̀, при мелочности нашей уѣздной жизни, бываетъ почти постоянно. Тогда обыкновенно вся бѣда обрушивается на главы подвластнаго населенія, и бѣдный крестьянинъ испытываетъ на себѣ справедливость поговорки: „паны дерутся, а у хохловъ чубы трясутся“.

Далѣе: изъ кого состоятъ въ нашихъ уѣздахъ земскія собранія, управы и съѣзды мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ?

Кто не знаетъ условій нашей уѣздной жизни, можетъ предполагать, что каждое изъ этихъ учрежденій дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно и отдѣльно отъ другихъ. На практикѣ же различныя учрежденія эти, въ большей части случаевъ, представляютъ сочетаніе тѣхъ же самыхъ личностей, засѣдающихъ лишь въ большемъ или меньшемъ числѣ и при различныхъ обстановкахъ.

Предполагая, что уѣздное земское собраніе состоитъ изъ 15 землевладѣльцевъ, 10 крестьянъ и 5 гласныхъ отъ городовъ имѣя притомъ въ виду, что изъ числа гласныхъ могутъ занимать должности не номинально только, но и въ дѣйствитель-

ности, лишь означенные 15 землевладѣльцевъ и одинъ или двое гласныхъ отъ городовъ; наконецъ принимая въ соображеніе, что въ большинствѣ случаевъ въ уѣздахъ въ гласные избираются лица самыя вліятельныя и дѣловыя и потому неминуемо долженствующія быть выбранными и въ различныя должности, спрашивается: изъ кого будетъ состоять судебно-мировой съѣздъ, съѣздъ мировыхъ посредниковъ и управа, какъ не изъ тѣхъ же землевладѣльцевъ, по званію участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей, мировыхъ посредниковъ, предсѣдателя и членовъ управы?

Изъ всѣхъ сихъ должностей только званіе участковаго мироваго судьи не можетъ быть соединено съ другою должностію; всѣ остальныя могутъ быть соединены въ однихъ лицахъ, хотя большинство уѣздовъ и не пользуется этимъ правомъ по разнымъ причинамъ. Въ иныхъ уѣздахъ и сознается польза соединенія должностей мировыхъ посредниковъ съ должностями предсѣдателя и членовъ управы, на основаніи того простаго ариѳметическаго разсчета, что гораздо выгоднѣе имѣть въ уѣздѣ шесть миро-

выхъ посредниковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были бы членами управы и дѣйствовали каждый въ раіонѣ 50 верстъ, чѣмъ трехъ посредниковъ и трехъ членовъ управы, изъ которыхъ каждый дѣйствовалъ бы въ раіонѣ 100 верстъ. Но опредѣленіе числа и величины участковъ мировыхъ посредниковъ зависитъ не отъ земства; посредники безъ сокращенія участковъ не могутъ принять на себя новыя обязанности, и потому земство по неволѣ избираетъ особыхъ лицъ въ предсѣдатели и члены управы. Во многихъ уѣздахъ, не смотря на подобныя препятствія, должности эти все-таки соединяются въ однѣхъ рукахъ.

Если такимъ образомъ уѣздныя земскія управы и съѣзды посредниковъ и судей состоятъ, или покрайней мѣрѣ имѣютъ явное стремленіе къ тому, чтобы составляться изъ тѣхъ же почти лицъ, подъ предсѣдательствомъ того или другаго изъ ихъ же среды, и все отличіе только во внѣшней обстановкѣ, т. е. происходитъ ли засѣданіе въ мундирахъ или безъ оныхъ, при зерцалѣ или безъ зерцала; если земство удерживается только искусственными средствами

отъ того, чтобы дать симъ учрежденіямъ совершенно тожественный составъ, то къ чему такое рѣзкое разграниченіе ихъ на бумагѣ, когда сама жизнь отрицаетъ и долго еще не будетъ признавать подобнаго разграниченія властей?

II.

Участки мировыхъ судей въ уѣздахъ, гдѣ введены судебно-мировыя учрежденія, представляютъ теперь разстоянія изъ конца въ конецъ отъ 70 до 200 верстъ и болѣе. Рѣдко случается, чтобы мировой судья жилъ именно въ самомъ центрѣ своего участка; напротивъ того, нерѣдко, за недостаткомъ лицъ, соглашающихся принять на себя должность участковыхъ мировыхъ судей, приходится избирать таковыхъ изъ лицъ, имѣющихъ постоянное мѣстопребываніе свое внѣ участковъ. Но если принять большинство случаевъ, т. е. когда мировой судья живетъ на одномъ краю своего участка, то все-таки жители противуположнаго края будутъ находиться отъ власти, которая одна въ состояніи и имѣетъ законное право охранять ихъ личность и собственность, на разстояніи отъ 70 до 200 и болѣе верстъ.

Нарушеніе права собственности въ нашихъ уѣздахъ, по недостаточному накопленію капиталовъ и раздробленію ихъ, обыкновенно не распространяется на большія цѣнности. Оно скорѣе заключается въ безпрерывно повторяющихся мелкихъ нарушеніяхъ, которыя тѣмъ не менѣе, именно вслѣдствіе своей мелочности и учащенности, весьма трудно уловимы, а между тѣмъ влекутъ за собой иногда совершенное уничтоженіе всякаго права собственности. Ежеминутно, на каждомъ шагу, отравляя жизнь собственника, они заставляютъ его предпочитать бѣдную, но покойную жизнь въ городѣ, а иногда и на чужбинѣ — гдѣ его собственность и личность ограждены — труду, ничѣмъ не вознаграждаемому, и безпрерывнымъ огорченіямъ въ своемъ помѣстіи.

Помѣстное дворянство пожертвовало не какими-нибудь отжившими, потерявшими всякое значеніе правами, а значительною частію своей собственности, во многихъ случаяхъ, средствами къ жизни и къ воспитанію своихъ дѣтей. Послѣ этого оно въ правѣ ожидать, чтобы та часть имущества, которая осталась

ему, была уважаема, чтобы эта часть не подвергалась различнымъ укорачиваніямъ, подъ видомъ достиженія различныхъ гуманныхъ цѣлей, и безпрерывнымъ нападеніямъ со стороны освобожденнаго и надѣленнаго помѣщичьею землею населенія. Такъ безпрерывно повторяющіяся порубки имѣютъ послѣдствіемъ совершенную бездоходность лѣсовъ, или, по крайней мѣрѣ, поглощеніе получаемыхъ съ лѣсовъ доходовъ издержками, необходимыми на охраненіе ихъ.

И удивительно ли, что крестьяне предпочитаютъ у насъ самовольныя порубки покупкѣ лѣса, когда за самовольную порубку съ нихъ взыскивается всего, въ первый и второй разъ, двойная цѣна украденнаго, и лишь при третьей поимкѣ виновный рискуетъ подвергнуться тюремному заключенію? Даже при добросовѣстномъ охраненіи лѣса достаточнымъ числомъ лѣсничихъ, изъ десяти кражъ открывается и можетъ быть доказана развѣ только одна. Такимъ образомъ крестьянинъ, укравшій двадцать бревенъ, рискуетъ, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, заплатить только за четыре. Разсчетъ слишкомъ ясный. Пойманный

же два раза не поѣдетъ въ чужой лѣсъ, для того, чтобы, будучи пойманнымъ въ третій разъ, подвергнуться тюремному заключенію. Онъ просто пошлетъ своего сына, брата или кума, принявъ на себя рискъ предпріятія.

Часто повторяющіяся потравы полей и луговъ, покражи хлѣба въ снопахъ и во время молотьбы, пропажа и порча мелкихъ хозяйственныхъ принадлежностей, растрата и тайная продажа въ сторону, во время пути, отправляемыхъ по назначенію произведеній, а равно корма, назначеннаго для лошадей; тысячи подобныхъ умышленно или неумышленно причиняемыхъ сельскому хозяину убытковъ, не только поглощаютъ весь чистый его доходъ и дѣлаютъ всякое правильное веденіе хозяйства невозможнымъ, но заставляютъ его еще приплачивать собственныхъ денегъ за напрасный трудъ и потраченный капиталъ.

Человѣкъ вообще легче переноситъ единовременно какое-либо тяжкое несчастіе, чѣмъ безпрерывно повторяющіяся мелкія непріятности; противъ послѣднихъ онъ возмущается всѣми

своими силами; на тяжкія несчастія онъ смотритъ, какъ на неизбѣжные удары судьбы. Отъ преступленій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, возможно предохранить себя, именно потому, что они принадлежатъ къ явленіямъ исключительнымъ, точно такъ, какъ возможно справляться съ небольшимъ числомъ хищныхъ звѣрей. Гораздо труднѣе защититься противъ безчисленнаго множества невидимыхъ для глазъ мелкихъ насѣкомыхъ. Проникая въ наши дома, наши житницы, нашъ организмъ, они подтачиваютъ наши жилища, съѣдаютъ наши запасы, вносятъ въ насъ самихъ смертоносныя болѣзненныя начала.

Обращаться каждый разъ къ мировому судьѣ на разстояніи ста и болѣе верстъ, иногда въ горячее для работъ время, значитъ затрачивать новый трудъ и новый капиталъ, съ весьма малою надеждою на успѣхъ. Все окрестное населеніе общинниковъ, враждебно настроенное въ отношеніи къ личной собственности, постоянно стремится къ тому, чтобы въ подобныхъ случаяхъ выгораживать своего брата, а если кто и рѣ-

шится выдать виновнаго, или показать противъ него, то тому послѣ того, какъ говорится, житья не будетъ.

Но положимъ, что мировой судья отъ времени до времени и приговоритъ того или другаго къ наказанію или къ удовлетворенію хозяина за причиненные убытки;—при взысканіи обыкновенно оказывается, что съ виновнаго взять нечего. Въ заработки, по гражданскимъ взысканіямъ, отдавать не дозволяется, а по денежнымъ взысканіямъ за проступки, одинъ день ареста, по нынѣ дѣйствующимъ законамъ, признается равносильнымъ 5 рублямъ штрафа. Такимъ образомъ крестьянинъ, который, работая на собственномъ иждивеніи, получаетъ въ деревнѣ, въ зимнее время, среднимъ числомъ около 30 коп., а въ лѣтнее—около 50 коп. с. за пѣшій день, —провинившись и приговоренный къ штрафу, подъ арестомъ, на готовомъ иждивеніи, отсиживаетъ, ничего не дѣлая, по 5 руб. въ день, т. е. въ 20 или 30 разъ болѣе. Вотъ какую сильную премію получаетъ у насъ праздность и нищета передъ трудомъ и собственностію!

Впрочемъ, не одни землевладѣльцы, сами крестьяне еще болѣе страдаютъ отъ непрактичности нѣкоторыхъ нашихъ законовъ, отъ отдаленности предохранительной и карательной судебной власти, отдаленности, въ большинствѣ случаевъ равносильной совершенному ея отсутствію. На нихъ еще болѣе, чѣмъ на крупномъ собственникѣ, отзываются послѣдствія, порожденные хозяйственною неурядицею и нравственною распущенностью. Семейныя ссоры и неизбѣжные вслѣдствіе того семейные раздѣлы, праздность и разгулъ, при многочисленности и близости кабаковъ; — платежъ при круговой порукѣ исправными крестьянами за безпечныхъ и буйныхъ, безъ всякой возможности обуздать ихъ, — вотъ что, при отсутствіи дѣйствительной власти, раззоряетъ теперь наше крестьянство!

Итакъ, первою насущною потребностію нашего сельскаго быта слѣдуетъ признать устройство суда не только праваго, но и скораго и всѣмъ доступнаго; упроченіе, послѣ долгой неурядицы, *земскаго міра*. Цѣли этой нельзя достигнуть чрезъ увеличеніе числа, получающихъ значительное содержаніе, участковыхъ

мировыхъ судей. Такая мѣра можетъ привести лишь къ окончательному раззоренію крестьянъ, чрезмѣрнымъ увеличеніемъ земскихъ сборовъ, а въ отношеніи землевладѣльцевъ, изъ которыхъ почти всѣ должны будутъ въ такомъ случаѣ принять на себя должности участковыхъ мировыхъ судей, къ тому, что большинство ихъ будетъ платить жалованье самимъ себѣ изъ собственныхъ доходовъ.

Но этого мало. Для того, чтобы власть была дѣйствительна, необходимо ее сосредоточить. У насъ даже и не всѣ образованные люди въ состояніи составить себѣ ясное понятіе о разграниченіи всѣхъ властей, а крестьянинъ, какъ мы уже видѣли, просто толку въ нихъ не доберется.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ практики. Крестьяне вышли на выкупъ и, на основаніи добровольнаго соглашенія, обязались доплачивать помѣщику, въ теченіе опредѣленнаго времени, добавочный къ ссудѣ оброкъ. По другому добровольному соглашенію тѣ же крестьяне у того же помѣщика наняли нѣкоторыя угодья, сверхъ надѣла. На основаніи

дѣйствующихъ нынѣ узаконеній, взысканіе по одному добровольному соглашенію должно быть произведено чрезъ мироваго посредника и полицію, а по другому — черезъ мироваго судью и судебнаго пристава. Странность этой двойственной подсудности еще увеличивается, когда крестьяне состоятъ на обязательномъ трудѣ по надѣлу и сверхъ того взялись отбывать помѣщику дни за угодья сверхъ надѣла. Тогда недоимки рабочихъ дней должны быть взыскиваемы двумя разными властями, совершенно различнымъ порядкомъ судопроизводства.

Вотъ еще другой примѣръ: сельскій староста, зайдя въ харчевню въ своей деревнѣ, при знакѣ своей должности, нанесъ обиду словомъ односельному крестьянину. Сельскій староста увѣряетъ, что зашелъ въ харчевню для наблюденія за порядкомъ, а обиженный крестьянинъ утверждаетъ, что староста пришелъ для того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ выпить водки. Спрашивается: составляетъ ли проступокъ старосты превышеніе власти по должности, или обиду, нанесенную въ качествѣ частнаго лица? Въ первомъ случаѣ онъ, на основаніи 125 ст.

Общ. о крест. пол., подсуденъ мировому посреднику, во второмъ—мировому судьѣ. Въ такомъ лѣсу и тертый юристъ заблудится и споткнется.

Оттого-то, благодаря обилію властей, столкновеніямъ, пререканіямъ и недоразумѣніямъ нѣтъ конца. Бѣдный крестьянинъ, посылаемый отъ Понтія къ Пилату, только дивится новымъ заморскимъ порядкамъ, почесывая затылокъ. Дѣло въ томъ, что для такого неразвитаго человѣка, какъ нашъ крестьянинъ, нужно не теоретическое разграниченіе властей, а *личность*, которая соединяла бы въ себѣ власть судебную, исполнительную и хозяйственную,—*не учрежденіе, а лицо*, къ которому онъ могъ бы прибѣгать съ довѣріемъ въ своихъ нуждахъ и пользахъ. Только тогда онъ будетъ уважать власть и охотно преклоняться передъ нею.

III.

Уже съ самаго начала нашихъ соображеній, большіе наши города были оставлены нами совершенно въ сторонѣ, какъ явленіе, выходящее изъ общаго уровня нашего земскаго быта. Дѣйствительно, средняго сословія въ западно-европейскомъ смыслѣ у насъ никогда не было, да и въ настоящее время нѣтъ. На окраинахъ имперіи оно большею частію состоитъ изъ иностранцевъ, или по крайней мѣрѣ изъ лицъ не русскаго происхожденія. Внутри Россіи купечество составляетъ незначительный процентъ общаго населенія.

По нынѣ дѣйствующему положенію о земскихъ учрежденіяхъ, незначительное число большихъ городовъ нашихъ, пользующихся уже самостоятельнымъ развитіемъ, присоединены къ

земству лишь съ теоретическою цѣлію, ради идеи сліянія сословій. Въ дѣйствительности между городскимъ и собственно земскимъ хозяйствомъ нѣтъ у насъ никакихъ такихъ общихъ интересовъ, которые могли бы требовать соединенія ихъ въ одно учрежденіе. Въ большей части губернскихъ земскихъ собраній городскіе гласные являются совершенно безучастными зрителями или равнодушными слушателями; а если они и принимаютъ какое-либо въ нихъ участіе, то лишь съ теоретической точки зрѣнія. Стоитъ только раскрыть журналы губернскихъ земскихъ собраній, чтобы убѣдиться въ томъ: въ нихъ только идетъ рѣчь о хозяйствѣ уѣздовъ, о городскомъ же хозяйствѣ почти вовсе не упоминается.

Что же касается малыхъ городовъ нашихъ, то, лишенные всякаго самостоятельнаго развитія, какъ общественнаго, такъ и хозяйственнаго, они въ сущности не что иное, какъ большія деревни, и потому составляютъ неразрывную часть нашего земства.

За симъ передъ нами остаются только два земскія сословія, въ тѣсномъ смыслѣ этого

слова: крестьянство и сословіе личныхъ земле-владѣльцевъ, почти все состоящее изъ дворянъ.

Часто слышится, что русское дворянство есть произведеніе новѣйшаго времени, что оно неизвѣстно было древней Руси, что существованіе его началось съ дарованія ему Екатериною дворянской грамоты. Но кто выражаетъ подобныя мысли, выказываетъ не только совершенное незнаніе русской исторіи, но и непониманіе историческаго развитія всякаго вообще человѣческаго общества. Развѣ можно предполагать, чтобы цѣлый многочисленный классъ людей, цѣлое передовое сословіе, сосредоточившее въ себѣ нравственныя силы и матеріальныя богатства страны, внезапно вызвано было на свѣтъ волею одного лица, какъ бы могущественно оно ни было?

Дворянство есть достояніе русской земли и русской исторіи съ самаго начала утвержденія государственнаго порядка въ Россіи. Первыми русскими дворянами были дружинники. Со времени утвержденія единодержавія въ Россіи, дружинники, снабженные для отправленія службы — сперва великокняжеской, а потомъ цар-

ской — помѣстьями, стали именоваться служилыми людьми, дѣтьми боярскими, а знатнѣйшимъ изъ нихъ присвоено было высокое въ глазахъ народа званіе бояръ. По мѣрѣ превращенія даруемыхъ пожизненно помѣстій въ наслѣдственныя вотчины, служилые люди превращались въ помѣщиковъ, освобождаясь вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно отъ тѣхъ обязательствъ въ отношеніи государства, съ которыми связано было жалованіе помѣстій. Новѣйшими узаконеніями, и въ частности дворянскою граматою русскому помѣстному дворянству дано лишь болѣе опредѣлительное, облеченное въ законную форму, устройство; — подтверждено и развито въ письменномъ актѣ то, что отчасти существовало уже въ жизни и обычаѣ. Самое же слово дворянинъ — новѣйшее, мало употребительное въ народѣ, который до сихъ поръ называетъ владѣльца бариномъ или помѣщикомъ.

Вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, правоотношенія дворянства къ подвластному ему сословію крестьянъ, а за симъ и самое значеніе его среди мѣстной земской жизни подверглись кореннымъ измѣненіямъ. Тѣмъ не менѣе помѣ-

стное дворянство, — втеченіе многихъ вѣковъ рука объ руку съ верховною властію созидавшее государственный строй русской земли, — первое заявившее о необходимости освобожденія крестьянъ и само же, слѣдуя предначертаніямъ своего Государя, приведшее ихъ въ исполненіе, — осталось передовымъ земскимъ сословіемъ.

Только въ нѣдрахъ помѣстнаго дворянства, съ его сравнительно высшимъ образованіемъ и бо́льшимъ достаткомъ, съ его практическою опытностію и знаніемъ свойствъ русской земли и русскаго народа, хранились тѣ зачатки общественной жизни, которые — при извѣстныхъ приспособленіяхъ къ новымъ жизненнымъ условіямъ, — могли дать надежду на успѣшное и послѣдовательное развитіе въ будущемъ.

По историческимъ своимъ воспоминаніямъ, по значенію своему въ общественной жизни, глубоко коренясь въ народѣ, а съ другой стороны, по высокому служебному своему положенію, находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ Верховною Властію, дворянство представляется связующимъ звеномъ между

правительствомъ и массою народа, внутреннею государственною скрѣпою русской земли. Оно одно въ состояніи было, сообща съ Верховною Властію, руководить движеніемъ, направлять его къ плодотворнымъ цѣлямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдерживать слишкомъ сильные его порывы. Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, дворянству слѣдовало раскрыть свои ряды и, постепенно принимая въ себя вновь освобожденное сословіе, сообщать ему съ теченіемъ времени тѣ качества, которыя необходимы для превращенія бывшихъ крѣпостныхъ въ свободныхъ гражданъ. Такъ испытанные въ бояхъ старые воины, размыкая свои ряды, принимаютъ въ кадры свои новобранцевъ и вмѣстѣ съ ними идутъ на новые подвиги, подъ сѣнію того же знамени, подъ предводительствомъ тѣхъ же старыхъ испытанныхъ вождей.

Къ сліянію двухъ земскихъ сословій, дворянства и крестьянства, не представляется у насъ другихъ препятствій, кромѣ естественныхъ, т. е. различія въ образованіи и въ распредѣленіи имущества. Можетъ быть нѣтъ въ мірѣ сословія менѣе исключительнаго, чѣмъ русское дворян-

ство. Ему не только нельзя ставить въ укоръ какія-нибудь стремленія къ замкнутости, его скорѣе можно упрекнуть въ сословной распущенности, въ недостаткѣ того корпоративнаго духа, который произведенъ феодальными отношеніями западной Европы.

Русское помѣстное дворянство, въ особенности послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, въ сущности не что иное, какъ совокупность лицъ, владѣющихъ поземельною собственностію, которыя вслѣдствіе совершеннаго отсутствія у насъ средняго сословія въ западно-европейскомъ смыслѣ, по необходимости суть единственные представители, связаннаго съ землею, образованнаго сословія.

Въ другихъ странахъ землевладѣльцы, одинаково образованные, могущіе имѣть притязаніе на одинаковое положеніе въ обществѣ, долгое время пользовались другъ передъ другомъ, по происхожденію и крови, разными правами и преимуществами. Само собою разумѣется, что такое разграниченіе общества на отдѣльныя касты и сословія, не вслѣдствіе естественнаго положенія, а на основаніи крови, должно было поселить

зависть и обоюдную между ними ненависть. Въ Россіи подъ словомъ дворянство слѣдуетъ подразумѣвать *образованное земское сословіе.* Здѣсь не можетъ быть никакой зависти и ненависти, за исключеніемъ зависти неимущаго къ имущему и необразованнаго къ образованному. Если въ земствѣ людямъ образованнымъ и независимымъ будетъ предоставлено подобающее вліяніе, то этимъ конечно, въ состояніи будетъ на первое время воспользоваться одно только помѣстное дворянство. Но по мѣрѣ возвышенія уровня образованія крестьянскаго сословія и накопленія въ его рукахъ богатствъ, низшее сословіе, сближаясь съ высшимъ, незамѣтнымъ и естественнымъ образомъ сольется посредствомъ передовыхъ своихъ дѣятелей съ дворянскимъ сословіемъ. Этого нужно желать, къ этому законодательство и общество должны стремиться; можетъ быть только различіе въ воззрѣніяхъ относительно тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ возможно достиженіе этой благой цѣли.

Но здѣсь возникаетъ другой вопросъ: слѣдуетъ ли у насъ въ Россіи, не будемъ говорить

*

дворянству, а единственному независимому, по своему состоянію, образованному сословію дать преобладаніе въ нашемъ земскомъ быту?

На это конечно отвѣтятъ, что предоставленіе преобладанія какому бы то ни было сословію составляетъ вопіющую несправедливость, что въ законодательствѣ и въ жизни должна быть введена полная равноправность, что вліяніе всѣхъ сословій должно быть уравновѣшиваемо безъ предоставленія какому-либо изъ нихъ исключительнаго преобладанія, что этимъ однимъ возможно осуществленіе въ обществѣ началъ правды и справедливости.

На этотъ новый, прикрытый громкими фразами софизмъ, прежде всего нужно замѣтить, что правда и справедливость можетъ быть двоякаго рода: юридическая и коммунистическая. Первая заключается въ уваженіи всѣхъ лично или по наслѣдству пріобрѣтенныхъ правъ, за исключеніемъ несовмѣстныхъ съ человѣческимъ достоинствомъ, какъ напр. рабство и крѣпостное состояніе; — будутъ ли права эти состоять въ вещественныхъ преимуществахъ, т. е. собственности, или заключаться въ лич-

ныхъ преимуществахъ, т. е. положеніи въ обществѣ, образованіи, значеніи, личныхъ дарованіяхъ.

Приверженцы коммунистической справедливости, прикрываясь, то сантиментальностію чувствъ, то различными теоріями, имѣютъ одну общую цѣль: распредѣлить въ обществѣ личныя и имущественныя богатства на другомъ основаніи, чѣмъ требуютъ этого юридически установившіяся въ обществѣ правоотношенія. Коммунисты и соціалисты, не скрывая своего знамени, а напротивъ того гордясь имъ, выступаютъ въ походъ противъ настоящей организаціи общества съ цѣлою системою новаго распредѣленія богатствъ, и со всею беззастѣнчивостію односторонняго убѣжденія.

Это еще самые безвредные изъ адептовъ новаго экономическаго катехизиса. Они по крайней мѣрѣ дѣйствуютъ откровенно и не скрываютъ своихъ цѣлей.

Болѣе опасны тѣ изъ приверженцевъ коммунистической справедливости, которые—руководствуясь одною только завистью или ненавистью ко всему установившемуся и пра-

вильно организованному — подъ видомъ гуманности, свободы и осуществленія началъ правды и равноправности, стараются расторгнуть и извратить установившіяся правоотношенія, подкапываются подъ исторически сложившійся общественный строй.

До сего времени, попытки къ осуществленію коммунистическихъ началъ вездѣ, гдѣ онѣ проявлялись, приводили лишь къ самому жалкому разочарованію; но какъ приверженцы сихъ началъ руководствуются не разумомъ, а страстію, не свѣтлымъ чувствомъ сохраненія и созиданія, а темнымъ инстинктомъ ниспроверженія и разрушенія, то неудачи въ осуществленіи ихъ ученія на опытѣ не могутъ остановить ихъ стремленій.

Разумъ говоритъ, что производство личныхъ и имущественныхъ богатствъ есть результатъ усилій каждаго изъ членовъ общества; что только при обезпеченіи плодовъ труда въ пользу трудящагося будутъ совершаться эти усилія; что, при уменьшеніи вознагражденія за трудъ, всякій членъ общества будетъ на столько менѣе трудиться, менѣе производить, а при

насильственномъ перенесеніи вознагражденія отъ трудящагося къ нетрудящемуся будетъ постановлена прямая премія въ пользу безпечности и праздности.

Опытъ доказываетъ, что при всѣхъ подобныхъ попыткахъ общества каждый разъ дѣлались матеріально и нравственно бѣднѣе, тогда какъ на началахъ юридической справедливости зиждется все зданіе новѣйшей цивилизаціи. Но голосъ страсти заглушаетъ ясные выводы разсудка, и при помощи извѣстнаго ложно понятаго, fiat justitia pereat mundus, явные и скрытые коммунисты и соціалисты хотятъ привести общество къ первобытному варварству.

Вотъ что мы имѣли сказать относительно громкой вывѣски: осуществленіе правды и справедливости.

Обратимся теперь къ другой, не менѣе громкой вывѣскѣ: равноправности.

Равенство въ обществѣ всѣхъ его членовъ составляетъ химеру еще болѣе дикую, чѣмъ коммунизмъ. Для этого уже недостаточно насильственнаго распредѣленія богатствъ въ обществѣ: для этого необходимо, чтобы никто изъ

членовъ общества не былъ умнѣе или даже физически сильнѣе прочихъ. Мы признаемъ только равенство передъ закономъ. Но и это равенство можетъ быть двоякаго рода: равенство чисто внѣшнее, формальное, и равенство существенное, проявляющееся въ жизни. Если законъ, соблюдая всю внѣшную симметрію равноправности, недостаточно ограждаетъ тотъ или другой видъ собственности противъ нарушенія; если онъ въ примѣненіи своемъ безсиленъ въ отношеніи одного класса общества и слишкомъ требователенъ въ отношеніи другого, то такая равноправность уже не можетъ быть признана основанною на началахъ юридической справедливости.

Дѣло въ томъ, что внѣшняя, бумажная, такъ сказать, равноправность глубоко отличается отъ дѣйствительнаго осуществленія ея въ жизни. Ее можно осуществить лишь при преобладаніи въ обществѣ высшихъ нравственныхъ свойствъ, при преобладаніи тѣхъ его слоевъ, которые болѣе другихъ въ состояніи провести въ жизнь начала правды и справедливости.

Иные изъ „передовыхъ“ нашихъ мыслите-

лей воображаютъ, что сила и вліяніе въ обществѣ отдѣльныхъ его органовъ могутъ быть уравновѣшиваемы подобно тому, какъ на какой-нибудь важнѣ приводятъ въ равновѣсіе возъ соломы со стогомъ сѣна. Но эти мыслители опять таки не имѣютъ никакого понятія о томъ, по какимъ законамъ происходитъ взаимодѣйствіе силъ въ человѣческомъ обществѣ. Они смотрятъ на жизнь съ чисто механической точки зрѣнія. Если даже предположить, что въ данный моментъ возможно механическое уравновѣшиваніе общественныхъ силъ, то черезъ самое непродолжительное время, иногда вслѣдствіе причинъ совершенно случайныхъ, равновѣсіе должно быть нарушено.

Общественныя силы дѣйствуютъ физіологически, а не механически, и должны быть совокупляемы въ виду всякихъ возможныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ нарушеній; въ виду безконечнаго развитія общества въ будущемъ. А это возможно лишь при преобладаніи тѣхъ слоевъ въ обществѣ, которые олицетворяютъ собою высшія нравственныя начала и большее обезпеченіе матеріальное, и которыя по самому

существу своему должны вслѣдствіе того стремиться къ высшимъ, болѣе отдаленнымъ цѣлямъ. Пониманіе этихъ высшихъ цѣлей въ общей сложности доступно только высшимъ слоямъ обществъ.

Теперь спрашивается: какіе именно классы или слои общества служатъ въ нашемъ земскомъ быту представителями высшихъ нравственныхъ началъ и сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ имущественныя богатства, могущія обезпечить дальнѣйшее матеріальное развитіе Россіи въ будущемъ.

Нашъ земскій, или скорѣе нашъ сельскій бытъ представляетъ, при настоящемъ своемъ составѣ, двѣ крайности, двѣ противоположности: съ одной стороны крестьянскій надѣлъ съ его сплошнымъ населеніемъ и общиннымъ владѣніемъ, съ его до безконечности дробнымъ, прикованнымъ къ рутинѣ и безкапитальнымъ хозяйствомъ, съ его круговою порукою и съ вліяніемъ, подавляющимъ всякую личную самостоятельность, всякое личное превосходство, всякую личную собственность; съ другой стороны—земли, оставшіяся за крестьянскимъ на-

дѣломъ въ непосредственномъ владѣніи частныхъ лицъ, съ хозяйствомъ болѣе раціональнымъ, связаннымъ съ капиталомъ, матеріальнымъ и умственнымъ, и со всѣми преимуществами, которыя даетъ большій достатокъ, большее образованіе, въ связи съ личною собственностію. Числительность населенія, матеріальная сила, даже цѣнность имущества, въ совокупности взятаго, на сторонѣ крестьянскаго надѣла. Но на чьей сторонѣ преимущества нравственныя и тѣ силы, которыя выражаютъ собою высшую ступень матеріальнаго и нравственнаго развитія? Отвѣтъ, кажется, можетъ быть только одинъ.

При матеріальной равноправности, при механическомъ уравновѣшиваніи силъ, зачатки высшаго развитія въ нашемъ земскомъ быту будутъ подавлены и исчезнутъ на долгое время. При нравственномъ преобладаніи этихъ началъ, напротивъ, они послужатъ точкою опоры, около которой мало-по-малу будутъ собираться изъ широкаго уровня крестьянской общины элементы, которые подготовятъ для нашего отечества будущее его развитіе.

Въ настоящій моментъ помѣстное дворянство, какъ единственное образованное земское сословіе, представляетъ эту твердую точку для будущаго развитія нашего земскаго быта.

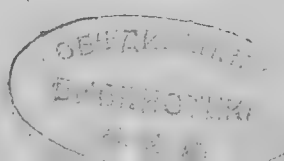
Независимо отъ той высшей ступени развитія въ умственномъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніи, на которой оно стоитъ, помѣстное дворянство еще до освобожденія крестьянъ обладало уже опредѣленнымъ устройствомъ. Въ средѣ его уже успѣло исторически сложиться органическое взаимодѣйствіе составныхъ частей, успѣли выработаться начала и свойства, при помощи коихъ учрежденіе это могло послѣдовательно развиваться въ будущемъ.

Но въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ эта исторически и органически сложившаяся сила не нашла должнаго преобладанія.

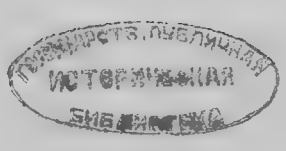
Правда, таблица числа гласныхъ отъ разныхъ сословій имѣла цѣлію уравновѣсить ихъ взаимодѣйствіе, но повторяемъ: не механически, а физіологически дѣйствуютъ общественныя силы; не отъ числительности частицъ или механическаго ихъ сопоставленія, а отъ органическаго ихъ взаимодѣйствія зависитъ резуль-

татъ внутренней общественной жизни. Въ природѣ изъ однѣхъ и тѣхъ же составныхъ частей можетъ сложиться такое развитое существо, какъ человѣкъ, а при другихъ условіяхъ — тѣло совершенно безжизненное. Точно также и въ обществѣ: свойство и духъ учрежденія зависитъ не столько отъ количественности соотношенія частей, сколько отъ физіологическаго ихъ взаимодѣйствія. Земскія учрежденія, руководствуясь болѣе одними умозрительными началами правды и справедливости, чѣмъ уваженіемъ къ пріобрѣтеннымъ правамъ вообще и къ самому священному изъ нихъ — къ праву собственности въ особенности, земскія учрежденія, въ видахъ достиженія разныхъ, впрочемъ чрезвычайно благодѣтельныхъ цѣлей, подавляютъ, а со временемъ и совершенно уничтожатъ производительныя силы, которыя могли бы дать средства къ достиженію сихъ цѣлей въ будущемъ.

Въ видахъ упроченія самаго земства и дарованія ему необходимой для послѣдовательнаго развитія устойчивости, желательно, чтобы новое наше земское устройство исторически связано



было съ прежнимъ, чтобы былъ пополненъ перерывъ, происшедшій въ органическомъ развитіи народной жизни. Только при соблюденіи исторической послѣдовательности возможенъ успѣхъ, возможно благоустройство и дальнѣйшее правильное развитіе въ будущемъ; всякій внезапный перерывъ, всякій крупный переломъ, какъ въ организмѣ, такъ и въ обществѣ, только въ такомъ случаѣ можетъ пройти безъ пагубныхъ послѣдствій, а иногда и обновить силы, если здравыя охранительныя жизненныя начала возьмутъ верхъ надъ началами растлѣвающими и враждебными органическому развитію. Рескриптъ 13 мая взываетъ къ этимъ здравымъ охранительнымъ силамъ въ нашемъ отечествѣ, и неблагодарно, мы скажемъ болѣе, неестественно было бы не откликнуться на вѣщій голосъ Монарха. Скачекъ отъ крѣпостнаго права, отъ неограниченной почти власти помѣстнаго дворянства къ теперешнему положенію дѣлъ былъ слишкомъ великъ. Между этими двумя условіями мѣстной жизни произошелъ такой пробѣлъ, который лишилъ новыя земскія и судебно-мировыя учрежденія твердой, исторически уста-

новившейся почвы, прекратилъ органическое взаимодѣйствіе между прошедшимъ и настоящимъ нашей земской жизни.

Кому дороги матеріальное и нравственное преуспѣяніе русскаго народа и политическое могущество Россіи, тотъ долженъ желать, чтобы пробѣлъ этотъ былъ пополненъ, чтобы вновь скрѣплена была нить внутренняго органическаго развитія нашего отечества.